

Литературный журнал

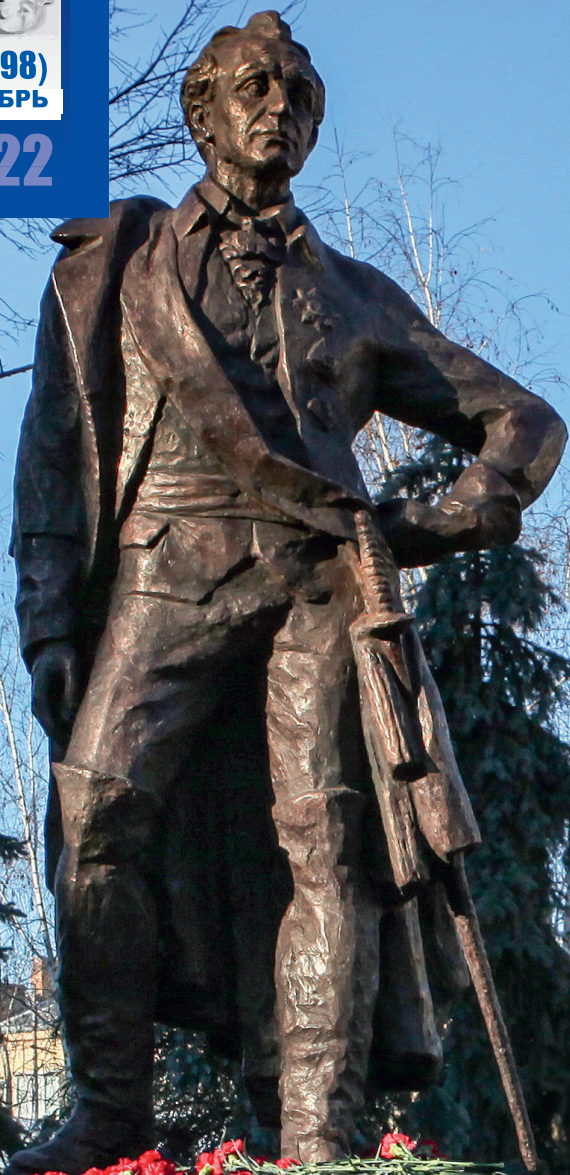
СИМБИРСКЪ

12+

№5 (98)
ОКТАБРЬ

2022

Продолжается подписка на 1-е полугодие 2023 г.

Цена подписки:

1 номер – 256,56 руб.

3 номера – 769,68 руб.

Стоимость

подписки в редакции:

1 номер – 154 руб.

Индекс ПА041

Совету молодых литераторов 5 лет

стр. 22

Гончарову посвящается

стр. 51

Сурское.
Благословенная земля

стр. 89

Цветаевский костёр в Мирном

стр. 92

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, Ульяновская область г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 13.10.2022 г.
Дата выхода 20.10.2022 г.
Тираж 1215 экз. Заказ №506

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкина, 27, тел. (8422) 29-70-19, e-mail: ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №5 (98), 2022

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: О.А. Клюев. Памятник А.В. Суворову.
Фото Владимира Ламзина.
На обороте обложки: Осень на Венце.
Фото Владимира Ламзина

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку
на I полугодие 2023 года
(подписной индекс ПАО41)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Сияние слова. Слово редактора	3
Дорога к храму Светлана Матлина. Но России неведом предел. Стихи	4
Пульс времени Ольга Даранова. Верю в Россию	10
Единство духа. Стихи ульяновских поэтов.....	11
Гость Юрий Кабанков. О том и речь. Стихи	13
Андрей Баранов. Время вечности. Эссе	17
Молодые голоса Итоги творческого конкурса, посвященного 350-летию Петра I.....	19
Ирина Попова. Императорский подарок.....	21
Александр Дашко. Совету молодых литераторов 5 лет	22
Пять вопросов о СМЛ	25
Виктория Шейко. Призрак забытого дома	27
Житейские истории Евгений Сафронов. Истинная сторона	31
Литературное наследие Елена Клевогина. И.А. Гончаров. «Атар-Гюль». Перевод с французского.....	43
Эжен Сю. Атар-Гюль. Перевод с французского И.А. Гончарова	45
Памяти И.А. Гончарова. Единый урок	50
Гончарову посвящается.....	51
Ольга Даранова. Иная история. Стихи.....	54
Архив Валентина Костягина. Отец и сын Премировы в жерновах времени.....	57
Фантастические миры Льва Премирова. (Их архива Д.И. Архангельского)	65
Фотопейзажи Владимира Ламзина	67
Скульптура. Выставка работ Любови Турской, Анатолия Клюева, Олега Клюева.....	69
Потомственный скульптор Олег Клюев.....	74
Под сенью дружных муз На флейте ветров играя. Творческий вечер Олега Киселёва.....	76
С любовью ко всему родному Николай Марянин. Легенда горы Арбухим	81
Сурскому – 470 лет	83
Валерий Еремин. Разговор.....	85
Светлана Нефедова. Николина гора.....	86
Сурское. Благословенная земля.....	89
Цветаевский костёр.....	92
Прозрачный день осенний.....	94
Черемшан Валентин Манухин. Пожар на даче	97
Страна поэзия Лилия Юсупова. Багряное и золотое. Стихи.....	99
Светлана Гордеева. Нити твои золотые. Стихи.....	102
Память сердца Николай Марянин. Предчувствие апокалипсиса	104
Владимир Жилкин. Стихи.....	106
Александр Гусейнов. Потому что я сердцем пишу. Стихи	109
Двое Галина Анисимова. Клин клином. Стихи	111
Река воспоминаний Владимир Янушевский. Слова, слова, слова.	113
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	124
Юбилейный календарь	128

СИЯНИЕ СЛОВА

Октябрьский номер журнала открывает подборка стихов Светланы Матлиной «России неведом предел».

*«Человек достигает предела,
Но России неведом предел.»*

В рубрике «Пuls времени» – поэтический отклик наших авторов на события последнего времени. С болью и любовью – о Родине.

*«Ты молишься за каждого героя,
За всех сынов, что в праведном бою...»*

(Раиса Каширова)

Гость «Симбирска» – поэт из Владивостока Юрий Кабанков. В подборке – прозрачная вязь стихов, глубинная библейская основа, а строчки как будто подсвечены изнутри.

*«Приумножая свет, во тьме лечу среди дерев,
И каждый светится во мне, не вовсе умерев...»*

Продолжает рубрику эссе Андрея Баранова «Время вечности».

«Вечность вокруг. Она смотрит на тебя миллионами звёзд на небе, глазами детей и внуков, напоминает о себе колокольным звоном сельской церквушки, далеко разносящимся в холодном прозрачном воздухе...» И действительно так. *«Надо только уметь видеть».*

По традиции предоставляем страницы журнала молодым авторам. Алина Осокина рассказывает об итогах молодежного конкурса, посвященного 350-летию со дня рождения Петра I. Публикуем рассказ лауреата конкурса Ирины Поповой «Императорский подарок».

Совету молодых литераторов Ульяновской области исполнилось пять лет. Поздравляем наших молодых коллег! Предоставляем слово руководителю СМЛ Александру Дашко. Публикуем в молодежной рубрике работу лауреата конкурса «Первая роса» Виктории Шейко.

Страницы прозы в журнале продолжает рассказ Евгения Сафронова «Истинная сторона».

В рубрике «Литературное наследие» – материалы, посвященные Ивану Александровичу Гончарову. Рассказываем о том, как отмечали в Ульяновске День памяти И.А. Гончарова.

О поэтах и поэзии – подборка стихов Ольги Дарановой «Иная история».

Мы вновь обращаемся к архиву художника Дмитрия Ивановича Архангельского. В 1931 году в Ульяновске Д.И. Архангельский встретился с молодым художником Львом Премировым, которому была уготована долгая и трагическая жизнь.

Об этом статья Валентины Костягиной «Отец и сын Премировы в жерновах времени».

Недавно в картинной галерее Ульяновского отделения Союза художников состоялась выставка «Скульптура» (Любовь Турская, Анатолий Клюев, Олег Клюев). На цветных страницах – экспонаты выставки, работы трех скульпторов, членов одной семьи.

В рубрике «Под сенью дружных муз» рассказываем о творческом вечере музыканта, автора-исполнителя Олега Юрьевича Киселёва.

Поэт и краевед, постоянный автор журнала Николай Марянин знакомит читателей с легендой горы Арбухим.

Поселку Сурское Ульяновской области исполнилось 470 лет. Мы рассказываем, как отмечалось это событие. А сурское литературное объединение «Промзинские слогги» творчески работает 15 лет. Публикуем рассказ руководителя ЛИТО Валерия Ерёмкина «Разговор». Заметки Светланы Нефёдовой о путешествии к святому месту Сурской земли – Николиной горе.

В рубрике «Черемшан» – эссе димитровградского автора Валентина Манухина.

На поэтических страницах – подборки лирических стихов Лилии Юсуповой, Светланы Гордеевой.

В разделе «Память сердца» публикуем стихи ушедшего из жизни поэта Владимира Жилкина. Вступительное слово Николая Марянина «Предчувствие апокалипсиса».

Поэтические страницы журнала продолжает подборка Александра Гусейнова «Потому что я сердцем пишу». В рубрике «Двое» – стихи Галины Анисимовой.

Продолжаем публикацию страниц воспоминаний Владимира Янушевского «Слова, слова, слова...» Завершают выпуск новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и постоянная рубрика «Юбилейный календарь».

В журнале – стихи и проза о войне и мире, о беде и боли, о любви и вере.

Душа живая откликается, мужает, укрепляется. Как много значат для нас родная речь, русская литература, слова молитв!

«Так Господь в утешенье дает нам сияние Слова...» (С. Гордеева).

Крепости духовной, света и добра вам, дорогие друзья!

Елена КУВШИННИКОВА

Светлана МАТЛИНА, член Союза писателей России, лауреат премии имени И.А. Гончарова, дважды лауреат премии имени Н.Н. Благова.

Сердце поэта вмещает все переливы жизни, радость и боль, мужество и сострадание, веру не напоказ, силу духа. В стихах Светланы Матлиной – дочерняя любовь к Отечеству и благодарность Создателю. «Стихи Матлиной сразу выделяются какой-то предельной серьезностью, значительностью...» (Н.Н. Благов).

НО РОССИИ НЕВЕДОМ ПРЕДЕЛ...

МИКУЛА

Я пойду, отыщу Святогорово место
Там, где ворон стоит на часах.
Постою, головою пшеничную свесясь,
Во бескрайних курганных степях.

Пожалею о силушке-силе могучей,
Что поспорила с тягой земной,
И давно на просторе, пропахшем мазутом,
Вся в репейник ушла с головой.

Поклонясь, обернусь я к дороге былинной,
Где по-детски глядит василек,
Выкликая Микулы крестьянское имя,
Поспешу на восход, на восток.

Там, где край горизонта, край света сверкает,
Как Жар-птица в рассветную мглу,
Мужичок за сохой и лошадкой шагает,
Я бегу – и нагнать не могу.

А Микула живет, хоть века пролетают!
У него – прямо в оторопь мне –
Вся она, неподъемная тяга земная,
На плече в переметной суме.

И земля от трудов его мирных все краше!
И огромное солнце встает!
А Микула все зерна бросает, все пашет
Да хорошую песню поет.

СВЯТОГОР

Средь широкой степи гроб тяжелый стоит,
Исполинский, цепями окован.
Святогор-богатырь в нем под крышкой лежит,
Вечным сном он забылся, бедовый.

Не тягаться ему больше с тягой земной,
Не поднять, как не раз он пытался.
Только в землю входил своей силой большой
И ему этот гроб отыскался.

И не знает никто, где приют вековечный,
Где по-прежнему витязь лежит.
И ни слезы, ни ветер, ни гром поднебесный
Не сумели его пробудить.

Ни вороний призыв и ни грохот железный
От машин среди сонной степи...
Я пойду, отыщу то зачатое место,
Помогу злые цепи разбить.

Я скажу: выходи поскорей на свободу,
Только снова судьбу не пытай.
Будь как прежде защитником
храбрым народным,
Нашу Русь от врагов охраняй.

ПОДАРОК АТАМАНА

По многолюдным площадям,
По каменистым ступеням
Схожу к тебе, река.
И чайки надо мной кричат,
Челны под солнышком блестят
Уже издалека.

На самом первом, огневом,
В кафтане красном тафтяном
Сам грозный атаман.
Пред ним – персидская княжна,
Млада-младешенька, грустна,
И вся любовь – обман!

Дружки его хмельны сидят,
Насмешки по ветру летят...
А дальше скажет быть,
Как он несчастную княжну,
Не пожалев ее весну,
В пучине утопил.

Пушинкой легкой на воде
Она мелькнула... нет нигде,
Лишь распласталась шаль.
Лишь тихо плачется веслу,
Дружки замолкли – им красу
Загубленную жаль!

Всплывет русалкою княжна,
Садится на воду она,
Глазами ищет челн.
Парит над ней ее душа,
Сиянием окружена,
Под волн протяжный стон.

И солнце тонет вслед за ней,
Печалью край объят.
И все багровей, все темней
Над Волгою закат.

И словно бы могучий хор
Колышет голосами бор,
Колышет голосами водь,
Поет о том века.
Там атаман собою горд,
Он чару пьет, глядит вперед,
Тверда его рука.

А песню подхватил народ
И до сих пор ее поет,
Забывать не может мать-река
Подарка казака.

ЛУНА В ПРИЦЕЛЕ

Луна в прицеле. И мчатся кони
Великой дикой поволжской степью!
Лук подниму я – стрела застонет,
Быстрее птицы уходит в небо.

Мне брат кочевник. Мне конь товарищ.
А ложем будет курган старинный.
Закат как отблеск лихих пожарищ,
Но Русь живая встает из дыма.

Луна в зените. И только слышен
Табуна топот. Я заарканю
Коня гнедого, что волей дышит,
Во лбу звездой блестя в тумане.

Вскочу на спину, схвачусь за гриву,
Вдаль пронесем в сиянье лунном!
Холмы разбудим от вечной думы
И сна биеньем сердец счастливых!

И замечтаюсь о нас, о жизни
Под ржанье ветра, волн переливы
Тут, где забыты бывшие тризны,
Конь бьет копытом нетерпеливо.

То ли ведьма с метлой пролетела,
То ли ветер в полях просвистел.
Я не знала – и знать не хотела,
Что душе был положен предел.

Ведь нас всех собирала равнина
За своим хлебосольным столом,
И, кружа, черный ворон родимый
Задевал лоб тяжелым крылом.

И уж так на роду написалось,
Что не брал нас ни морок, ни страх.
Умирили и снова рождались,
Ей на верность клялись на кровях.

В реки девы веночки бросали:
Чей потонет, а чей поплывет?
Но и в землю сходя, все мы знали,
Что Россия вовек не умрет.

И живем мы на ней наудачу
И поем про красоту одну,
Про тоску да любовь-незадачу,
Ну а боле всего – про войну.

По сегодня, как в лета молодые,
Как волчки, не жалея ничуть,
За сосцы теребим мы Россию –
И она всем дает свою грудь.

И одно я усвоить сумела,
А народ издавна одолел:
Человек достигает предела,
Но России неведом предел.

* * *

Я паду под тяжкой ношею,
Под душой отяжелелою.
Жаркой загнанною лошадию
Я паду на снега белые.

Говорю вам: ноша бедная.
Говорю вам: ноша алая!
Я паду на снега белые –
Пена возле губ кровавая.

Высь, душою незабытая,
Наполняется голубками.
Мерзлота между копытами
Прорастает незабудками.

Спать уйду под снега талые,
На полати лягу царские.
Я вас песнями пожалую –
Шубою с плеча боярскою!

За любовь, за гостеванье,
За все зори эти ясные,
Грусть прощальных целований,
Звоны праздничные красные

Расплатилась я недешево,
Раскидалась яхонт-перстнями
С перекрестка в проледь-крошево
Удалыми чудо-песнями!

Рассчиталась я по-чистому,
Соловьиному, ручьиному...
Знамо снегу серебристому,
Больно свету золотистому.

Под души свалюсь я ношею.
Так бывает: изнемогшею.
А ведь было и хорошее!
Вот ведь: было и хорошее.

МЕЧТЫ

Я сдуваю с ладоней мечты
О покое и милых уютах.
Отцветают они, как цветы,
Голубые цветы незабудки!

Каждый день говорит мне: держись!
Каждый день выходить неуклонно
И бороться за право на жизнь
И на песню, на место под солнцем.

Каждый день на земле непокой.
Каждый миг мы меняемся сами:
То любовь ворожит над душой,
То беда нас сжимает тисками.

А мечты ведь на то и мечты,
Чтобы ими порою пленяться,
Чтобы им на земле красоваться
Как цветы, голубые цветы.

ТОВАРНЯК

В дальний путь отправился
Железный товарняк.
Кому-то не понравился,
Он ведь из трудяг.

Давно из моды вышел –
Старый, как-никак!
Ключьями повисла
Краска на боках.

Вагоны громыхают,
Колеса дребезжат,
Но дорогу знают,
Уверенно стучат.

Мчат экспрессы белые.
Он терпеливо ждет,
Покуда стрелки стрелочник
Ему переведет.

Кого за жизнь нелегкую
Не нес он на горбу
В эту даль далекую,
В ночь, в пургу, в грозу!

Под ревушим ветром
Безусых и шальных
Залетных безбилетников
На крышах продувных,

Стриженных солдатиков
С войны и на войну,
Эка в места несладкие,
Бабонек с ребятками,
Веселую шпану!

Сегодня вспомнить грустно,
Что сплыло много лет,
Когда от тяжких грузов
Не ломил хребет.

Идет под рельсов стоны
Сквозь непогоду, сквозь тьму.
Опять гремят вагоны
Сквозь всю страну!

Пыхтит железной грудью:
Так... так... растак!
Все тащит, тащит грузы –
Без них никак!

На станциях безвестных
Стоит и ждет народ.
Радостно приветствует,
Разгружать идет.

– Гляди-ка, брат курилка!
Ты еще живой?!
Гудит он с прежней силой:
«Живо-о-ой! Стально-о-ой!»

Из топей, ям, заносов
Под «Ох!» да «Ах!»
Нашу жизнь вывозит
Старый товарняк.

Уваженья, граждане! –
С обеспечением разным,
Набавляя ход,
Товарняк идет.

ЛАМПОЧКА

Мне подарила женщина
Лебедя из хрустала –
Осколок от жизни прежней,
Светлую память для.

Их выпускала «Лампочка» –
Был у нас тот завод.
Эх вы, печки да лавочки!
Злой девяностый год!

Бедный кусочек лакомый
И в казну добавлял.
И с лебедями лазеры
Он еще выпускал.

Расторговали, подлые,
Весь пустили под нож.
«Лампочка» невеселая,
В памяти ты живешь!

Вот и плывет сбереженный
В ней средь черных годин
Лебедь с шей точеной
Уцелевший один.

Верните былую славушку!
Восстановите завод!
Гляну на лебедя – «Лампочка»
Как живая встает.

Память больную не вылечишь –
Все мы стоим за ней.
Это из жизни не вычеркнешь,
Из биографий семей.

С ЧАШКОЙ ЧАЯ

Есть терапия
Души по-русски:
На кухне сядем
Хрущевки узкой

И все расскажем
Как есть друг другу
Под шелест листьев
Иль всхлипы вьюги.

И не витая
По-эмпирейски,
Мы все уладим
В быту житейском.

Таков обычай –
И нету лучше!
Чайку заварим,
Погреем душу!

Глядь, все решится
К добру чудесно
В земной судьбине
И там – в небесной,

Пока смеемся,
Слез не скрывая,
С десятой чашкой
Крутого чая.

Все отошло: и покаянный сад молений,
И тот кровавый мир, где я жила греша.
Остался Бог един, таинственный и древний,
И я пред Богом, павши на колени,
А после ниц простерта, трепеща.

Уже не человек – с ветвями полудрево
И озера чудесного душа,
Что выростала из потока пенно
И в грудь входила в белом не спеша.

А подле Божьих ног дитя сидело
И в дудочку дудя, как в детстве я,
Так весело и радостно глядело,
Похожее чертами на меня.

Я устала просить и кланяться,
В ледяные смотреть глаза.
Надоело стоять мне на папертях,
Где ничья не прожметесь слеза.

Только нищий других пожалеет
И последнюю крошку отдаст.
Оттого ликом страстно темнеет
В снежных звездочках иконостас.

Я пою на добро, на пределе
И дома осеняю крестом
Тут, где ангел играет в свирельку,
Золотым помавая крылом.

И летят голубые снежинки
Над застывшей, как души, рекой.
От рождения до поминок
Хрупкий ангел идет со мной.

И бездельных, и злых, и богатеньких
Снег, взвихряясь, колет, как стыд.
А на паперть пришла Богоматерь,
Всем с укором в глаза глядит.

В белой келье зимы
Молча каюсь в грехах.
Свежим духом сосны
Очищаюсь в слезах.

Точно юрод молюсь,
Расшибая свой лоб.
Я болею за Русь.
Я болею светло.

До каких же низин
Нам на страсть можно пасть,
Чтоб до горних вершин
Духом вновь доставать!

И слова горячи.
И свеча горяча.
Негасимы лучи –
Это сердце-свеча.

В белой келье зимы
Все вы вместе со мной.
Ваши думы и сны,
Нежный свет неземной.

И пронзает звезда,
Как иглой входит в плоть,
Кровью с небом связав,
Чтоб слышал Господь.

Неподъемны грехи –
Я отвечу за них.
И спасают стихи
В белой келье зимы.

Ах, морозы грянули,
Аж трещат стволы!
Под стопами ангелов
Скрип-поскрип полы.

Ангелятам гнезда
Белым пухом вьют.
За окошком грозно
Небеса поют.

Ночка злая доченьке.
С полымя-огня
Мама, моя Боженька,
Упаси меня!

Вся опора – в ключья!
Все надежды – в дым!
Наклонись над койкой
Ликом голубым.

Дзинь! – и на осколки
Ладный строй души.
Ангел подбирает,
Склеить их спешит.

А весь мир злосчастный
Мчится под уклон,
Словно поезд с рельсов –
Крик со всех сторон.

Жизни красну ягодку
Мне своей рукой
Раскатай по блюдечку
С золотой каймой.

В малахитовой короне
Лес – да в серебре.
Дятел весело долдонит
Клювом по коре.

Умыкнув у дятла шапку,
Маковкой горя,
Нарядилась в алый бархат
Юная заря.

Из жемчужного атласа
Каждый ствол...
Мы всю жизнь искали счастья –
Кто нашел?

Мы кочевники по крови,
Из былин.
Прозвенит мое присловье
В синь равнин!

Дети кипенных черемух
И берез,
Эпохальных, вероломных
И вселенских гроз.

Распушились Божьи брови –
Облака.
Наше русское становье
На века!

Тут, где век знавали горе,
Стынь небес,
А не где-то в Лукоморье
Счастье – есть!

Я люблю, я любила всегда
Слушать, как синий ветер поет,
Молодая смеется вода
И себя по теченью несет.

И о чем-то вздыхает камыш,
Ива шепчет грустней и грустней
И качает ожившую тишь,
Всю в узорах из тени своей.

Лишь со звонами ласточки тут
Быстрокрылы, как эхо, легки
Над обрывом заботно снуют...
И себя повторяют стихи.

НЕНЮФАРЫ

Мне пленительно слово одно: ненюфары,
 То бишь наши кувшинки – болотный росток.
 И лучатся над ним и Луна, и Стожары
 Или Вега – их силы вбирает цветок.
 Хочешь, я расскажу тебе сказку из старых,
 Про вампиров и ведьм? По извивам реки
 Запах тонкий и нежный дурманит мозги,
 Под мостами желтят их цветы – ненюфары,
 И опять ненюфары – звучит колдовски.

НЕЖНОСТЬ

Июльский ветер тронет занавеску.
 В окно заглянет солнце – поиграть,
 Свою, на счастье ставя, полновесно
 Во всю простынку светлую печать!

Малыш в коляске, он еще не знает,
 Чем этот мир вокруг него живет.
 И безмятежно сны над ним витают,
 А на лице – ни тени от невзгод.

Спи, маленький, спи, розовый, невинный,
 Пропахший материнским молочком,
 Уткнувшись в край подушки с птицей синей
 И щеку подпирая кулачком.

Пока лежишь, беспомощный и сильный,
 Расти во сне, как деревце растет...
 А мама рядом, наклонилась к сыну,
 Она тебя всегда обережет.

Она, как в сказке, все на свете может,
 А надо – сердце вынет из груди,
 Тебе в ручонку пухлую положит,
 Чтобы от бед и хворей оградить.

С ней целый мир склонился над тобою
 И где-то в нем горит твоя звезда,
 Зажженная ее живой любовью,
 И вдаль твои несутся поезда...

А после сна в дыханье материнском
 Прильнешь к груди ты, нежность не тая.
 А нежность пахнет земляничным мылом, –
 Земля обетованная твоя!

И словно бы увидев отблеск рая,
 В объятье трепетном замрете вы,
 Припав друг к другу и в одно сливаясь
 В чудесном окруженье синевы.

С той нежностью бездонной, бесконечной,
 Заполнив пустоту вселенной всю,
 Стучат в одно и сердце, и сердечко,
 И даже слышно, как цветы поют.

Божьей Матери спасибо
 С матерью родимой,
 Что я пела, что есть силы
 О земле любимой.

Причащалась я слезою –
 Солнышком народным –
 С недобитою свободой,
 Как Христовой кровью.

Все, что плакалось с тоскою,
 Обнимала сердцем...
 И пляшу я с босою,
 И смеюсь с младенцем!

Мир живет, простой и честный,
 И не гаснет ликом,
 Коль возьмет, затянет песню
 Горький забулдыга!

Подтянувши поясочки,
 Голь гуляет грозно.
 У заброшенок в кусточках
 Расцветает розан.

Мир среди крестов и боен
 Мил мне, как и прежде,
 С потрясною красотою,
 Со святой надеждой.

Высечет такое чувство,
 Что терпеть нет мочи:
 Так до пят окатит Русью –
 Жизнь отдать захочешь!

ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

ВЕРЮ В РОССИЮ

Время сейчас для всех нас, нашей страны тревожное, «осеннее»... Кажется, что и сама природа замерла в ожидании... Но испокон века на Руси боль и беда шли рука об руку с верой, надеждой, любовью. Русский человек редко жил спокойно, в любые времена он проходил через испытания, чтобы отстоять себя, свой характер, свой дом, свою землю, свою культуру, защитить и не дать опоганить свою историю.

Слушая, читая всё, что происходит, испытываешь тревожные и горестные чувства, но одно несомненно и неотступно: в этом мировом хаосе Россия напоминает мне Гулливера, которого стараются спеленать, связать по рукам и ногам, а он рвёт путы и не сдаётся.

Силы тебе, русский Гулливер! Чтобы не растоптали мракобесы нашу культуру, наши храмы и липовые аллеи. Чтобы у детей было детство, и мальчик был мальчиком, а девочка – девочкой. Чтобы не унижали стариков, не оскверняли могилы

и святые места, не засоряли и не уничтожали язык. Сейчас, среди оголтелого западного безумия, очень остро чувствуешь то добро и чистоту, которые есть в нашем народе, которые сохраняет в себе Россия в разные времена, те гуманные ценности, которые нужно защитить, потому что их хотят уничтожить, а они нужны человечеству. Для его же продолжения.

Россия не претендует на господство. Она отстаивает великое СВОЁ. То, что не по нраву. Не по зубам. Не по стандарту. То, что для ЧЕЛОВЕКА.

И как тут не вспомнить строки Фёдора Тютчева:

*Умом Россию не понять,
аршином общим не измерить:
у ней особенная стать –
в Россию можно только верить.*

Я верю в Россию!

*Ольга ДАРАНОВА,
руководитель Ульяновской региональной организации Союза писателей России*

ЕДИНСТВО ДУХА

Анатолий ШУТЫЙ, г. Ульяновск

Это время рвануло вспять,
Где огонь у Хатыни стынет,
И зигует чужая рать,
И кровит под трезубцем Киев...

Но не помня Берлин и Брест,
Не из бункера, а из кресла
Это кто-то поставил крест –
И горит в Первомай Одесса...

И опять только Бог за нас.
И дымит у дороги тополь...
Стрелки черные на Донбасс,
Стрелки красные – Севастополь!

Илья ТАРАНОВ, г. Ульяновск

Восемь лет полыхает Донбасс!
И не видит глухая Европа,
как утюжит посёлки фугас
из враждебного миру окопа.
Как взывают Донецк и Луганск
прекратить бесконечную бойню.
Как играет в смертельный пасьянс
Украина приёмом разбойным.
Боже вечный! Холодный гранит
испещрён, иссечён именами!
А земля всё дрожит и дрожит,
задыхаясь седыми клубами!
Ходят тени минувших времён,
Русь здесь строили древле славяне.
И немало великих имён
унаследовали россияне!
Древний Рюрик и Дмитрий Донской,
Князь Олег и Владимир Великий...
Ратным подвигом, крепкой рукой
строил Русь славянин светлоликий!
А сейчас цепенеет душа:
В земли русские вторгся безбожник!
Рознь и злобу народам внуша,
чёрной краской рисует художник.
Должен помнить любой человек:
Не тряслись мы от грозного стука!
Мы своих не бросали вовек!
С нами правда, Суворов и Жуков!

Николай МАРЯНИН, г. Ульяновск

ДЫХАНИЕ ИМПЕРИИ

Когда сюжет неистовой мистерии
в театре жизни выгорит дотла,
тяжёлое дыхание империи
срывает крышку с русского котла.

Идут в атаку ценности двоякие,
на поле брани грозно строясь в ряд:
французы, немцы, турки, шведы всякие
завоевать Россию норовят.

Бурлит водоворот непонимания,
сшибаются народы и цари,
и континент меняет очертания
от резкого давления внутри.

А в час, когда воинственные прения
приобретают гибельный размах,
глубокий вдох имперского мышления
врагов уничтожает в пух и прах.

Метеориты падают тунгусские,
вскипает словом взорванный эфир...
Планета знает – это снова русские
уже в который раз спасают мир.

Раиса КАШКИРОВА, г. Димитровград

ДЕРЖИСЬ, РОССИЯ!

Держись, Россия, матушка родная!
У всей Земли на призрачной «стене»
висит раздутых фейков вражья стая
в потугах нанести урон стране.

А ты восстала – грозно и сурово,
поскольку на окраине твоей
опять реинкарнировала свора
безжалостных нацистских палачей.

Ты справишься, ты выступишь – я знаю!
Не в первый раз твой враг лицо открыл,
но нерушима выдержка стальная
раскрытых над землей небесных крыл.

Воздеты руки храмов и мечетей,
под красным стягом бабушка стоит:
Нацизм не должен править на планете –
во имя мира будет он разбит!

Мы молимся за каждого героя,
за всех сынов, что в праведном бою
истерзанный Донбасс спасли от горя
и грудью заслоняют мать свою!

О Русь моя, безбрежной благодатью
раздольных рек и ласковых полей
ты нас вскормила, как сестёр и братьев,
как дочерей своих и сыновей.

И в этом славном братстве мы едины.
Врагам Россию не испепелить,
пока для русских Родина – святыня
и с истиной связующая нить.

Держись, моя страна! Утихнут войны –
в любви народной светел твой удел.
Стань сердцем мира – строгим и спокойным –
во имя жизни как Господь велел.

ЕДИНСТВО ДУХА

*Умом Россию не понять,
аршином общим не измерить:
у ней особенная стать –
в Россию можно только верить.*

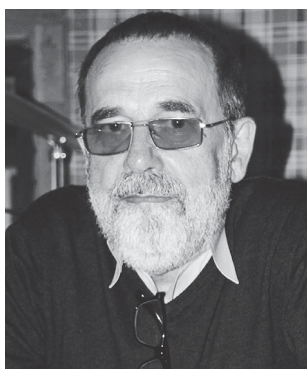
Ф.И. Тютчев

В огне Донбасс. Мы снова на войне.
Славяне бьются под прицелом НАТО,
и мальчишки вчерашние – в солдаты
уходят, чтоб спалось спокойно мне.

Но радио смешит, несёт пургу,
и нервы – как натянутая леска:
шлёт «Телеграм» военную повестку,
а я в неё поверить не могу.
Страна моя ликует и поёт,
в Москве салют, в глубинке всё спокойно:
тот в отпуск съездил, этот водку пьёт,
картошка, дача... Ну какие войны?!
О, знаю точно – был бы жив сейчас
поэт и фронтовик Евгений Ларин,
сказал бы он: «Не время спать как баре!»,
сверкнув слезой в прищуре строгих глаз.
Я с нежностью смотрю ему вослед,
листая книгу «Девушка в шинели»,
(прочтите, если прежде не успели –
в ней ларинского слова мудрый свет!)
Как знать, прошёл бы этот Рубикон –
он, сотни раз перешагавший сердцем
войну и мир, где всем досталось перца?
Всё горше матерей российских стон...
Донецк, Гостомель, Харьков и Изюм...
Растут ряды надгробий. Осмелели
наёмники нацистов в Балаклее.
И Пугачёва не идёт на ум,
(хотя о ней волнуется эфир...)
Смените либеральную повестку!
Русь ничего не делает в отместку,
но жёстко бьёт врага за Русский мир.
Вставай, народ! Ни ширь, ни глубину
твоей души аршином не измерить.
Чтоб победить, в Россию надо верить!
Единство духа защитит страну!

Сентябрь 2022

Юрий КАБАНКОВ родился в 1954 году во Владивостоке. Поэт, критик, публицист, филолог, богослов. Выпускник Литературного института им. Горького. Доцент кафедры теологии и религиоведения Института истории и философии Дальневосточного государственного университета (Владивосток), кандидат филологических наук. Член Союза писателей России, член Русского PEN-центра. Автор восьми книг и множества публикаций в центральной, региональной и зарубежной периодике. Лауреат ряда литературных премий. Живет во Владивостоке.

О ТОМ И РЕЧЬ

ВРЕМЕНА ГОДА

в зимнюю ночь при ясной луне
сердце становится чистым
чуть зацветает весной миндаль –
ангелу не уснуть

знойный день проникает в сад
беглым с ручьём речистым
птахи цвенькают и звенят
если грозой плеснуть

ветви склонившиеся до земли
жаждут небесной влаги
солнце белёсое как слепец
просится на постой

в этом году – праздник какой? –
ветром хлопают флаги
запечатляя в чистом хрусталике
осени золотой

зимнюю ночь при ясной луне –
так как она видится мне

[...] – 1 мая (18 апреля) 2022, Антипасха,
Неделя 2-я по Пасхе; апостола Фомы.

ЭТО БЛАГАЯ УЧАСТЬ

*...хлеб же, сходящий с небес, таков,
что ядущий его не умрет*
[Ин., 6.50]

Ты, как Марфа, заплакать хочешь –
так что сердце немеет;
о насущном с утра хлопчешь –
ангел так не умеет.

О насущном Господнем хлебе –
чтобы с молитвой выжить,
чтобы в этом бездонном небе
лишь «херувимы иже...»

и животворящей предвечной Троице
песню Мария пела б,
вся в ожиданье, что солнце скроется –
лишь вознесётся тело.

И, воскресением опалённый, –
это ж огнём по коже! –
Бог оставляет свои пелёны;
воздух уснул, похоже.

Сердце, и ты норовишь заплакать?
Воздух во сне немеет,
будто покрытый стеклянным лаком, –
ангел тронуть не смеет.

Хлеб наш насущный!.. Ныне и присно
претерпевая, мучась –
плакать, как Марфа, петь, как Мария...
Это благая участь.

[...] – 15 (2) мая 2022, неделя 4-я по Пасхе, о рас-
слабленном; святителя Афанасия Великого, архие-
пископа Александрийского; перенесение мощей бла-
говерных князей российских Бориса и Глеба, во свя-
том крещении Романа и Давида; Путивльской иконы
Божией Матери.

БАЛЛАДА О СТОЙКОЙ ЛЮБВИ

*Бог есть любовь,
и пребывающий в любви
пребывает в Боге, и Бог в нем*
[1 Ин., 4. 16]

Жили они на пределе слуха...
Чуть закипала кровь –
небо урчало над ними глухо:
они убивали любовь.

Было светло в просторной избушке,
в саду – соловьиный рай.
По вечерам приходил Пушкин.
Пушкин, не умирай!

Ты так безмолвно и безнадежно
нежностью был томим!..
Мы у тебя учились прилежно, –
лучше уж нам самим

плавать в этом стеклянном прошлом,
вечности позади;
Пушкин, время бывает пошлым...
Пушкин, не уходи!

Пушкин, останься, побудь, пожалуйста,
дай им и вправду – *быть!*
Они убивают Бога без жалости,
а Бога нельзя убить.

[...] – 19 (6) мая 2022, праведного Иова Много-
страдального

ЭПИКЛЕЗА* СЕРДЕЧНАЯ, ГОЛУБИНАЯ

Гляньте, как они в луже купаются,
чёрный зрачок скосив;
не продаются, не покупаются, –
голубь всегда красив:

на расстоянии хлебных крошек,
вскидываясь, горделив –
на плохих людей и хороших
нас с тобой поделив.

А ещё – воркотня с голубкой!
Это ж предел всего –
аще Господь промолвит с улыбкой:
«Се – не от мира сего!»

И, вспорхнувший, – на то и птица! –
вдруг отразит зрачок
то, что и ангелу не приснится,
и не ухватит волчок,

чего не охватит рассудок голый
в этой контактной сети...
Дух заоблачный, яко голубь,
грешных нас посети!

[...] – 24 (11) мая 2022, просветителей славянства
равноапостольных братьев Мефодия и Кирилла

* От греч. ἐπίκλησις — призывание.

[В православной литургии евхаристическая мо-
литва, прошение о схождения Святого Духа на Дары
и их освящение]

О ПОСЛЕДНИХ СРОКАХ

*...звезда моя над бездною застыла,
уже не тцась поворотит небесный круг,
ибо Господь определяет сроки*
[Из «Отреченной Псалтири»
Епифания Пустынника]

...а Господь, сотворив начало,
сказал, что всё – хорошо.
Ах, не лепо ли, братия, на исходе времён
это земное кино восславить!

Прошлогоднюю соль истолочь
 в серебряный порошок,
 сердце, не умирающее от боли,
 словно свинец, расплавить.
 Дабы легко ему было, сердцу-то,
 взлетать к тоскующим небесам,
 не оставляя цветущей земле
 ни обветшалых риз,
 ни опустошённого счастьем тела;
 так и лететь,
 в мерцании звёздных царств
 прислушиваясь к голосам
 тех, которых взыскующая душа –
 во всю свою грешную жизнь –
 полюбить хотела.

Время давно никуда не мчит,
 затаилось в коробочке,
 тикает, как сверчок,
 как электрический счётчик,
 грозит постояльцам
 скорым концом света;
 не прикасайся к нему руками,
 словно Иванушка-дурачок,
 никуда оно не уходит, никому не даёт ответа, –
 каждый раз эту немую фильму
 прокручивая вчерне, –
 чем, скажи, не благая весть,
 запечатанная в конверте:
 о последних сроках, о проклянувшемся зерне,
 каждый раз умирающем –
 не до самой, однако, своей
 необратимой смерти...

[...] – 2 июня (20 мая) 2022, Вознесение Господне

О ЧУВСТВЕ РОДИНЫ, ИЛИ ЧТО СКАЗАЛ СВЕТЛЯЧОК

оно рождается внезапно как свет издалека
как дан приказ ему на запад как воды родника

они вздымаются из недр из ледяных глубин
как солнечный ливанский кедр
приволье возлюбив

они плывут как зеркала и небо в них плывёт
и кучевые облака легки как самолёт

они плывут над головой и падают без чувств
и колокольчик полевой и я всегда свечусь

приумножая свет во тьме лечу среди дерев
и каждый светится во мне не вовсе умерев

[...] – 14 (1) июня 2022, мученика Иустина
Философа, праведного Иоанна Кронштадтского

SILENTIUM*

...Когда кончился звук, связанный с телесностью,
тогда бытие впускается в Царство Света
[Г. Гачев о стихотворении Тютчева «Видение»**]

Язык, слова и речь – инструментарий Бога.
 И ты здесь ни при чём, молчанием томим.
 Оно – как музыка, застывшая с порога
 в златом аквариуме рыб и пантомим,
 где, преломляя солнечные блики,
 пугливый ангел молча ждёт беды,
 и океан – великий или Тихий –
 молчит, набравши в рот живой воды, –
 как не сумела б ни одна из женщин, –
 и, лунными приливами влеком,
 он молча перекачивает жемчуг
 тугим беспозвоночным языком;
 но и язык молчанья не избудет:
 вон – ангел, возлетающий в зенит,
 в час, как Творец сказал ему «да будет!» –
 подумал: это в колокол звонит
 язык тяжелоступности старинной;
 безмолвие от слов не убережь...
 Но Слово было Бог: несотворенный,
 рожденный прежде век... О том и речь.

[...] – 26 (13) июня 2022, неделя 2-я по Пятидесятнице,
Всех святых, в земле Российской просиявших;
Собор всех преподобных и Богоносных отцев, во Святой
горе Афонской просиявших.

* Молчание, безмолвие (лат.)

** Георгий Гачев «О национальной образности
русской поэзии» – из книги «Национальные образы
мира». – М.: Советский писатель, 1988. – 450 с.

ЛЕТО В ЗЕНИТЕ

...и когда наступит день нашего призыва,
пойдём неукоснительно и благодушно
на голос зовущего нас Господа...
[Киприан Карфагенский,
«О смертности»]

Господи, в крыжовенном варенье –
вся незавершённая бытия!
Парашютный свет стихотворенья
хлещет сквозь упругие края

воздуха и вздыбленного шёлка;
силу гравитации тая,
лето нас разглядывает в щёлку
сладостной истомы бытия.

Яблоки взлетают на Успенье,
радостная длится лития*,
в каждом бессловесном песнопенье –
музыка сладчайшая Твоя.

Ангел нас встречает у калитки,
жестью громыхает Илия.
Слово, воплощённое в молитве,
завершает жизнь небытия...

[...] – 29 (16) июня 2022, перенесение мощей
святителя Феофана, Затворника Вышенского.

* (греч.) – «усердное моление». В православном богослужении часть всенощного бдения накануне праздников, следующая за ектенией, начинающейся словами: «Исполним вечернюю молитву нашу Господеви». Лития совершается обычно в притворе

храма. Также литией называется краткий чин панихиды, установленный для моления о новопреставленном христианине при выносе тела из дома, а также при поминании усопшего в любое другое время.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ КАДР О ДОЛЖЕНСТВУЮЩЕМ БЫТЬ И ПОТОМУ НЕВОЗМОЖНОМ СЧАСТЬЕ

В тёмных безднах сердечных
 Господь попускает злу
 растекаться янтарной солнечною смолою;
 можно долго-долго глядеть
 сквозь остывающую золу –
 покуда земное око не вспыхнет в зените
 рубиновой вспышкой злою,
 покуда не вскинется утренний петел
 над колодезной бездною голосить,
 переключаясь с иными безднами,
 алекторами, петухами –
 в час, как горячий воздух мчит,
 задыхаясь, над степью,
 поспешая волнистую рожь колосить,
 раздувая в сердечных пустотах
 тысячелетний пепел, –
 вспыхивая, затухая...
 Бедное сердце бьётся в железных прутьях
 динамической силы зла,
 время, как встарь,
 мерцает велосипедными спицами,
 не в силах угомониться:
 двадцать четыре кадра в одну секунду,
 двадцать четыре морских узла
 в лёгком речном пароходике, коему счастье земное
 видится сквозь золочёный, как сон, янтарь,
 да и бедному сердцу –
 всегда и поныне –
 всего лишь мнится...

*[21 (8) июля 2022, Явление иконы Пресвятой
 Богородицы во граде Казани]*

Андрей БАРАНОВ, родился в 1962 году в г. Виннице. В 1967-2002 гг. жил в Ульяновске; окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова. Посещал литературное объединение «Надежда»; один из создателей студенческого литобъединения «Зеркало». В 1982 году принял участие в подготовке самиздатовского сборника «Третий сын». Работал учителем русского языка и литературы в школе, преподавателем вуза, сотрудником института повышения квалификации. Автор поэтических сборников «Странник» (1998, в книге «Дуэт для скрипки и альты»), «Крылья деревьев» (2009), «Невыразимое» (2013), книг прозы «Полёт бабочки» и «Средневожские хроники». Живёт в Москве.

ВРЕМЯ ВЕЧНОСТИ

Удивительная вещь – время!

Оно бесконечно и мгновенно одновременно.

Оно может растягиваться и прессоваться, мчаться и стоять на месте.

В детстве оно ползёт улиткой.

Просыпаешься утром. Видишь кружевную тень дерева на ковре. Листья едва кольшутся от лёгкого майского ветерка. Их очертания сливаются с узором ковра. Долго разглядываешь их. Вдруг они исчезают – это набежала маленькая тучка. Остаётся только геометрический узор ковра, изученный до мельчайшей линии и завитка. Привычно скользишь взглядом по лабиринту узора, и тут снова включается подсветка – это солнце выглянуло из-за тучки, и опять поверх узора проступают очертания листьев: она живёт, кольшется. Протягиваешь правую руку – потрогать трепещущий листок, но он с ковра перекакивает на твою кисть, накрываешь его сверху ладонью левой руки – он и тут выскальзывает и снова оказывается сверху – на твоей коже. Пока так играешь с тенью листьев, проходит несколько веков, а точнее, вообще ничего не проходит – время просто застывает на месте и никуда не движется.

Входит мама, садится на кровать, ерошит волосы на макушке, прижимается к тебе своим мягким тёплым телом, говорит бодро и весело:

– Подъём! Кончай ночевать!

Ты улыбаешься в ковёр, но не спешишь разворачиваться, чтобы не выдать, что ты уже не спишь. Но мама продолжает ерошить волосы и тормозить, и ты в конце концов разворачиваешься, делаешь приторно недовольное лицо, и видишь маму – молодую и вечную, ты знаешь её уже миллион лет – и за это время она совсем не изменилась. Ты изменился – это да, а вот она всё такая же красивая, весёлая и молодая.

И комната всё такая же: письменный стол с настольной лампой, стул у стола, книжный шкаф, коробка для игрушек в углу, коврик на полу. В ней тоже ничего не меняется веками, конечно, время от времени появляются новые книжки и новые игрушки, а старые куда-то исчезают, но эта ротация происходит так плавно и незаметно, что почти не отражается на облике комнаты.

Ты умываешься, чистишь зубы, завтракаешь, надеваешь школьный костюм, взваливаешь на плечи ранец – и идёшь в школу.

Двор знаком тебе каждым своим уголкем, каждой трещинкой на асфальте. Идёшь в сторону школы и думаешь: «Кончается второй класс, а впереди ещё третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый! Как это долго! Неужели я когда-нибудь стану таким же огромным, сильным и уверенным в себе, как эти десятиклассники? Скорее бы! Как медленно тянется время!»

Разрывы в плавном текущем, почти стоящем времени замечаешь только вернувшись домой из летнего лагеря: квартирка вдруг начинает казаться тебе тесной, потолок – низкими, мама – уменьшившейся в размерах, но этот оптический эффект продолжается буквально один день, а проснувшись на следующее утро, снова погружаешься в вечное настоящее.

Всё меняется в юности. Время уплотняется, становится насыщенным и почти осязаемым. Его всё время катастрофически не хватает. Так много всего нужно успеть за такой короткий день! Сходить на тренировку, порепетировать в молодёжном театре, поиграть в баскетбол с друзьями, посмотреть новый фильм, дочитать «Мастера и Маргариту», обсудить с другом устройство будущего мира... Да всё это после занятий, а в сутках всего 24 часа. Когда всё успеть?

Или, например, идёшь рядом с любимой девушкой по вечернему городу, держишь её за руку, вы говорите о чём-то, о чём – потом и не вспомнишь, но о чём-то очень важном! Звёзды зажигаются в потемневшем небе, становится прохладно, и ты накрываешь её хрупкие плечи своим пиджаком. Потом вы садитесь на скамейку в каком-то тихом дворе и сидите там, тесно прижавшись друг к другу. Кажется, вы только-только сели, но девушка смотрит на часы и говорит:

– Ой, время уже половина первого ночи! Проводи меня, пожалуйста, домой, а то родители будут сильно переживать.

И ты думаешь: «Как половина первого ночи? Мы же только что сели. Я точно помню, что было десять часов вечера. Куда делись эти два с половиной часа?»

Да, время юности неудержимо летит вперёд. Но хотя дни пролетают, как скоростные электрички, оглянувшись на промелькнувшую неделю, ты ощущаешь, что прожил не семь дней, а целую вечность.

Да и впереди остаётся ещё целая вечность, заполненная событиями, людьми, делами!

Так всё детство и юность мы пребываем в вечности. В детстве – в вечном настоящем, в юности – в вечном будущем.

Зрелость – это прощание с вечностью. Ты вдруг не абстрактно, а по-настоящему понимаешь, что смертен, на самом деле смертен и каждый прожитый год приближает тебя к неизбежному финалу. Ты замечаешь, как постарели родители и твои школьные учителя, ты неприятно поражаешься тому, как изменились одноклассники, съехавшиеся на вечер встречи выпускников. Ты начинаешь узнавать себя в своих детях, а своих родителей – в себе. Дни однообразны, но стремительны. Работа – дом – работа – дом – работа – катится неторопливое колесо времени, но не успел оглянуться – вот уже и месяц прошёл, и год, и десять лет, и четверть века, вот уже и дети выросли, и старость не за горами.

Пытаешься как-то придержать это колесо, ухватиться за его обод или спицу. В мечтательном взгляде чужой женщины вдруг мелькнёт тебе смутная надежда, и ты хватаешься за этот взгляд, как за соломинку утопающий, и на какой-то миг тебе кажется, что время побеждено.

Вы сидите рядом на холодной скамейке, смотрите на бегущие мимо воды осенней реки. Ты держишь в руках её прохладные пальцы. Стоит чудесная золотая осень, листья сыпятся с клёнов, шурша о чём-то своём, лазуритовое небо расписано иероглифами перистых облаков. Время застыло. Оно не движется. Проходят целые тысячелетия, а вы всё сидите на всё той же скамейке и смотрите на тихие воды проплывающей мимо реки.

Увы! Победа над временем оказывается мнимой. Реальность вырывает вас из небытия и снова бросает в сутолоку метро, в непрерывный стресс офиса, в повседневные домашние заботы.

Но по мере того, как приближается старость и усыхает шагреновая кожа твоей жизни, ты вдруг начинаешь замечать, что вечность никуда не уходила. Она всегда была рядом с тобой, хоть ты и не замечал её за ежедневной рутинной.

Осень в Михайловском. Фото Е. Кувшинниковой

Она – в прохладе осеннего утра, в восходах и закатах, в укрывании роз на зиму, в долгих осенних вечерах с женой у телевизора, когда ветер шумит в верхушках деревьев и вдалеке лают обеспокоенные чем-то собаки.

Вечность вокруг. Она смотрит на тебя миллионами звёзд на небе, глазами детей и внуков, напоминает о себе колокольным звоном сельской церквушки, далеко разносящемся в холодном прозрачном воздухе. И там, в этой вечности, живёт и твоё детство, и юность, и зрелость, там навсегда остаются все те, кого ты любил в этой жизни. Нужно только научиться видеть.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ИТОГИ РЕГИОНАЛЬНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТВОРЧЕСКОГО КОНКУРСА «КАК ПЕТР I ПО ВОЛГЕ ХОДИЛ...»

К 350-летию со дня рождения Петра I.

Региональный молодежный творческий конкурс «Как Петр I по Волге ходил...» проводился в рамках реализации Указа президента Российской Федерации от 25.10.2018 г. №609 «О праздновании 350-летия со дня рождения Петра I» в целях формирования интереса молодежи к истории своей Родины и к роли личности в становлении Российского государства.

Конкурс проходил по двум номинациям: «Художественное слово» и «Художественное творчество». Участникам предлагалось на основе исторических данных представить свое видение путешествия Петра I в Симбирск.

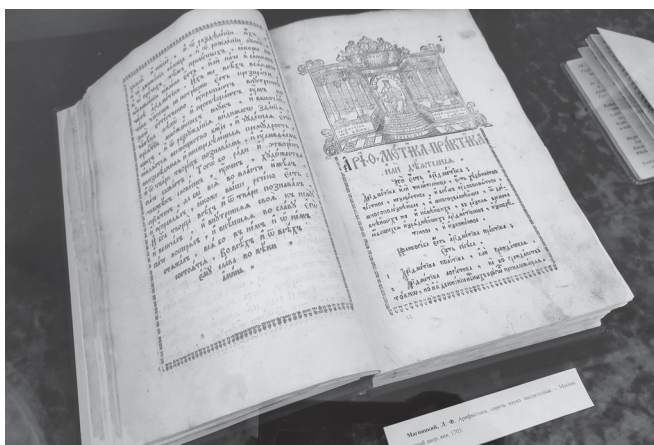
Всего в конкурсе приняли участие 65 молодых литераторов и художников в возрасте от 7 до 35 лет из Ульяновска, Димитровграда, Инзы, Новоульяновска, а также Чердаклинского, Барышского, Базарносызганского, Старомайнского, Павловского, Николаевского, Новоспасского и Карсунского районов Ульяновской области.

Награждение победителей состоялось во Дворце книги. На итоговом мероприятии члены жюри поблагодарили участников и пожелали творческих успехов, отметив активность и креативность младшей возрастной группы: юным художникам особенно удалось создать живой и яркий образ Петра I.

Также отметили творческие работы участников номинации «Художественное слово».

Награждение победителей. Члены жюри: художник и педагог Антон Лазарев, член Союза писателей России Алина Осокина.

Итоги конкурса.

Номинация «Художественное творчество»:

1-я возрастная категория:

1-е место – Назмитдинов Даниль (Ульяновск),

2-е место – Егорова Валерия (Ульяновск),

3-е место – Чехлова Маргарита (Инза), Варгина Анастасия (Базарносызганский район).

Дипломанты – Волкова Алиса (Ульяновск), Ощепкова Екатерина (Ульяновск).

2 возрастная категория:

1-е место – Пятницын Арсений (Ульяновск), Федотова Александра (Ульяновск),

2-е место – Сбродова Анна (Ульяновск), Карпушина Василиса (Ульяновск),

3-е место – Данилова Виктория (Димитровград).

Дипломанты – Мизиченко Полина (Ульяновск), Сычева Арина (Ульяновск).

3 возрастная группа:

2-е место – Тимошин Максим (Ульяновск),

3-е место – Солюлева Виктория (Ульяновск).

Дипломанты – Онищенко Анна (Ульяновск), Симиндейкина Ирина (Барышский район).

Номинация «Художественное слово»:

1 возрастная категория:

3-е место – Рябова Яна (Барышский район),

2 возрастная категория:

1-е место – Попова Ирина (Ульяновск),

2-е место – Григорьева Анастасия (Новоульяновск),

3-е место – Ульянова Дарья (Ульяновск).

3-е возрастная категория:

3-е место – Богданова Екатерина (Ульяновск).

Победители и призеры конкурса получили дипломы и памятные призы.

В церемонии награждения приняли участие чтецы из творческого коллектива «Юные театралы» детской школы искусств №7 (руководитель – Мазилкина Марина Владимировна) – Самира Хафизова и Роберт Ханин, которые прочитали стихи о Родине.

Музыкальный подарок всем собравшимся преподнес ансамбль скрипачей «Вдохновение» детской школы искусств имени Варламова (руководитель – заслуженный работник культуры РФ Галина Ивановна Велигжанина).

После церемонии награждения и подведения итогов конкурса участники получили возможность познакомиться с уникальными книгами времен Петра I из фондов Дворца книги.

Ирина ПОПОВА

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПОДАРОК

Небо затянулось тучами слишком быстро. В памяти экипажа свежо было воспоминание о солнечном утре, когда их плавание, даже несмотря на тяжёлую работу, казалось круизом. Настроение у всех было приподнятым – весь день представлялся приятным, раз погода так им благоволила с утра. Но как сильно, оказывается, всё может измениться в один миг! Дружелюбное солнце над головами сменили хмурые тучи, лёгкий ветерок в лицо вырос в сильный ветер, раздувающий волны вокруг судна. Вода безжалостно ударяла по кораблю и заливалась на палубу, на которой суетился экипаж, пытаясь противостоять сварливой погоде.

– Вот те на, – бормотал под нос помощник капитана. На его лице отражалось непоколебимое спокойствие, только небольшая морщинка на лбу выделилась больше прежнего, выдавая его полную сосредоточенность.

Император, оценивая обстановку с капитанского мостика, решение принял сразу же – необходимо причаливать. Его команда быстро разнеслась среди экипажа, и судно повернуло к берегу, к виднеющейся пристани.

Останавливаться здесь надолго не планировалось. Экипаж ступил на причал, но мысли каждого, что никто не скрывал, были уже в завтрашнем дне. Среди матросов гуляло предвкушение того, как отдадутся швартовы и судно поплывет дальше по своему маршруту. Волшебное чувство!

Петра же, напротив, скука не одолевала – только он сошел с корабля, тут же пошёл осматривать пристань. Из-за непогоды от оживленности этого места не осталось и следа. Никаких спящих любопытных носов, только задремавший в сидячем положении старичок, удобно опирающийся на свою трость. Разбудить его не составило труда. Более того, казалось, что он и не спал вовсе, а пребывал молчаливым наблюдателем, который даже с закрытыми глазами видит больше, чем нужно. Только государь подошёл к нему – он тут же распахнул глаза. Один из них сиял ярко-голубым цветом, полным жизни, другой же совсем потускнел. Не успел император и слова сказать, как этот загадочный человек залепетал:

– А у нас, понимаете, вся жизнь на горе кипит... Хе-хе... Синбирск, понимаете... Хе-хе... Здесь-то никого и нет почти, такие дела. – И тут же уснул.

– Совсем чудной, – только и подивился Петр.

Вскоре сбылись мечты матросов. На следующий день шторм стих, погода прояснилась – можно было отчаливать. За время пребывания в Синбирском подгорье удалось пройти мимо деревянных домишек, повстречалось энное количество душ, но словом обмолвиться не получилось. Да разве и было это целью остановки? Экипажу хотелось скорее взойти на палубу и продолжить плавание по Волге. До самой Астрахани об этой остановке никто не вспоминал.

Через год снова Пётр отправился в плавание по Волге. На этот раз путь лежал в Дербент. По пути к пункту назначения было решено сделать остановку в Синбирске.

Первое, что бросилось в глаза после схода с корабля, – чрезмерная суетливость вокруг, будто вот-вот откроется ярмарка, на которую никак нельзя прийти хоть на минуту позже.

Жители бежали встречать императора – такая честь! Издалека стал слышен звон колоколов. Трезвон производился с таким усердием и искусством, как если бы судьба всей Российской империи зависела от него. Уж перед кем, а перед самим государем оплошать не желал никто.

Среди толпы Петр заметил голубой блеск. Что-то знакомое показалось ему в этом взгляде, видящим насквозь. Виделось Петру что-то цепляющее, но попытки понять это были тщетны – воспоминание настойчиво ускользало от него в тот момент, когда он, казалось, уже ухватил его за хвост.

Приём императору оказали выше всяких похвал. В чашке чая ему тоже отказано не было. Нашлось у Петра время насладиться чаем, наблюдая за живописной Волгой. Здесь, можно сказать, даже думалось лучше. Вспоминалось всё самое лучшее, забывалось плохое.

– Славное место, – пришёл к выводу Пётр.

– А иначе и быть не может... Синбирск, понимаете... – тут же донеслось до него. – Вот и церковью новую возводят, хе-хе...

Петр оглянулся. За его спиной стоял тот же человек, которого он видел год назад на пристани. Видно, это он и был в толпе чуть ранее; видно, из-за этого он и показался знакомым. На этот раз собеседник государя был в полном бодрствовании, и Петр сумел, наконец, завести с ним беседу. Спрашивал многое: о городе, о жизни, о кораблях, здесь проплывающих...

Около Троицкого собора начала собираться толпа. Вытягивая шеи, люди, стоявшие поодаль, пытались рассмотреть, что стало причиной сборища.

«От самого императора!», «А какая красивая!», «Говорят, дорогая», – слышались перешептывания народа.

Наконец, толпа немного расступилась, уступая дорогу повозке. Публика в нетерпении шла прямо за ней – что же такого необычного находилось в ней?

Первым посчастливилось увидеть чудо людям, оказавшимся у самых дверей собора.

– Икона! Императорская! – закричал кто-то из них, и по толпе разнёсся гул. Где-то слышались возгласы радости.

О приезде Петра у каждого остались хорошие воспоминания. Икона, подаренная им после его визита, впоследствии высоко чтилась в народе и гордо украшала Троицкий собор.

Александр ДАШКО, руководитель Ульяновского совета молодых литераторов.

СОВЕТУ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 5 ЛЕТ!

3 сентября 2022 года Совет молодых литераторов Ульяновской области отметил свое 5-летие. Сейчас, когда оглядываешься назад и вспоминаешь похожий осенний день и людей, которые собрались во Дворце книги, кажется, что это было только вчера.

В феврале 2017 года решением Пленума Союза писателей России был создан Совет молодых литераторов. Тогда молодежное литературное движение только зарождалось, не было четкого понимания, куда идти, что делать, как объединить молодых писателей.

Сегодня в России более 30 региональных отделений Совета молодых литераторов. Но именно Ульяновская область стала первым регионом, открывшим региональное отделение.

Что такое Совет молодых литераторов Ульяновской области? Это молодежная организация, которая занимается выявлением, поддержкой и развитием молодых писателей региона, организует и проводит литературные мероприятия, конкурсы. Совет молодых литераторов – территория, где встречаются такие разные по творчеству, но такие близкие по духу люди, где складывается гармоничное творческое общение и рождаются новые страницы ульяновской литературы.

За 5 лет пройден большой путь. От группы людей, которые хотят что-то сделать и привнести в региональную культуру, Совет молодых литераторов Ульяновской области стал организацией со своими традициями, историей, с успехами и вектором развития.

Важно рассказать о самых значимых достижениях и деятельности организации.

В 2018 году был издан сборник молодых писателей региона «Новый Венец», в который вошли 63 молодых ульяновских поэта и прозаика. Сборник был презентован в рамках книжного фестиваля «Красная площадь» и на многих культурных площадках города.

В этом же году мы провели всероссийское совещание молодых писателей «На родине Гончарова». В нем участвовало более 50 молодых литераторов из 21 региона России. На протяжении двух дней проходили семинары, мастер-классы, лекции от известных писателей, творческое общение и встречи молодежи с читателями в городских библиотеках. По итогам Всероссийского совещания, поэт Мария Богдан была принята в Союз писателей России.

В 2019 году прошел уникальный фестиваль редакторов литературных журналов и руководителей молодежных ЛИТО «Волжская пристань». На него приехали представители разных регионов от Калининграда до Красноярска. Для молодежи это было уникальная возможность познакомиться с редакторами таких журналов как «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Русское эхо», «Берега», «Волга – XXI век», «Сибирские огни» и многих других, а также обменяться опытом руководства литературными объединениями.

И 2020 год, несмотря на пандемию, получился очень активным. В начале года молодые писатели Алина Осокина и Татьяна Филатова по итогам Всероссийского совещания молодых писателей России в Московском институте культуры были приняты в Союз писателей России. В период самоизоляции практически еженедельно проходила работа молодежной литературной студии в режиме онлайн.

Накануне Дня Победы открытки со стихами молодых поэтов получили все ветераны и труженики тыла нашего региона.

В июне молодые литераторы написали стихи, посвященные медикам, которые находились на передовой борьбы с ковидом. Эти стихи в виде открыток с рисунками юных художников были переданы врачам.

В сентябре 2020 года прошла первая региональная акция «Ночь литературы».

Очень продуктивным стал 2021 год. Были проведены: молодежная программа Всероссийской выставки - ярмарки «Симбирская книга» (встречи с молодыми авторами, презентации молодежных изданий, круглые столы), акция «Ночь литературы», творческие встречи с молодыми авторами в библиотеках города. Важной вехой стало издание сборника молодых писателей «Образ слова» с иллюстрациями молодых художников.

В него вошли 20 молодых литераторов – лауреатов областной молодежной литературной премии «Первая роса». Сборник был распространен в гостиницах и туристических местах региона. Его презентации прошли в самых разных культурных пространствах.

Также в 2021 году в Союз писателей России была принята Анисия Матлина.

В 2022 году были проведены арт-квартирники, молодежная программа «Симбирской книги», литературный пикник «Лето молодых».

Отдельная страница в жизни Совета молодых литераторов – литературная студия «ЛИК». Она была основана большим другом и наставником молодежи, замечательным ульяновским поэтом, членом Союза писателей России Александром Дмитриевичем Лайковым. К сожалению, в сентябре 2021 года Александра Дмитриевича не стало. Но литературная студия продолжает жить.

Занятия литературной студии проходят ежемесячно на протяжении всего года. Это разбор и редактирование текстов молодых авторов, обсуждение различных творческих методов и конструктивные споры. Благодаря литературной студии в разные годы были открыты имена молодых писателей, которые сегодня пишут, развиваются, активно

участвуют в культурных мероприятиях: Анастасия Миронова, Илья Разумовский, Владислав Ванюков, Екатерина Богданова, Влада Митрофанова, Александр Бухарин, Наталья Тибушкина, Виктория Варфоломеева, Виктория Шейко, Марина Волкова и другие.

В 2022 году молодежная литературная студия «ЛИК» стала победителем Всероссийского конкурса молодежных литературных объединений «Литосфера», который проводит Союз писателей России. Ульяновская методика работы с молодыми авторами признана лучшей в стране.

Совет молодых литераторов инициирует молодежные конкурсы. В 2021 и 2022 годах прошел молодежный православный литературный конкурс «Волжский благовест». В нем приняли участие молодые авторы из регионов Поволжья. Конкурс проводился совместно с Симбирской епархией.

В 2021 году мы впервые провели областной студенческий литературный конкурс «Пиши не в стол». Конкурс получил большой отклик среди ВУЗов и ССУЗов региона. На него поступило 77 заявок. Это помогло открыть талантливых молодых авторов – потрясающего юного поэта и музыканта Владислава Тихонова, поэтессу и очень активную девушку Марину Волкову и многих других. Награждение победителей состоялось в январе 2022 года в рамках празднования Дня студента.

В 2022 году мы провели конкурс «Как Петр Первый по Волге ходил» в честь юбилея императора Петра Первого.

И, конечно, главный молодежный литературный конкурс, который проходит в регионе уже более 20 лет, – «Первая роса». Он был основан замечательным поэтом и журналистом Андреем Безденежных, который ушел в 2007 году. Но мама поэта Лариса Михайловна Безденежных продолжает его дело. И каждый год конкурс собирает около 100 заявок от молодых поэтов и писателей. Лауреатами конкурса становились талантливые поэты и прозаики. Среди них Сергей Николаев, Анисия Матлина, Екатерина Богданова, Александр Бухарин, Алина Осюкина, Анастасия Миронова, Леонид Дроздов, Влада Митрофанова и многие другие. Каждый год конкурс открывает новые имена. В 2022 году победителями конкурса стали Ксения Никишина, Артем Даллакян, Светлана Волкова, Илья Разумовский и другие.

Наши молодые писатели известны и за пределами региона. Они постоянные участники федеральных совещаний, форумов и фестивалей молодых писателей, а также являются лауреатами различных международных и всероссийских премий и конкурсов.

5 лет – много или мало для молодежной организации? В современном стремительном мире, где порой сложно найти единомышленников – можно сказать, что срок очень достойный. Но впереди еще много планов, много новых имен, много строк и страниц, много вдохновения и новых горизонтов. Главное – всегда идти по выбранному пути. Не сбиваться с курса, не теряться в быстро меняющемся мире. Совету молодых литераторов помогает приверженность ценностям, тем ценностям, которые разделяет Союз писателей России, неотъемлемой частью которого мы являемся. Это служение Литературе и русскому слову, любовь к Родине, любовь к людям и этому миру, постоянное желание развиваться и продолжать традиции русской культуры.

ПЯТЬ ВОПРОСОВ О СМЛ

В честь пятилетия Совета молодых литераторов Ульяновской области мы задали пяти молодым писателям пять вопросов об СМЛ.

1. Что для вас СМЛ?
2. Какое событие из жизни СМЛ вам запомнилось больше всего?
3. Что нового привнесло в вашу жизнь участие в СМЛ?
4. Какие молодые авторы (не обязательно ульяновские) вас вдохновляют?
5. Что бы вы пожелали молодым авторам, которые только начинают свой творческий путь?

Александр ДАШКО – поэт, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области, лауреат областной поэтической премии имени Н.Н. Благова, член Союза писателей России, советник министра искусства и культурной политики Ульяновской области.

1. Совет молодых литераторов Ульяновской области – прежде всего пространство творчества, созидания и взаимного роста. Это люди, объединенные любовью к литературой и желанием развиваться, доносить свое творчество до читателей, поддерживать и развивать наши лучшие культурные ценности и традиции.

2. Каждое событие оставляет тот или иной след в сердце, потому что каждое событие – взаимодействие с прекрасными творческими людьми. Самыми значимыми для меня являются проведение крупных федеральных мероприятий – Всероссийского совещания молодых писателей «На родине Гончарова» в 2018 году, Всероссийского фестиваля редакторов литературных журналов «Волжская пристань», а также выход наших молодежных сборников «Новый Венец» и «Образ слова». А еще запоминается каждая встреча нашей литературной студии «ЛИК». Потом долго вспоминаю дискуссии о творчестве молодых авторов, произведения, мысли, прозвучавшие в ходе обсуждений.

3. Совет молодых литераторов привнес в мою жизнь новых удивительных людей с совершенно разным творчеством, мировоззрением, пониманием мира. Именно они формируют творческую среду, которая помогает творческому росту, взаимному духовному обогащению, открытию новых горизонтов.

4. Сейчас растет очень талантливое поколение писателей. Среди наших ульяновских молодых авторов я бы выделил Владу Митрофанову, Анисию Матлину, Марию Богдан, Артема Даллакяна, Алину Осокину, Анастасию Миронову и многих других. Со многими ребятами мы познакомились на совещаниях молодых писателей. Видно, что литературный процесс в других регионах также развивается. И в каждом городе есть талантливые молодые авторы, чьи произведения достойны того, чтобы стать новой страницей в истории русской литературы.

5. В первую очередь, хочется пожелать постоянной и напряженной работы над собой и своим

творчеством. Литература – труд. И без постоянного развития сложно вырасти в большого писателя. Также важно наблюдать за этим миром, находить и подмечать все самое интересное и воплощать в своих произведениях. Ведь нет источника вдохновения лучше, чем наша жизнь. И еще очень важно опираться на традиции нашей многовековой классической русской литературы, на лучшие культурные ценности нашей страны. И любить. Любить жизнь, людей и нашу Родину!

Мария БОГДАН – поэт, лауреат Межрегиональной поэтической премии им. Н.Н. Благова, заведующая секцией «Поэзия» Совета молодых литераторов Ульяновской области, член Союза писателей России.

1. СМЛ для меня, во-первых, союз единомышленников, людей, умеющих работать в команде. Мы открыты для любого, кто пожелает пополнить наши ряды, всегда готовы к диалогу. За 5 лет наш Совет вырос, и в физическом, и в духовном смысле. Мы активно принимали участие в мероприятиях и конкурсах разного уровня. Открыли много молодых авторов. Взаимодействие с СМЛ из других регионов дало возможность печататься в различных литературных журналах.

2. За эти 5 лет было множество интересных событий. Одним из самых ярких стал 2018 год. Вот часть из того, что запомнилось больше всего: Первый съезд СМЛ в Химках, присутствие на выборах председателя Союза писателей России, чтение стихов на Красной площади в рамках Московской книжной выставки-ярмарки, совещание молодых писателей «На родине Гончарова».

3. Пожалуй, это дало возможность посмотреть на литературный процесс изнутри. Почувствовать себя маленькой частичкой большого и важного дела. Участие в СМЛ познакомило меня с хорошей молодой литературой, дало возможность напечататься в журналах других регионов. А самое главное – в окружении появились люди, с которыми можно общаться на любые темы и обмениваться опытом.

4. У нас много достойных авторов. За последние годы больше всего впечатлили стихи Александра Тихонова (Омск), Игоря Голубя (Калининград) и Дмитрия Терентьева (Нижний Новгород).

5. Если вы выбрали этот путь сердцем, не сходите с дистанции, каким бы тяжелым он не казался. Если умом – вовремя уступайте дорогу тем, кто идет по зову сердца. Но и в том и в другом случае – не растеряйте свои идеалы, свой талант и умение видеть так, как не видит никто, кроме вас.

Владислав ВАНЮКОВ – поэт, член Совета молодых литераторов Ульяновской области, лауреат межрегионального конкурса «Волжский благовест».

1. СМЛ для меня – это прежде всего структура, объединяющая творческих людей с самыми разными характерами, взглядами на жизнь и окружающий мир.

2. Могу судить только по нашему региону. Больше всего запомнилось Всероссийское совещание молодых литераторов «На родине Гончарова» и семинар под руководством Нины Александровны Ягодинцевой.

3. Прежде всего знакомство и общение с талантливыми молодыми авторами, что позволило мне выбраться за рамки своего внутреннего мира. Благодаря знакомству с творчеством молодых авторов и различными мнениями, я смог более критично оценить свои произведения. Это, в свою очередь, дало мне мощный импульс к более разностороннему развитию творчества.

4. Если смотреть за пределы Ульяновской области, то можно отметить многих молодых авторов, чье творчество мне импонирует. Могу назвать Александра Лошкарева, Викторину Татур, Анну Харланову, Павла Великжанина.

5. Начинающим авторам я бы пожелал веры в свои силы. Прежде всего нужно верить в себя, не отступать и не сдаваться.

Анастасия МИРОНОВА – прозаик, критик, член Совета молодых литераторов Ульяновской области, лауреат областной премии «Первая роса».

1. СМЛ – это друзья, общение, открытие новых горизонтов.

2. Победа в конкурсе «Первая роса».

3. Знакомства с новыми людьми, раскрытие своего творческого потенциала.

4. Честно, пока таких авторов нет, или я не знакома с их творчеством.

5. Уделять время творчеству, не бояться ошибок, учиться воспринимать критику и любую обратную связь, касаемо своего творчества.

Сергей НИКОЛАЕВ – поэт, прозаик, член Совета молодых литераторов Ульяновской области, лауреат областной премии «Первая роса».

1. СМЛ – союз творческой молодежи, который помогает развиваться и идти вперед рука об руку с друзьями и единомышленниками.

2. Реализация межрегионального православного молодежного литературного конкурса «Волжский благовест». Этот конкурс проводится совместно СМЛ УО и молодежным отделом Симбирской епархии. В 2022 году конкурс прошел во второй раз.

3. Публикации в сборниках молодых литераторов Ульяновской области «Новый венец» и «Образ слова».

4. Дмитрий Лагутин (Брянск), Павел Федосов (Москва).

5. Быть самими собой и предельно честными с читателем. Не бояться критики и экспериментов, но при этом «придержаться корней».

Материалы рубрики подготовила Алина ОСОКИНА

Виктория ШЕЙКО родилась в городе Ульяновске. В настоящее время – студентка историко-филологического факультета УлГПУ имени И.Н. Ульянова. Пишет преимущественно эссе и прозу, интересуется поэзией, критикой, литературоведением. Принимает участие в работе Совета молодых литераторов Ульяновской области и литературной студии «ЛИК». Публиковалась в сборнике произведений молодых литераторов Ульяновской области «Образ слова», в сборнике стихов «Славен воздух вдохновенья...», литературном журнале «Симбирскъ», литературном журнале «День и Ночь» (Красноярск), публиковала материалы на портале Pechorin.net. Участник студенческой программы Всероссийского Совета молодых литераторов «Химки-2022», Всероссийского фестиваля литературных журналов «Волжская пристань». Победитель областной литературной премии «Первая роса» и регионального студенческого конкурса «Пиши не в стол».

ПРИЗРАК ЗАБЫТОГО ДОМА

Как-то раз, разбирая ящик письменного стола, под толстой стопкой листов я обнаружила тетрадь. Порой такая тетрадь скрывает в себе что-то давно забытое, может быть, дневник, полный юных чувств и ушедших воспоминаний, или любопытные записи с лекционных занятий, или, быть может, загадочную историю... В этой тетради оказались путевые заметки о случайном посещении города, чье название сокрыто под символической буквой Н.

Моя знакомая, жившая в этом городе, была рада предстоящей встрече. Мы договорились увидеться в старом парке, недалеко от моей гостиницы.

Начало осени ознаменовало свой приход золотыми бликами листвы. В воздухе чувствовались свежесть и легкая прохлада. Ночные часы пробирали промозглостью, а днём осеннее солнце показывало свои редкие лучи из-за густой седины облаков – становилось довольно тепло и сухо. Осень переменчива: то похожа на прозрачный лист бумаги с бледной пеленой капель морозящего дождя, а другой раз напоминает картину импрессиониста, где багряно-красные и яркие охристые пятна сливаются в единую композицию.

Небольшой парк был полон размеренной жизни: деревья – острые и поредевшие, люди – неторопливые и одинокие, дети в ярких куртках – веселые и шумные. Мы прогуливались по аллее, над которой с двух сторон склонялись медные кроны лип. Густые ели раскинули широкие лапы, и, возвышаясь вечнозелеными макушками, оттеняли свежестью природный колорит. Постепенно из-за деревьев стал проглядывать силуэт старого, словно забытого временем дома. В его очертаниях угадывалось что-то неясное, загадочное.

– Что это за странный дом? – спросила я из любопытства.

– Старый заброшенный дом – бабушка в детстве про него все уши прожужжала. Легенду рассказывала – жутковатая история, – знакомая на секунду задумалась, – сейчас, да и тогда на этих развалинах можно встретить кого угодно: подростков, городских бродяг, алкашей... Для детей не самая под-

ходящая компания. А как им объяснить? Проверенный способ – пугать страшными дядьками да злыми духами. Слава богу, я даже близко к этому дому не подходила.

Меня заинтересовал таинственный дом. А вдруг это именно тот случай, который может перерасти в нечто большее? Нельзя было упустить момент.

– А легенду можешь рассказать? Только как можно подробнее.

На страницах тетради сохранилась запись этой давнишней истории.

В окнах особняка с изящной мансардой и колоннами допоздна горел свет. Обитателям не спалось – весь день прошел в приятных хлопотах – топились печи, стоял аромат пирогов. Причиной домашней суеты был долгожданный приезд сыновей. Вся семья в лице строгого отца, тихой, переживающей за каждого домочадца матери, и младшего сына Гриши ожидала старших братьев Андрея и Степана, умных, образованных людей. В этот день Гриша болтался по дому, томительно наблюдая за подготовкой, с нетерпением дожидаясь вечера. Долгожданный момент встречи, как это часто бывает, наступил неожиданно. Радость, родственные объятия и поцелуи, сумбурные расспросы о жизни. Больше всех встрече, конечно, радовался Гриша. Ни на минуту не отходя от старших, он засыпал братьев вопросами о большом городе. Дольше всех он беседовал со Степаном. Отличающийся крепкостью, юноша был как всегда бодр и весел, глаза сияли радостью от долгожданной встречи с родными людьми. Его брат Андрей, худощавый и высокий, пытаясь согреться от осенней промозглости, даже в протопленной комнате не торопился сбросить пальто. Как и Степан, он был рад встрече с семьей, и, улыбаясь, раздавал свёртки с привезенными гостинцами. Для младшего брата Степан приготовил особенный подарок – толстую книгу с красивыми иллюстрациями «Жизнь животных», которую Гриша давно мечтал заполучить. От нахлынувших чувств тот замер, порывисто обнял Степана и тут же исчез в своей комнате с драгоценным подарком.

Поздним вечером семья собралась за столом, а позже в гостиной. Мать играла на рояле знакомые с детства мелодии, отец неторопливо раскуривал трубку, внимательно слушая рассказы старших сыновей. Непринужденная беседа затянулась до глубокой ночи. Прежде чем разойтись, Степан обратился к брату:

– Завтра думаю в лес сходить, так давно в нем не был! Хочется побродить по знакомым местам. Утром соберусь, и ружьишко с собой прихватю.

– Пожалуй, составлю тебе компанию, – оживился Андрей, – давно я не дышал чистым лесным воздухом! Тем более погода подходящая – днем сухо и солнечно.

– А я? Я тоже пойду с вами! – заволновался Гриша, который не хотел отставать от братьев. – Я уже почти взрослый.

– А что? Почему бы и не взять с собой мальчика? – улыбнувшись, поддержал его Степан. – Засиделся он дома.

Гриша даже подпрыгнул от радости: «Ура! Пойду собираться!» Затем, повернувшись к матери, с важностью заметил: «Мы пойдем в лес вместе!» Братья рассмеялись.

– Прогуляться в погожий осенний день – дело хорошее, но в нашем лесу есть старое болото – опасное место, трясина, – заметил отец. – Я-то лес вдоль и поперек исходил, мне там каждая кочка известна, а вы на болото – ни ногой. Идите только в обход.

– В глухие места мы не пойдем, да и до болота вряд ли доберемся, – заверили отца братья.

Время приближалось ко сну. В доме все постепенно стихло, и только большие настенные часы размеренно отстукивали время.

Раннее утро ушло на сборы. Все это время мать выглядела беспокойной, лицо ее было тревожно. Перед самым уходом она неожиданно преградила сыновьям дорогу:

– Погодите! Не стоит сегодня ходить в лес! Останьтесь дома!

Братья удивленно посмотрели на неё.

– Что случилось? – как можно спокойнее спросил Андрей.

– У меня нехорошее предчувствие, всю ночь за окном выла собака – примета плохая, это к беде, – голос её дрожал, в глазах блеснули слёзы.

Но никто из сыновей не собирался менять свои планы – не так часто удается вместе выбраться на прогулку.

– Матушка! Если мы начнем верить во всякие приметы, то и жизни не станет! Это у Вас все от переживаний, от нервов, – попытался успокоить её Степан.

– А может, показалось? – предположил Андрей, – Может, это и не собака вовсе, а ветер ночью завывал в трубе или калитка скрипела. Осенние ветры нынче сильные.

Но мать настойчиво пыталась их задержать:

– Не ходите, прошу вас! Оставьте хоть Гришеньку дома! Маловат он, слаб для такого похода!

Тревога нарастала, братья задумались. Гриша, который накануне долго не мог заснуть, мечтая, как вместе с братьями шагает по осеннему лесу, неожиданно всхлипнул. Андрей попытался его успокоить:

– Огорчаться не стоит. Обещаю, в следующий раз мы тебя обязательно возьмем!

– Ты же уже почти взрослый, – подхватил Степан, ободряюще похлопав Гришу по плечу, – мать не стоит расстраивать.

Обиженно шмыгая, Гриша убежал к себе в комнату. Отговаривать старших сыновей было бесполезно. Мать, печально вздохнув, на прощание только махнула рукой.

– Ждите нас к ужину, – крикнул Степан.

Послышался стук входной двери, удаляющиеся шаги. Всё стихло...

Казалось бы, безобидная лесная прогулка, но в тот же день Степан погиб...

Таково начало этой истории. Позже удалось записать, что еще рассказала об этом моя знакомая:

– О произошедшем в тот день в лесу никому точно неизвестно. До сих пор разговоры ходят разные, – продолжила она, вспоминая, – бабушка рассказывала, что знакомые ребята однажды пробрались в этот заброшенный дом. С шумом бродили там по темным коридорам, громко смеялись, переговаривались. В конце коридора они заметили плотно закрытую дверь. Отворив её, осторожно зашли в эту дальнюю комнату, а там – призрак. Прозрачный и бледный, глаза хрустальные – пустые. Неожиданно послышались глухие рыдания, в ужасе ребята убежали.

– Таинственный случай, – согласилась я. – Это всё, что известно?

– Потом ходили слухи, что эти рыдания принадлежали то ли матери Степана, которая после потери сына днями не выходила из комнаты, плача перед фотографией погибшего, то ли это были рыдания младшего сына Гриши, для которого потеря любимого брата стала страшным потрясением. Что это был за призрак и был ли он на самом деле, никто толком не знает, но только после этого трагического события жизнь в доме оборвалась, всё вымерло, – знакомая замолчала, с опаской взглянув в сторону дома. – Больше ничего неизвестно, скорее всего, сведения об этом давно утеряны.

Эта история, построенная на догадках, предположениях случайных людей, выглядела довольно странно. Трудно было понять, где факты, а где вымысел. Вспомнились слова известного литературного сыщика Шерлока Холмса: «Строить предположения, не зная всех обстоятельств дела, – крупнейшая ошибка».

Пытаясь как можно больше узнать, я ненароком спросила:

– Слушай, а сейчас в этом доме кто-нибудь есть? Казалось, знакомая все поняла.

– Догадываюсь, что ты задумала, но не советую этого делать. Говорят, этот дом скоро снесут. Там есть местный сторож – один тип набился в охранники. Когда не пьет, то малолеток шугает. Человек он крайне неприятный, с ним не договоришься, только настроение себе испортишь.

Мы пошли по осенней аллее и более к разговору о доме не возвращались. Время пролетело незаметно. Ближе к вечеру, прогулявшись по городу, я вернулась в гостиницу.

В путешествии что-то постоянно отвлекает.

Суэта и подвижность мешают сосредоточиться, а когда возникает достойная мысль, то стараешься уцепиться за нее и удержать, подобно тому, как сохраняешь равновесие при движении поезда, ровно до тех пор, пока не предоставится возможность обстоятельно всё обдумать и записать. Поздним вечером всё стихло, и такая возможность появилась. Достав тетрадь, я задумалась. Эта история показалась мне необычной, может быть, своей недосказанностью, загадочностью, а, может, запутанностью. Стараясь ничего не упустить, я стала приводить в порядок свои размышления.

Именно призрак забытого дома подтолкнул меня к изучению этой истории. В те времена, когда бабушка моей знакомой была еще молодой, не существовало различных спецэффектов, с помощью которых создаются всевозможные интерпретации мифических рассказов о вампирах, оборотнях и призраках. Преобладал фольклор, когда какое-то событие, передаваясь из уст в уста, обрастало новыми, порой фантастическими подробностями. Своеобразный «сломанный телефон». Разве нельзя допустить, что кто-то, обладая богатым воображением, придумал историю с призраком, хотя любые слухи не возникают на пустом месте. Как говорится, нет дыма без огня. Бытует устоявшееся мнение, что призрак – печальное существо, душа, которая не может по каким-то причинам обрести покой. Если предположить, что призрак поселился в старом доме, то какая здесь может быть связь с лесной трагедией?

Два брата Андрей и Степан отправились в лес. Один из них внезапно погиб. Это может служить подтверждением версии о том, что Степан погиб при очень странных обстоятельствах. Предположим, рана была серьезной, что и послужило причиной гибели. Более точные обстоятельства неизвестны. Может быть, у кого-то из братьев или у этой дружной семьи были недоброжелатели или даже враги, которые хотели свести с ними счёты? Нет, это маловероятно. Ведь о том, когда братья собирались пойти в лес, знали только очень близкие люди, при этом решение было принято накануне, буквально в последний момент. Сведений было катастрофически мало. Мое исследование застопорилось.

На следующий день я проснулась довольно рано. Светало. Солнце в ярко оранжевой пелене медленно выглядывало из-за старых городских домов. Ночь выдалась беспокойной. Снился сторож, рычащий, как дикий зверь, и горько плачущий призрак. Наступил день отъезда. В моем распоряжении оставалось несколько часов, чтобы предпринять какие-нибудь решительные действия по исследованию дома. Если этого не сделать, то потом, наверняка, буду сожалеть о неразгаданной тайне. В надежде отыскать что-нибудь новое, я решила осмотреть особняк снаружи.

Дорога была мне знакома. К дому пришлось пробираться через колючие кусты и неровности, засыпанные почерневшими слипшимися листьями. Твердые ветки, как острые когти, слегка задевали лицо и грозились порвать плотную куртку. Выйдя на площадку перед домом, я обогнула главный вход, где, вероятнее всего, могла бы наткнуться на сторожа (встреча с ним не входила в мои планы), решив

обойти особняк с тыльной стороны, где раньше был обустроенный двор. Дворовая часть была захламлена настолько, что, казалось, её никогда раньше не убрали: засохшие листья, обветшалые, полусгнившие доски, куски кирпичей, мебельная рухлядь и горы всяческого мусора. На фоне разрушающегося дома это создавало мрачную картину какой-то глубокой тоски и безысходности. Среди валявшихся рваных бумаг удалось обнаружить стопку давних газет. На всякий случай, захватив газеты, я решила осмотреться. Внимание привлекли обломки старой мебели, которую, видимо, давно вынесли из дома. Я подошла к разбитому комоду, у которого сохранился единственный уцелевший ящик. Ящик был пуст, если не считать выцветшего, грязного, довольно сильно прилипшего к днищу, оборванного листка. Это был кусочек адресованной кому-то записки или письма. Удалось разобрать только несколько сохранившихся слов: «... в грудь... рана ... снизу вверх ... состояние тяжелое ...

Не отыскав больше ничего подходящего, я сбралась уходить, но опасность, как известно, часто подкрадывается внезапно. Из-за угла дома неожиданно оказался заспанный сторож.

– Кто там? – прохрипел он. – Чертовы малолетки, опять за своё! Пошли вон! – хотя язык у него заплетался, но для пьяного он слишком крепко держал в руках большую палку.

В этот момент я пожалела, что забрела сюда. Кто меня дернул пойти к этому дому! Хотя сторож, судя по всему, пьяный, вряд ли сможет за мной угнаться.

Осторожно пятясь, я начала отступать от надвигающейся опасности.

– Эй, чего тут забыла? – грозно, но с некоторым удивлением прохрипел сторож, издав звук, похожий на кашель.

Отойдя подальше на безопасное расстояние, я решила спросить:

– Говорят, вы тут давно сторожите, скажите, не встречались ли в доме призраки?

– Призраки? Какие еще призраки? – хрипло захохотав, он подвинулся ближе. – Я здесь самый страшный призрак!

Тогда я решила действовать иначе:

– Если расскажете про этот дом, то получите деньги, – конечно, их давать не хотелось – все равно пропьет, но да как-нибудь выкручусь.

Сторож несколько секунд глубокомысленно обдумывал моё заманчивое предложение. Желание заполучить деньги положительно сказалось на его эмоциональном состоянии – он явно подобрел:

– Ладно, скажу, что знаю. Один богач тут жил. Видишь, дом-то громадный! Но не долго прожил, начальник мой говорил – утонул он вроде. Тут недалеко в лесу есть ... ну, как его... тьфу, чёрт, забыл. В общем, сгинул он. Всё. Давай деньги. – с этими словами он решительно направился в мою сторону.

Пожертвовав своим завтраком, я тут же бросила ему свёрток с бутербродами, которые взяла на всякий случай, и, как смогла, быстро постаралась исчезнуть.

Вернувшись в гостиницу, прежде всего я решила внимательно исследовать свои находки. Какая удача! Среди слипшихся газетных страниц, в самом конце сохранился именно тот номер, где была раз-

мещена заметка, посвященная этому давно забытому происшествию. Обрывки текста позволяли догадываться, что случилось в тот день: «*Рассказали ... Степан приехал к родным ... сопровождении брата ... лес ... болото ... случай ...*»

Обдумав оказавшуюся в моих руках информацию, я попыталась сопоставить все эти сведения. Анализ обрывочных текстов, рассказ знакомой, слова сторожа – из всего этого необходимо было выделить наиболее важные детали, влияющие на ход дальнейших рассуждений: лес, рана, снизу вверх, грудь, болото и, наконец, случай. Появились хоть какие-то сведения, позволяющие восстанавливать вероятную картину случившегося. Сев в кресло, я попыталась сосредоточиться, стараясь как можно точнее представить те далекие от сегодняшних дней события.

Густой лес и две пробирающиеся через валежник фигуры. Осенью темнеет рано, и деревья сгущают внутри себя наступающий сумрак. Дорога становится почти неразличимой. Андрей и Степан держатся рядом, постоянно осматриваются, чтобы не сбиться с пути. Возможно, темное время сказалось, они заплутали и не заметили, как вышли к заросшему высокой травой старому болоту, обманчиво напоминающему обычную лесную поляну.

– Похоже, здесь болото. Отец предупреждал, что надо обходить его стороной, – вспомнил Андрей.

– Стемнело, если пойдем в обход, дорога будет долгой, домашние нас потеряют, вернуться сможем только к утру, – Степан внимательно осмотрелся. – Лучше всё-таки обойти, чем встретиться с трясиной.

Начал накрапывать мелкий осенний дождь. Сопровождаемый холодным ветром, он пробирал до костей.

– Надо идти, иначе промокнем. Как бы не застудиться. Может, попробовать пройти через болото? – неуверенно предложил Андрей.

– Судя по траве, болото старое, подсохшее. Наверняка, здесь есть затвердевшие участки почвы. Пойдем осторожно, напрямик всё же короче, – колебавшись, решил Степан. – И хорошо бы найти длинную крепкую палку, чтобы промерять глубину.

Среди сухостоя нашлась подходящая палка с крепкими выступающими сучками и заостренным концом.

Могли ли в этот момент братья предполагать, что эта короткая дорога обернется трагедией? По найденному обрывку записки неясно, каков характер полученной травмы. Он был ранен в грудь, что и привело к печальному исходу. Как это все могло произойти? Я стала размышлять. Крупных зверей, которые могли бы нанести ранение, на болоте нет, лягушки, змеи и небольшие птицы не в счет. Эта версия не годилась. Все напоминало несчастный случай. Кстати, какую роль сыграло ружье, которое Степан взял с собой? Может быть, он, опираясь на ружье, в темноте зацепился курком за твердую ветку или выступающий корень? Но в этом случае заряд вряд ли бы нанес такую рану. Каким должно быть положение человека, получившего подобное ранение? Скажем, если он наклонился, и руки были вытянуты вперед? Не следует также забывать и о палке с острым концом, она вполне могла послужить причиной ранения. Конечно, восстанавливать

давние события, опираясь на разрозненные факты и умозаключения, – занятие крайне неблагодарное и затруднительное. Тем не менее, можно было попытаться.

Неожиданно Андрей вскрикнул. Отставший от Степана, осторожно идущего впереди, он оступился и провалился в трясины. Брат тотчас бросился на помощь.

– Не шевелись! Иначе затянет! – крикнул Степан. – Сейчас вытащу!

Братья изо всех сил старались руками дотянуться друг до друга, но попытка не удалась.

– Далековато, – прошептал Степан. – Рукой не достать. Нужна палка. Куда она подевалась?

Вот, в сгустившемся сумраке, наконец, он её нашупал. Побледневший и напуганный Андрей медленно погружался в трясины. Нужно было действовать решительно. Возможно, в тот момент Степан что-то протянул, пытаясь спасти Андрея, – палку или ружье, а тот ухватился. Собрав все свои силы, Степан стал вытягивать брата, хотя острая, влажная трава, мелкие, колючие ветки кустарничка, скользкая болотистая жижа препятствовали спасению. Кажалось, всё удалось, Андрей уже почти выбрался, последнее решительное усилие... В этот момент произошло что-то непредвиденное. Резкий звук пронесся по болоту. Какие-то птицы с жалобным криком вспорхнули из высокой травы. Спасенный обесилено лежал на траве. Затем послышалось глухое падение, тихий стон, неясные слова. Наступила тишина...

Приближалось время отъезда. Вещи уже были собраны, пора на вокзал. Последний раз я взглянула в окно – вдали, среди острых, медноголовых деревьев словно в туманной дымке виднелся полуразрушенный дом. Как все странно устроено в жизни – один человек неожиданно попадает в беду, другой, забыв об опасности, его спасает. Скорее всего, трагические события в лесу так и останутся неразгаданной тайной, подпитывающей жизнь легенды о призраке старого особняка.

Дом в скором времени снесут, что тогда станет с легендой? Возможно, обитающему в доме призраку, придется искать себе новое пристанище. Обретет ли он когда-нибудь покой или будет блуждать по парку, пугая в ночные часы запоздалых прохожих?

Позже знакомая написала мне о странном случае. Заблудившиеся в лесу грибники долго плутали по чаще, пока не вышли к старому болоту. Разглядев сквозь клубившийся вдали туман человеческую фигуру, они поспешили, чтобы разузнать дорогу, но, подойдя ближе, застыли в растерянности. Призрачный силуэт, будто страж, охранял болото, и, казалось, о чем-то их хотел предупредить. Может быть, и этот недавний случай, обрастая слухами и домыслами, превратится в новую легенду. Время делает свое дело – старый особняк с его бывшими обитателями исчезнет, но легенда о его тайне еще долго будет будоражить воображение жителей.

Здесь записки обрываются, но именно эта небольшая история о призраке забытого дома разбудила мое воображение и подтолкнула к разгадке жизни других таинственных случаев. А тайны, как известно, встречаются в жизни не так уж и редко.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Евгений САФРОНОВ, член Союза писателей России, кандидат филологических наук. Лауреат премии им. И.А. Гончарова.

По итогам 2021 журнального года признан лучшим среди авторов публикаций в номинации «Проза «Симбирска».

ИСТИННАЯ СТОРОНА

Глава 1

Хобби должно быть у всех! Это не его слова – так любил говорить Иван Иваныч, его бывший начальник.

Федор Тóкин тогда служил в МВД и считался самым молодым в отделе.

– В последний раз День милиции капитально отмечали в 1982 году – когда Брежнев умер, – любил рассказывать Федор Вадимович (он вообще любил рассказывать). – Объявили об этом не сразу. Во Дворце профсоюзов концерт грандиозный затеяли, а затем – застолье. Закуска, боевые сто грамм, всё как полагается. И вдруг смотрим: среди начальства шепоток какой-то, и они один за другим на выход потянулись. Ну и минут через десять Иван Иваныч на сцену вышел: «Товарищи, – говорит. – Сегодня скончался Леонид Ильич... Так что работаем в две смены! Извиняйте, мужики!» Ну и всё – привет Шишкину.

Федор Вадимыч к словам своего начальника всегда относился серьезно. Даже когда ушел из органов и подался в юрисконсульты – всегда поминал Ивана Иваныча добрым словом, цитировал его афоризмы и приговорки (из любимого: «Привет Шишкину!» и «От милиции не убежишь!»). Но вот с хобби у него всё как-то не срасталось.

«Да какое хобби? Ну что за блажь? Некогда мне. До отказа день забит!» – думал он, глядя на одинаковые дома за окном служебного авто. На работу он всегда приезжал в одно и то же время – семь сорок пять, уезжал в семнадцать ноль-ноль. Утром они с водителем Сашей говорили о погоде и ремонте автомобилей, а вечером – о клиентах, которых за день принял юрист Федор Вадимыч.

За 15 минут до дома – возле перекрестка на Циолковского – он набирал номер супруги и спрашивал: «Ну что, Анечка? Сегодня гуляем или как?» Анечка неизменно соглашалась с предложением, и супруги устраивали вечерний променад. После прогулки Токины заходили в «Пятёрочку», проросшую красными побегими вывесок на первом этаже их пятиэтажки, покупали пакетик обезжиренного кефира для Анечки и триста грамм мятных пряников для Федора. Дома их ждал электрический камин – «ничего особого, трепыхается как будто огонь под стеклом, но, знаешь, Саш, уютно: ставишь в дальний угол, и ногам тепло». Смотрели ток-шоу, исторический сериал и новости на большом телевизоре – Токин держал себя в курсе событий.

– Они ведь там, в Москве, законы каждый день придумывают, изменения вносят, делать-то им нечего, – объяснял Федор очередному клиенту. – Вот и по документам тот же ералаш, те же пряности: сегодня нужно пенсионное, завтра – нет. А послезавтра они вместо пенсионного уже какую-то пластиковую карту придумают.

Токину нравилось пояснять и комментировать, и он любил, когда его слушали. Считался докой в судебных делах по детям-сиротам, семейным и наследственным спорам, был въедлив, усидчив и эмоционально устойчив – одним словом, идеальный юрист. Неудивительно, что он быстро дорос до замначальника, но, правда, там и застрял на целое десятилетие. Карьерные рельсы уже блестели в сторону пенсии, однако Токин, когда думал об этом, лишь одобрительно хмыкал: а чего плохого-то? Всё идет чередом: дочка выросла, квартиру ей сотворили, накопления есть. Работаем пока работается, а наступит время – достойно проводят. Привет Шишкину, как говорится.

... И всё же «вопрос о необходимости хобби» его тревожил. «Что-то должно быть еще. Не может же человек одной работой жить! Вон у Ивана Иваныча была рыбалка и охота – пока он еще бодрячком ходил. Рогулькин из отдела по особо тяжким, как сейчас помню, возился с мотоциклами. Как не заглянешь к нему – всё на это разговор сводился. Анечка вон сканворды разгадывает, дочка Лена – вся в учебе и соцсетях. А я?»

Быть может, этот фундаментальный вопрос так и остался бы без ответа, но однажды к нему на консультацию пришла женщина. На вид лет сорок, худая, бледенькая; на лице такое выражение, будто готова расплакаться. Токин таких дамочек про себя именовал «актрисами».

– Я хотела бы восстановиться в родительских правах, – быстро заговорила она, приземлившись на клиентское кресло. – Бывший муж со свекровью сделал все так, подстроили. И теперь запрещают... не дают мне видеться с Леночкой!

«Актриса» и в самом деле разрыдалась, на что

Федор Вадимович и бровью не повел. Он и не такое видал.

– Послушаете, Олеся... – он взглянул на соглашение по персональным данным. – Олеся Геннадьевна... Родительские права – это, знаете ли, не только права, но и обязанности. Восстановиться можно только через суд, а в суде ваши слезы или крики: «Я люблю моего сына»...

– У меня дочка! – возразила клиентка.

– Да без разницы. Пусть дочка. «Я люблю мою дочку!» – вот это всё в суде не работает. Суду нужны документы, документальные подтверждения того, что обстоятельства, из-за которых вас лишили родительских прав, изменились. Осознали?

– Да, да, я поняла... Вы знаете, как всё произошло: меня сократили, уволили на работе. У нас в то время очень сложные отношения с мужем были. Крики, скандалы, ребенок плачет. А тут еще – без работы осталась. Я очень переживала... И мама, моя мама, она у меня уже старенькая – под семьдесят – в общем, она придумала... уговорила меня пойти к психиатру. Понимаете?

– Понимаю! – улыбнулся Токин. Господи, сколько к нему таких приходило, каких только не приходится консультировать! – Вы на учете в психдиспансере?

– Да. Поставили. Я не думала, что это может как-то повлиять, как-то способствовать. Вы знаете, были разные неурядицы, мне пришлось поехать по стране – искала себя, определялась, так сказать, с выбором, куда пойти, что делать. С мужем развелась, а дочка... дочка полгода жила сначала с моей мамой. Но у мамы приключился инсульт, и свекровь этим воспользовалась: обратилась в опеку, ребенок с моего согласия пожил некоторое время с мужем. И когда я вернулась, очнулась – они уже наняли юриста, надавили на меня, – ну что, мол, у меня нет условий для проживания, что я стою на учете. В общем, они подали в суд – и меня ограничили в правах...

– Это всё понятно. Ограничили не значит лишили, – терпеливо объяснял Токин. – Но я повторяю: слезы и признания в любви суд не убедят. Ограничить и лишить родительских прав гражданина трудно, а восстановить их – еще сложнее. Вот с чем вы придете в суд? С какими документами? Что у вас изменилось? Условия проживания улучшились?

– Я пока на съемной квартире... – торопливо ответила «актриса»; она достала платок и старалась не смотреть на Федора. – Мы с мамой в ссоре.

– Та-ак. На съемной. С учета вас сняли?

– Нет, но я...

– Тогда о чем разговор? Суд интересуют документы и изменившиеся обстоятельства.

– Но я не могу, не могу без Леночки! Понимаете?! Пусть они хотя бы разрешат мне видеться с ней.

– Это, безусловно, возможно. Тут нужно определить порядок общения с несовершеннолетним. Но! Повторяю! Быть родителем – это не только слезы и тому подобное. Это еще и обязанности. Открываем статью номер 80 Семейного кодекса Российской Федерации. И что мы там видим? Давайте вместе посмотрим-почитаем, – Токин развернул монитор так, чтобы посетительнице стало лучше видно, но дамочка смотрела лишь на гладкую поверхность

стола, и плечи ее вздрагивали, будто их били слабым электрическим разрядом. – «Родители обязаны, – подчеркиваю: *обязаны* содержать своих несовершеннолетних детей и...»

«Актриса» неожиданно вскочила со стула – и тихо, как мышка, выскользнула из кабинета. Токин приподнял брови и подождал несколько минут. Дамочка не возвращалась. Юриисконсульт пожал плечами и произнес:

– Ну нет так нет. Мы тут никого насильно не принуждаем!

Такой фразой он завершил описание сего любобпытного случая водителю Саше – вечером, когда возвращались домой. Водитель делал вид, что слушал своего пассажира, – он всегда делал такой вид. Но на самом деле думал о том, что в принципе у него неплохое место: «Привезти утром, отвезти вечером. Еще там по мелочи бывает и днем. Но в основном-то – красота! Сиди в офисе, смотри телик и плюй в потолок. А у других вон – таксистов или на дальняк которые ходят – у-у-у, не позавидуешь...».

У Саши тоже не было хобби, однако он на этом не циклился. Мало ли чего у кого нет – и семьи, бывает, не получается, и детей родить не могут, и даже дома своего не имеется. «Сиди и не рыпайся – и будет всё пучком!» Уж не Федор ли Вадимыч его так наставлял? А ему, наверно, влил в уши эту мудрость легендарный Иван Иваныч...

Но в тот же вечер (точнее, ночью, под боком у Анечки) Токин открыл глаза и посмотрел на круг от фонарного уличного света, который узорил натяжной потолок их зала.

«И чего она так убивается-то? Эта дамочка? – завозилась в нем неприятная мысль. – Ведь сказал по-русски: нужны документы! Без них суд даже и не будет рассматривать... А не пошло ли это всё на хер!...»

Привычный мысленный поток неожиданно и грубо прервался. Федор попытался ухватить его рваные туманные края, и в ответ – снова мысль-выстрел с посылом всех и вся. Спать что-то совсем перехотелось.

«Чего это такое?.. – стук его сердца участился. – Уж не insult ли какой-нибудь шарахнул? Спаси Бог!»

Он спустил ноги с кровати и пошел на кухню попить воды. Потом долго сидел и смотрел в городскую темень, подсвеченную фарами редких авто.

«Время-то уж три часа! Как завтра вставать-то буду? Не выплыву же!» – он попытался взбодрить себя этими мыслями, подтолкнуть в сторону зала к кровати, но тело не послушалось. Хотелось одного: сидеть и лупить глаза в окно.

– Ну хорошо! – сдался он наконец. – Обещаю! Клянусь! Клянусь! Будет у меня хобби, увлечение какое-нибудь. Завтра же придумаю!

И тело поверило этой клятве и лишь тогда отпустило его к милой во постелюшку.

Счастливую идею ему подарил один из клиентов. Пришел 80-летний дед, который принял бесконечно выкладывать на стол перед Федором Вадимовичем документы в целлофановых пакетах. А затем понёс окопесу про войну, голод и трудные

годы. Дед хотел, чтобы ему сделали перерасчет пенсии, а Токин должен был его выслушивать – потому что таких клиентов его организация принимала бесплатно, по договоренности с региональным правительством.

– Я ведь всех, всех своих предков до седьмого колена знаю! – заводил дед в сотый раз шарманку. – У меня двоюродный дядя по матери еще в Первую мировую воевал. Отец всю Великую Отечественную прошел. Прадед купцом был – в Ивановской области...

Токин устал кивал головой: одна надежда – скоро обед. И он сможет чуть-чуть отдохнуть, и будет предлог «ускорить» деда.

– Василий... Трофимович, – сказал юриисконсульт, заглянув в соглашение. – Давайте ближе к делу. Какой у вас вопрос?

– Пенсия, пенсия – не так мне подсчитали, неправильно... Вот и помогите мне, старику, – посетитель нагнул через стол, чтобы получше рассмотреть табличку, на которой значилась должность и Ф.И.О. юриисконсульта. – Хм. Токин Федор Вадимович. А вы случаем не из Липовки? Там полно было Токиных.

– Нет, не из Липовки! – сказал юриисконсульт, плохо скрывая раздражение: да тут и святые бы возопили! Целый час слушать белиберду, и затем – привет Шишкину! – еще и в биографии его начали копать.

– Я это к чему... – сказал гость со значением в голосе – будто батюшка на проповеди. – А вот к чему! Вы послушаете меня, старика: надо, надо знать свои корни, свою родословную. Вот вы говорите, что не из Липовки. Может быть. Тут я соглашусь. Но вот вы, к примеру, знаете, где родился ваш дед по отцу? Может, он-то как раз и оттуда? А?

Токин заморгал, взглянул на монитор, где пучились, налезали друг на друга открытые окна специальной программы со всякими законами, и пожал плечами.

– Вот! – торжествуя закричал старик и рубанул ладонью по воздуху – как шашкой («Прыткий, однако, дедуля!»). – Я так и думал! А я вот своей родословной занимаюсь уже полвека. Преувлекательное занятие, доложу вам! Благородное и благодарное! Доискаться, к примеру, до того фактика, как звали вашего прапрадеда. Где он жил, в каком году родился, чем занимался, как и где умер! Не каждый ведь знает про такое, а это иной раз очень и очень даже полезно!

Дед пошебуршил своими целлофанками и бумагами еще минут десять и слинял. Федор наконец-то смог достать с полочки служебного холодильника пластиковый контейнер, куда заботливая рука Анечки уложила аккуратными слоями макарон с мясом. Там же, сбоку, на холодильниковой двери он обнаружил помидорку с огурчиками. Токин тщательно, тонко нарезал овощи, подсоллил их и сдобрил подсолнечным рафинированным маслом.

И когда он уже сел за стол, чтобы здесь же, так сказать, не отходя от «рабочего станка», откусать, его тело снова выкинуло с ним ту самую – ночную – штуку. Рука с вилкой, с которой свисали макароны, застыла, рот так и остался открытым, глаза перестали моргать.

«Преувлекательное занятие, доложу вам! Благодарное и благодарное! Доискаться, к примеру, до того фактика...») «Как уж там звали моего деда – отца папы? Ефим... Токин Ефим... Герасимович? Или Геннадьевич? Не помню. Я же его никогда и не видел: дед умер, когда мне было четыре года. А где он жил? Знаю, что в Хворостянском районе – и всё. Мы и не ездили туда никогда».

Рука снова заработала, челюсти тоже, но вкуса еды он почти не ощутил. Ел на автомате – будто управлял машину. Только ближе к вечеру в обыкновенный токинский мысленный поток на полных парах вплыл новый, небывалый теплоход-идея:

«А чего бы и мне? Чего бы и мне таким вот делом не заняться? Чем я хуже? Родословную свою знать – весьма неплохо. Правда, звучит это не очень – словно про собаку говорят. Но кому станет хуже от того, если я займусь, так скажем, составлением генеалогического древа? А? Каково? Звучит же! Генеалогическое древо! Не дерево, не кустик какой-нибудь – а такое, с вензелями, со старинными родовыми гербами. благородно и благодарно. Кто знает – может, у меня там в роду дворяне были какие-нибудь? Разудалые гусары или знаменитые поэты! А? Чем черт не шутит!»

На перекрестке, где Циолковского пересекалась с Пушкинской, его рука впервые за многие годы не потянулась к сотовому: он напрочь забыл про вечерний променад, чем удивил водителя Сашу.

Еще больше удивилась и даже напугалась Анечка: всегда собранный, неторопливый и спокойный Федор Вадимыч без предупреждения ворвался в квартиру и, буркнув что-то извинительное в сторону супруги, стащил с себя куртку. А потом побежал в пустующую комнату Леночки, их дочери, и закрыл за собой дверь.

«Запомните, ребятушки, милиционеры не бегают: они с достоинством передвигаются! Потому что, когда народ видит бегущего милиционера – люди пугаются!» – шутил в свое время лучший из начальников Иван Иванович.

– Что случилось, Федя? – жена осмелилась нарушить уединение Токина лишь через час. За это время она передумала бог знает что и готова была ко всему – даже к внезапному (с позором!) увольнению ее мужа. Бледные ее губы превратились в тонкие нитки, руки чуть тряслись.

– Да ничего, Анечка! – муж сидел за ноутбуком и даже не взглянул в ее сторону. – Всё в порядке. Я скоро буду ужинать.

Супруга постояла еще немного на пороге дочкиной комнаты и поплелась на кухню. Ей почему-то захотелось плакать: она была уверена, что их благополучной, размеренной жизни пришел конец. И она не ошиблась.

По линии матери он восстановил родословную до прадеда Юрия Васильевича Храпунова за один вечер: тут и документы сохранились, и он хорошо помнил, что ему рассказывала мать о своем отце и других родственниках. Как-то раз он мальчишкой играл с Юрием Васильевичем в шахматы: крепкий был старик, сохранил ясную голову до глубокой старости.

– Значит, так: родился он в 1889-м, умер в 1971 году. Прабабку, жену Юрия, звали Евдокия Карповна. Родилась она... какое-то близко здесь село было – пригород почти...

Вышел он ужинать в десятом часу вечера в приподнятом настроении, чем очень порадовал и утешил испуганную супругу.

С тех пор вместо променада Токин после работы уединялся в пустующей дочкиной комнате. Анечка быстро бы смирилась с такой переменой, но дело в том, что этим «реформы» в их семье не ограничились. Ее предсказуемого, предупредительного и несуетливого Феденьку будто подменили: то он взалхлеб начинал ей рассказывать о своих новых «генеалогических открытиях», то вдруг замолкал – и его не было ни слышно, ни видно целые выходные. Телевизор она смотрела теперь в одиночестве, и пару раз Токин выходил вечером в зал, окидывая всё туманным взором – словно и не видел вовсе, и просил убавить звук, дескать, ему это мешает сосредоточиться.

Жена сначала пробовала обижаться, пока не поняла, что Федя даже не замечает этого: как-то она дулась на него целый вечер, а утром, за завтраком, он разговаривал с ней как ни в чем не бывало.

Кульминация случилась в октябре – месяца через два после обрушившегося на семью Токиных хобби мужа.

– Мне надо съездить в одно место, Анечка. Поеду в субботу – на два дня.

– Командировка? – спросила супруга.

– Нет. Хочу проверить одну версию – по прадеду. Ну я тебе говорил – со стороны отца. Все зацепки указывают на Хворостянский район.

– Это же далеко, это же не в нашей области! Как ты поедешь? На чём? – запричитала жена.

– Да на автобусе. Нет проблем. Доберусь!

– А ночевать где?

– Найду. Не беспокойся.

Но Анечка беспокоилась: Федя никуда не уезжал от нее последние лет двадцать. И то – тогда эта была совместная поездка, по путевке, на море. А тут? Что? Куда? Никто не знает! Господи боже мой! Что же делать?

Она смогла немного успокоиться только за хлопотами по сбору супруга в дальний путь – напекла ему пирожков-крендельков, отгладила три новые рубашки, выбрала два галстука. Ее муж не обращал на подготовительные маневры Анечки никакого внимания: он был занят более важными делами – распечатал на домашнем принтере родословную схему и купил в канцелярском четыре толстых блокнота.

Утром в субботу он стоял в коридоре родной квартиры – в сером осеннем пальто, старомодной шляпе с мягкими полями и толстой красной сумкой на колесиках. Шляпа прикрывала розовую плешь; тонкие усы, которые Токин еще в студенческие годы скопировал у одного известного юриста, давно перестали быть жуково-черными; сидячая работа искадила его, подняла одно плечо над другим. Но в глазах Анечки он был воином, собравшимся в далекий поход.

Всю жизнь она проработала медсестрой. С мужем познакомилась, когда тот проходил медосмотр,

– такой статный, молодой, в милицейской форме. Любила она его тихо, ровно, редко возражала и часто любовалась. Любовалась и сейчас – и даже всплакнула перед дорожкой.

– Аня, всё будет хорошо! Я позвоню, – и вышел.

Глава 2

Где живут Токины, Федор узнал в местной администрации. Осенние улочки Липовки выглядели неприветливо: асфальт в селе был только на центральном проезде, туфли городского гостя тонули в смеси песка, влажной земли и культурного слоя здешних первооселенцев. Тяжелую сумку пришлось нести в руках – чтобы не запачкать.

Звонка он нигде не нашел, хотя искал тщательно. Поэтому пришлось постучаться в заборную дверь – еще раз и еще. Никакого результата. Он стал беспомощно оглядываться по сторонам, как вдруг чей-то низкий голос сказал:

– Эдак ты долго стучаться будешь!

Федор обернулся: за спиной стоял мужчина – смуглый, с бородой и густыми бровями. Брови были поистине выдающимися – нависали над глазами как лепной карниз над окнами старинного здания.

– Я говорю: замучаешься в калитку-то долбиться, – он протянул квадратную ладонь, и Токин молча пожал ее. – Давай провожу...

Его проводник толкнул дверь и пошел к дому по короткой тропке с низкими кустами смородины по бокам. Пока Федор возился со своей сумкой на колесах (он уже сто раз пожалел, что послушал Анечкины уговоры и взял всё это), мужик успел войти в избу. Токин поспешил за ним и оказался в терраске, заставленной ведрами, небольшим урожаем тыкв и многочисленной обувью – от рваных кроссовок до разноцветных потертых тапок. В терраске он застрял надолго, так как долго не мог решить – оставить сумку здесь или нести всё это с собой.

«Разуваться тут или там? Ничего не понятно», – он потоптался на месте еще несколько минут, а затем плюнул – и вкатился в следующую дверь весь, целиком, вместе с обувью и сумкой на колесиках.

За дверью сразу начиналась кухня – со столом, газовой плитой на две конфорки и окном, до половины заставленным тарелками, чашками, сковородками и бутылками. За столом сидел всё тот же смуглый мужик и курил; рядом с ним чернели замызганная кружка и пепельница.

– Мне бы Токиных, – произнес Федор и поставил сумку на пол. – Сказали, что здесь живут...

– Я и есть Токин – в одном экземпляре, единственный и неповторимый. Садись, раз пришел.

Юриисконсульт замаялся и начал оглядываться по сторонам.

– Пьешь? – спросил хозяин – и Федор догадался, что лучше не отказываться. – Давай-ка сразу быка за рога: ты, я вижу, человек приезжий. Гость. А у нас с приезжими строго – сначала угости, а уж апосля спрашивай. Садись, в общем.

И он сел. Хозяин назвал Димитрием и не глядя взял первую попавшуюся кружку с подоконника. Потом налил туда из бутылки, вытянутой из-под стола.

– Пей. Не бойся – свое, сам делаю. Выпьешь и еще попросишь. Ты только не думай – мы здесь не алкаши какие-нибудь...

– Я хотел бы... – попробовал было городской Токин.

– Это потом. Чего да как. Выпей, уважь Димитрия, а там и поговорим.

Федор вздохнул и приложился к кружке. Самогон и правда оказался приличным – с легким яблочным ароматом.

– Нормально пошло? А чего не допил-то?

– Я так много не могу... – Федор понял, что нужно включать свои давно забытые ментовские навыки по потреблению. – Нехорошо мне становится.

– Это ты брось – нехорошо! Сегодня суббота? Суббота. А по субботам у нас что? Баня. Однозначно. Я уж с утра затеял, как чувствовал. Знаешь, какая у меня баня? Вот этими руками всё сам сделал, – Димитрий сжал короткие пальцы в кулаки и поднес к лицу собутыльника. Если бы кто в этот момент заглянул в кухонное окно, то решил бы, что дело запахло жареным и без драки точно не обойдется. Но угрожающие кулаки тут же нырнули под стол и снова выудили бутылку.

– Я ведь что хотел сказать, – Федор с тревогой смотрел на прозрачную струйку, которая лилась из зеленоватого горлышка к нему в кружку. – Мне бы людей найти. Родственников.

– За родственников! – согласился смуглый и звякнул кружкой о кружку. Гость смиренно пригубил.

– Э-э... Я гляжу, тебе закуска нужна. То-то ты не пьешь, а нюхаешь. А я забыл, что вы там, в городе-то, без закуски не можете.

Димитрий ухлопал куда-то в зал, старые половицы запели и заскрипели под ним, словно пьяный оркестр народных инструментов. Пока он ходил, Токин огляделся вокруг и заметил на одной из дальних стенок фотографический иконостас – две рамки с разномастными черно-белыми фотками под стеклом.

– Вот огурцы, вот колбаса. Помидоры еще были, но сплыли. Я ведь щас бобылем живу, бабу свою выгнал нах... Тебя ведь Федором зовут? А по батюшке?

– Вадимович.

– Вадимыч? – Димитрий поднял кустистые брови. – Ну-ну. Давай-ка, Вадимыч, налегай на закуску... Нас еще баня ждет, а там силы нужны.

Как Токин ни старался ограничить себя, голова его пошла в пляс. Новый знакомец всё говорил и говорил, квадратные руки ныряли под стол за бутылку (на столе он почему-то ее не оставлял), и Федор скоро почувствовал, что он куда-то плывёт – далеко-далеко, к краю привычного мира.

Затем его сознание ненадолго включилось – в тот момент, когда его окатили ведром ледяной воды. Токинское сердце больно ударило о грудную клетку и там затрепетало, как пойманный соловей.

– Ну как банька? – громоподобный рык шел откуда сверху – с небес. – погоди, это мы только начали! Димитрий сделает из тебя человека!

И дальше жалкий ручеек его мыслей снова выключили – грубо перекрыли большой и крепкой плотиной. «Анечка, – подумал он, умирая. – Прости меня за всё...»

– Неужто Федюлёк? – голос женский, будто знакомый.

– А кто ж еще? Он! Родственничек отыскался, – ей отвечает низкий мужской.

– Сын Вадима?

– А то! Я сразу допетрил. Он же как две капли воды – с дядькой-то! Да и с дедом – на одно лицо.

– С дедом? – в женском голосе сомнение. – Дай-ка погляжу с этой стороны... Ба, шевелится, шевелится, смотри-ка!

Федор открыл глаза. В комнате было светло. Из окон лился золотой свет, похожий на желток деревенских яиц. Голова болела так сильно, что слезились глаза.

– Что, Федор, приходишь в себя? Щас лечить будем. Часам к трем будешь как огурчик! – говорил его вчерашний мучитель.

– Я... – язык не слушался; пить хотелось – хоть умирай. – Мне нельзя тут. Я в понедельник – на работу мне...

– Эт как же, Федюлёк? – снова женский голос. – Не виделись столько лет, и уж уезжать намылился? Как же так?!

Димитрий сунул ему кружку воды, и он вобрал в себя влагу, точно баобаб после вековой засухи. Лишь после этого посмотрел на женщину – в головном платочке, вытянутое худое лицо, уголки губ – всегда вниз. На вид – лет семьдесят.

Токин проморгался и наконец-то осознал, что пребывает в чужой кровати и по ощущениям – раздетый чуть больше, чем до трусов. А рядом – два незнакомых человека, которые разглядывали его с тщательностью студентов-энтомологов. Он завозился и присел, сдвинув подушку под спину. Видавшую виды простыню, которая служила ему одеялом, Федор натянул по самую шею.

– Ну извини! – загоготал его собутельник, заметивший токинские стыдливые телодвижения. – Вчера что-то не было сил тебя одевать. Теть Тонь, выйди на кухню пока: человек, вишь, стесняется.

Минут через десять они сидели за столом уже втроем, и Федор сбивчиво повествовал о своих генеалогических штудиях. В этот раз закуска была обильнее: из ниоткуда материализовались и салатики, и вареная картоха, и даже рюмки на высокой ножке. Вскоре выяснилось, что Димитрий – сын Петра Ефимовича, одного из братьев по отцу.

– То есть ты мой двоюродный брательник? – смуглый развел квадратные ручищи, будто хотел обнять весь мир. – Да ништяк же! За это надо выпить!

Федор сначала категорически отказывался, но потом признал, что лучшего лекарства от похмелья еще не придумали, и приобшился.

Выяснилось и кто такая Тоня – младшая сестра Вадима Токина.

– Тут ведь Токиных раньше как собак нерезанных было, а сейчас вот и из всего рода только мы с теткой и сохранились, – сетовал вновь обретенный двоюродный брат.

– Если позволите, я запишу поточнее – про деда. Ну что вы помните... – попросил Федор. Он достал из сумки блокнот и развернул большую генеалогическую схему.

– Это чегой-то такое? – заинтересовался Димитрий. Но Тоня завладела распечаткой первая и полезла за очками – мелковато, мол, что-то. Одна из дужек на ее очках была перемотана синей изолентой.

– Тут весь наш род, – пояснил городской гость, довольный произведенным эффектом. – Ну о ком были сведения, конечно. Вот я и приехал сюда, чтобы белые пятна, так сказать, ликвидировать.

– Это запросто! – объявил смуглый. – Укатишь отсюда без единого белого пятна!

Токин тут только вспомнил про автобус и с сожалением узнал от родственных душ, что по воскресеньям в райцентр ходит лишь один рейсовый.

– И он того – давно тю-тю! В восемь утра был. Так что теперь только на завтрашнем! – подмигнул Димитрий.

– И то дело, – поддержала племянша тетка Тоня. – А то столько лет не виделись – и на тебе! Уезжать собрался! Я ведь тебя, когда видела-то в последний разок – ты еще младеней был.

– Да я разве бывал в Липовке? – удивился Федор.

– А то как же! Отец-то твой Вадим привозил тебя, давай, садись, как же можно так – приехал, ни бе ни ме ни кукареку! И укатывать сразу! У Токиных так не принято, – говорила тетка.

Токин, поразмыслив, решил, что один день без него на работе точно обойдутся, а ближе к вечеру он позвонит и предупредит начальство. И Анечке звякнет. Зато сможет не торопясь собрать ценные генеалогические сведения.

– Так, значит, деда звали Ефим Геннадьевич? Или Герасимович?

– Не-е, не-е! – в один голос запротестовали родственники. – Отродясь у нас Геннадьичей не было. Федорыч он!

– Фе-до-ро-вич, – записывал Токин в свой блокнот. – А в каком году он родился?

– Кто? Дедка, что ль, наш? – переспросил Димитрий. – Во даёт! А отец-то тебе что – не говорил?

– Если б говорил – он бы не спрашивал, балбес! – наставительно сказала тетка. – Записывай, Федюлек: четвертого мая 1919 года, почти в революцию.

– Я не балбес! – разобиделся брательник. – Это вон городские – балбесы, ежели не знают, родной дедка когда на свет объявился.

– Так я как-то и не интересовался раньше, – оправдывался открыватель генеалогических тайн. – И отца вот спросить не пришлось.

– А давно он? Умер-то? – погрустнела Тоня. – Ведь как уехали тогда, один раз заявилились – и потом связи все и понарушились. Ни писем, ни звонков.

– Пять лет назад. Почками мучался. Похоронили рядом с мамой, – сказал Токин, и ему почему-то нестерпимо, до слез захотелось увидеть родителей – хотя бы их фотографии на могильных памятниках. Полтора года ведь не был на городском кладбище.

– Ага. Вишь как, – запечалился и Димитрий. – Давайте за них не чокаясь!

Федор едва пригубил, но в этот раз его никто не осуждал: он всё-таки дело делал, в блокноте писал.

– А вот родителей деда как звали? Отца, получается, – Федор?

– Да, это мой дедка, ваш с Димкой прадед –

Федор Кузьмич. Твой тезка, Федюлёк. Скажу тебе – интересный человек был! И в Первой мировой участвовал. И вообще.

Токину почудилось, что при упоминании имени прадеда тетка с брательником как-то по-особому переглянулись – и он почувствовал, что намечается какое-то новое генеалогическое открытие.

– А Федор Кузьмич когда родился? И где? И чем занимался?

– О! О! Зачастил, – заулыбался Дмитрий. – Это уже и мне интересно: теть Тонь, а и правда – когда Кузьмич-то родился?

– Год скажу: 1878-й. Летом. А точнее – документы надо подымать. Только где их щас найдешь-то? А занимался чем? Разным. И в колхозе после войны конюхом, и склады сторожил. А больше – целительством.

– Это как? – рука Токина замерла над блокнотом.

– Да вот так: кого хотел – лечил. Наговором, травками. Знал он. А кого надо – и испортить мог, – тетка Тоня поправила сломанные очки. – А ты его и поглядеть можешь. Димка, у тебя ж вон там – висит он?

– Кузьмич-то? – откликнулся брательник, который уже успел напробоаться – в честь приезда дорогого гостя. – А как же ж! Это еще мать там собирала фотки – все наши там.

Он поднялся со стула и поманил рукой Федора. Тетка тоже подошла к стене с «иконостасом».

– Вот наш дед Ефим с женой Екатериной Ивановной. А вот трое его сыновей – Вадим, Петр и Василий. И сестра Тоня с ними, – важно комментировал хозяин избы – как заправский сотрудник краеведческого музея.

– Брат Василий – он в семь лет убрался. Утонул. Всей улицей плакали... – просвещала параллельно Тоня.

– А вот свадьбишная какая-то. Теть Тонь, это чья свадьба-то?

– Да это сестры материной – Евдокии. Это уж по линии Дворчиковых – нетокинский род. А вот и Федор Кузьмич – вишь, какая бородача у него? Как лопата. И взгляд, взгляд-то какой! Глаза у него черные, брови густые – мало кто мог выдержать, когда он смотрел прямо в глаза. Это он в военной форме – еще с Первой мировой. Фотке-то сто лет, наверно, – Тоня при каждом имени прикасалась к рамке пальцем, и на стекле оставался постепенно исчезающий белёсый след.

– А как прадед лечил? – спросил Федор, когда они вернулись за стол.

– Ну тут сразу и не вспомнишь...

– Да ладно, теть Тонь! – махнул рукой совсем захмелевший Дмитрий: легло на вчерашние дрожжи. – Ничё он не лечил. Народ другое говорил: оборачивался он. Вот и вся недолга!

– Это как? – Токин поставил рюмку на стол.

– Как, как... Мог лошадьё, мог и хряком – кем хошь станет! Правильно я говорю, теть Тонь?

– Э-э-эх!.. Ухрякался уже! Ни дня без этого не может, – тетка кивнула на рюмки. – Хватит языком-то молоть! Не слушай его, Федюлёк!

– А я говорю – оборачивался! Двенадцать ножей было, так, теть Тонь? И он – кувырк через них! И бежит там лошадьё, к примеру. Всё село про то калякало.

– Тьфу, язык как мельница у тя, Димк. Вот и живешь потому так – не пришей собаке хвост. Бобылем. И Настька ушла от тебя...

– Это я ее бросил! Я! Слышишь?.. – и тут Дмитрий запел – неожиданно тонким, приятным голосом, который никак не вязался с его обычным басом: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...»

– Поехало тело за пьяным делом, – заключила Тоня. – Еще полчасика – и спать пойдет.

Брательник исполнил предсказание тетки даже раньше: через пятнадцать минут с помощью Федора его удалось довести до кровати, на которой прошлую ночь почивал Токин.

– Знаешь чё, Федюлёк? Пойдем-ка ко мне! Димка до утра храпеть будет, а мы хоть с тобой языками потрепем – может, и не свидимся боле? А?

Токин согласился, накинул пальто и – по совету сестры отца – надел Димкины калоши. Идти оказалось недалеко – на соседнюю улицу. Избу Дмитрия оставили открытой: «Да к нему ни одна собака по доброй воле не полезет! Кому он нужён?»

Изба тетки была небольшой, но внешне аккуратной и какой-то плотной: дом напоминал кубик Рубика, где каждая клеточка не на своем месте. Кровать, на которой спала хозяйка, стояла посреди зала. Рядом с ней примостился сундук – вместо лавки. Большой иконостас располагался не в привычном красном углу, а на тумбочке – и иконы почему-то лежали ликом кверху. На полу – красные клетчатые ковры, в которых Федорова нога в черном носке утонула, будто в болотной ряске. На кухне он заметил кучу невымытой посуды. Всё говорило о том, что Тоня жила одна.

– Ты, Федюлёк, глазами-то не стреляй по углам, я не для того тебя привела. Всю жизнь одна, мужика сроду не знала, эта изба как раз от деда досталась – от Кузьмича. Меня по молодости в Липовке-то все монашкой звали, потом бросили. Теперь другую кличку дали.

– Какую? – спросил Токин, усаживаясь на сундук, который хозяйка предварительно покрыла шубейкой.

– Какую? – тетка блеснула карими глазами. – Колдовкой зовут. Народ-то дурень у нас: думает, что я от Кузьмича переняла. А нетути. Ничего не дал, хоть я и просила. Чайку затеять, Федюлёк?

Ее племяш кивнул и вскоре услышал звук горячей газовой плитки. Тетка повозилась на кухне, потом ушла в смежную с залом комнату и вернулась с колодой карт и тканевым мешочком. Она усеялась на табуретку с другой стороны стола, смахнула рукавом кофты крошки с клеенчатой скатерти и произнесла:

– Чегой-то мы всё про нас да про меня?.. Вот ты о себе что-то мало говоришь, Федюлёк. Давай-ка я сама про тебя всё расскажу. На картах будем или на бобах?

Токин пожал плечами. Голова у него чуть подплясывала, но по сравнению со вчерашним он был свежее свежего.

– Давай сначала на картах. Только вот свечку зажгу...

Тетка взяла со своего странного «лежачего» иконостаса банку с пшеном, в котором торчала чуть начатая свеча. Два быстрых движения – чирк

спичкой и щёлк выключателем – и вот они уже склонились вдвоем над теплым кругом света, где руки с худыми длинными пальцами покрывают клеенчатую поверхность дамами, валетами, семерками и тузами.

– Тэк-тэк... Работаешь в казенном доме. Советы людям раздаешь. Жена есть, имя попозже скажу. И ребенок есть, но живет не с вами. Девчонка у вас.

Федор молчал и по-глупому кивал в ответ на каждое замечание тетки, которыми та выстреливала в тишину темной избы. «Расскажешь кому – ведь не поверят. Да и кому такое можно рассказать?» – проносились в голове мысли – какие-то чужие, холодные, будто дохлые рыбы.

– Работу свою ты ненавидишь. И окружающие тебя не любят. Разве что вот жена твоя – Анною зовут. Вот она в тебе души не чаёт, как идолу поклоняется.

(«Про имя жены, наверное, сам ляпнул – вчера или сегодня. В угаре, когда был, – параллелил Токинский мысленный поток в ответ словам гадающей. – А про работу – совсем промахнулась. Всё другому у меня»).

– Еще что могу сказать... Лет десять назад у Анечки роман был на стороне – кто-то с работы ее. В белом халате. Но потом она сама его бросила – любит тебя больно, вот и осталась с тобой... Теперь про будущее посмотрим? Это лучше на бобах, ага?

Тоня пошла выключать чай, а Федор не моргая смотрел на свечу. Десять лет назад? Это Леночка как раз в восьмом классе была... Да, Аня на работе тогда задерживалась часто, говорила, что трудности там какие-то. Правда это или соврала тетка-дура?

– Сейчас уж закончим – и чай попьем. Гадать при электричестве нельзя...

Она развязала мешочек и высыпала на стол цветные фасолины. Худые пальцы замелькали, губы что-то зашептали – и вот на столе высятся три бобовые кучки. От каждой из них руки тетки стали отбирать по одной фасолинке, выкладывая какие-то ряды и узоры.

Токин не мог оторвать глаз от пятнистых овалов; фасолины будто сами собой перебежали из кучки в кучку, уменьшались и увеличивались, превращались в ряды каких-то маленьких зверьков, шныряющих туда-сюда.

(«Это гипноз! Наваждение... Надо уйти-спрятаться... Надо позвонить. Я ведь еще не звонил никому! Завтра на работу...»)

– Ага. Ну, смотри, Федюлёк, – зашептала гадающая едва слышно. – Поедешь к себе завтра. «Ты сын Вадима? Одно лицо ведь! Что ж к нам не зашел?» В Липовку вернешься – пока не знаю когда, но приедешь, это точно. На работе – женщина. Поможешь ей. А потом уволишься. Ничего не бойся. Будешь спрашивать, ответ: «Щетинка!» За остальным – сюда приезжай. Растолкую.

Губы дуют, выключатель щелкает, и всё заливаet нестерпимым светом одинокой лампочки, повесившейся на проводе посреди потолка в зале. Бобы и карты быстро собираются и пропадают – с глаз долой.

– Чай да пряники. Мятные! Как ты любишь, Федюлек. Ну чё понурился-то? Угадала тётка Тоня чего или соврала?

Токин улыбался и ничего не отвечал. Никак он не мог вернуться к прежнему потоку мыслей – словно туда кто-то бросил большой камень и привычный ручей раздвоился.

– Расскажи еще про прадеда Федора – ну деда твоего. Отца у него Кузьмой звали? – спросил племянник и откусил жесткий бок пряника. Спросил для того, чтобы сделать что-то, как-то остановить и прервать.

– Кузьмой. Но я там дальше уж не знаю. Знаю, что прабабку мою – мать Федора – звали Пелагеей. Ну и всё. Больше ничего. Мало мы как-то калякали на эту тему с Кузьмичом.

– А ты с дедом общалась?

– Как же. Любимой внучкой была. Полы у них в избе мыла, когда они уж старенькие были. Жене его – бабе Наташе – пироги помогала спрятать. На картах она меня выучила гадать. А на бобах – Кузьмич научил. Но он гадать не любил, говорил: «Вот еще – на бабьи дела силу расходовать!» На полную луну, знаешь, как его гнуло...

– Кого?

– Да Кузьмича. Как луна, говорит, полная, так не могу дома сидеть – надышусь воздухом, набегаюсь, а потом в руке левой – сила! Страсть как хочется гладить кого-нибудь, больную скотину за ухом чесать – лечить, короче.

– Ты... – Федор помолчал, подбирая слова. – Теть Тонь, ты шутишь надо мной, да? Прикалываешься? Я ведь по-хорошему приехал, а вы тут так... Про оборотней да про луну...

– Шучу? – тетка подняла подбородок вверх, к тусклой лампе и расхохоталась. – Да кто же шутит-то этим? А может, тебе показать? Показать, Федюлёк?

– Что? Показать?

– Ножи. У меня правда не все – двух нету. Должно быть двенадцать. Встаешь к ним задом – и кувыркаешься. Я сама видела – дед запрещал, а меня разве остановишь? Сама всё видела – и как кувыркался, и как лошадьё выбегал.

– Да хватит уже! – Токина вдруг подняло над сундуком, он вскочил на ноги, ярость и обида заклокотали в нем. – Я ведь по-доброму приехал, по-хорошему! А меня – напоили как свинью, ей-богу! Да еще мозги тут пудрят. Пойду я, тётъ Тонь, – к Дмитрию. Ты уж прости! Отоспаться мне надо. Чтобы завтра ехать.

– Иди, иди, Федюлёк, – спокойно ответила хозяйка дома и отвернулась к окну. – Больно ты суетлив. Кричишь, глазами сверкаешь. Не люблю я этого. Как будешь готов, так сам придешь. А шас – скатертью дорога.

Федора будто вывели из избы. Ночью в селе светило полтора фонаря, но он смог сориентироваться, вспомнил, куда идти, и пошлепал грязными калошами к Дмитрию. У брательника было душно и пахло перегаром. Сотовый он оставил в сумке и, вытащив, увидел десять пропущенных вызовов – все от Анечки. Был уже второй час ночи, поэтому он отправил ей эсмэску, что всё в порядке, и поставил будильник в телефоне на 6.30.

Пьяный хозяин избы спал почти беззвучно, только иногда всхрапывал – видимо, из-за плохих сновидений. Токин устроился в старом мягком кресле и мгновенно задремал.

«Не приезжал сюда никогда, и век бы еще не приезжать», – пронеслось в его засыпающем сознании. А затем на мысленном экране забегали зверьки-фасольки, которые его и убаюкали.

Глава 3

– Да ты не сынок ли Токина Вадима? – бабка, которой он уступил место в рейсовом автобусе, смотрела на него и улыбалась. – Одно лицо ведь! Да? А я бабка Луша – в соседях Ефим ведь жил. Ба! Как похож! Что ж к нам-то не зашел? В городе щас живешь? А где? В соседней области? Ба!..

Федор кивал, говорил да, но ему хотелось, чтобы старуха уgomонилась и ехала дальше молча. Ему надо собраться с мыслями и...

– А еще на Кузьмича похож. Вот подбородок у тебя как у него. Как тебя зовут? Федор? Вот. И его тоже Федором звали...

(«Господи, до райцентра 12 километров, а там на автовокзале он поедет уж на другом автобусе. Без бабки!»)

– А к кому заходил? И к Димке, и Тонечке? Ну, Димка-то пьянь, к нему и идти нечего. А Тонечка – да. Та расскажет. Та всё знает! – бабка говорит и говорит. Народу в автобусе немного, но все смотрят на них – и что за люди такие? Когда эта колымага докатит уже?

– А ведь про Кузьмича, знаешь, что говорили? Да? Оборачивался он. Охи-охи, грехи наши смертные. Вся Липовка знала. Вишь как быват-то! И боялись его, да. Молодежь знаешь, как пугал? Вот один раз рассказывали: идут с клуба, а перед ними лошадь се-ера! Да вся в яблоках! Из-под копыт – искры! Ну и все врассыпную. А это он, Кузьмич, баловался.

– А Тоня-то, Тоня, – перебивает ее пассажирка с переднего ряда: она давно развернулась к ним и внимала, будто на премьере в театре. – Сама-то тоже знает да умеет. И ребенка сглазит, и молоко у скотины отнимет. Боишься иной раз по улице их ходить...

(«О Боже! За что мне это? Съездил, называется, к родственничкам! Да пропади она пропадом – генеалогия эта и все родословные деревья с кустарниками!»)

– Ну и она, Тоня-то, помочь может! – голос от женщины средних лет с другого конца автобуса. – Вот у братки все руки да лицо в бородавках были, мучился, на улицу не показывался. Три раза к ней после заката сходил – и всё. Как не бывало!

– А я гадать к ней бегала! – девушка, почти девочка лет восемнадцати. – Всё правильно сказала...

– Вот погоди! – старческий голос. – Доходишь-доскачешься. Сглазит тебя – и поделом...

(«Неужели въезжаем в райцентр? Где там автовокзал? На выход! На выход!..»)

На работе всё прошло гладко – оформили даже не за свой счет, а как «заслуженный и оплачиваемый» отгул. Жена попричитала-поплакала, но была в итоге всему рада – и что вернулся живой-невредимый, и что с родословной – «всё, завязал я, Анечка, интерес потерял».

Уже к четвергу сладко-привычный ритм рабо-

ты утешил его, успокоил бурлящий поток сознания, расставил всё по своим местам. С каким удовольствием он доставал вечером свой сотовый и говорил в ожидающую его слов трубку:

«Анечка? Сегодня гуляем или как?» – и водитель Саша с пониманием улыбался ему, глядя на фары встречных машин.

Темнело всё раньше. Первый снег выпал 11 ноября. Неделя утекала за неделей. После работы они смотрели на большом телевизоре исторический сериал и новости, электрический камин так искусно и уютно имитировал веселый огонь, а на работе шел приятнооднообразный поток клиентов. Всё, всё было как прежде. Какая там тетка Тоня? Какой прадед Кузьмич? Кто такой Димитрий? Прочь-прочь, отжени от меня, Господи, всяку нечисть лукавую, частыми колышками огради. Выйду в поле не перекрестясь, выйду из дому не помолясь... Постой, постой, о чем это я? Что за чушь? Так вы говорите, мать оставила завещание или всё-таки на вашу долю квартиры оформили дарственную?.. Уточните, пожалуйста. Понятно. В этой ситуации рекомендую действовать так...

Сначала он ее не узнал – бледное лицо, худые руки, волосы с пробором – скручены туго назад. Что-то в ней изменилось: это словно была она и не она одновременно.

– Федор Вадимович, здравствуйте! Я к вам приходила на консультацию месяца полтора назад. Помните? По ограничению родительских прав? Я хотела бы все-таки обратиться в суд.

– Да, вспоминаю, – ответил Токин. – У вас изменились какие-то обстоятельства? Напоминаю: в суд нужно идти...

– Ничего не изменилось, – быстро заговорила посетительница, глядя ему в глаза – открыто, смело, как-то иначе. – Понимаете, в тот раз, когда я выбежала от вас и пошла по этому серому асфальту, затоптанному ногами тысяч таких же, как я, прохожих, ваших клиентов... Потом села в маршрутку, в самую толкучку... Такое ощущение возникло, что все и всегда куда-то едут, торопятся – и всем что-то нужно. И тогда я подумала: вот я убежала от вас, продемонстрировала что-то там вам – я не знаю, свое отношение к вам, какой вы холодный, бездушный, не человек, а просто должность. И что? И что с того? Вернула я тем самым свою дочку, свою Леночку? Нет! Я только себя презентовала, свой характер – а Лена с каждым днем всё больше уходит, удаляется от меня. Куда-то в туман. Я уже ее черты начинаю забывать – понимаете? Они расплываются, расплываются в памяти – и это страшно...

«Актриса. Натуральная актриса. Думает, один раз не получилось – может, в другой раз прокатит...».

– Значит, вы по-прежнему на учете в психдиспансере и жилищных условий для девочки у вас также не имеется? Вы хотя бы работаете?

– Я устроюсь. Уже почти устроилась. Работа хорошая, денежная – секретарь у директора по производству... Вы поймите: я не пью, не колюсь, я самый обычный человек, у которого отняли ребенка.

– То есть обстоятельства прежние, – заключил юрисконсульт, и внезапно его мысленный поток взорвался.

Тысячу лет назад он учился на юрфаке – закан-

чивал пятый курс. Жил тогда в общежитии в одной комнате с парнем с медицинского факультета. Они за полгода здорово сдружились: были общие интересы, знакомые, читали похожие книжки и смеялись над одними и теми же шутками. Как же его звали...

(«Почему так чешется шея, невыносимо просто...»)

Олег. Звали Олегом. Поссорились тогда из-за глупости – не поделили девчонку. Света? Наташка? Не помню имени. В общем, красавица с инфака – волосы кудряшками, глаза зеленые, я даже стихи учил, чтобы ей цитировать. Всё это казалось важнее жизни – чувства яркие, настоящие, искренние. А потом – потом она начала встречаться с Олегом. И Господи – какая же была ссора, какой был разговор в их комнате: просто война! И затем... Как же всё это закончилось? Олег съехал с общежития, это я хорошо помню. А Света-Наташка? Как же там всё произошло-то...

– Да, обстоятельства прежние. Но я уже обращалась к психиатру – по месту жительства. Всё ему рассказала, есть возможность нового обследования. Конечно, всё будет зависеть от них – от решения специалистов психологического диспансера.

– Ладно. Давайте так договоримся: вы едете в диспансер – прямо сейчас! Я всё улажу! С учёта вас снимут («Да что же я несу-то такое? И что там с этой проклятой шеей – объяснит мне кто-нибудь??»).

– В диспансер? Ехать туда?! – тусклые глаза женщины заблестели. – Вы сможете помочь?

– Не мог бы – не советовал бы! Паспортные данные ваши у меня есть – Олеся Геннадьевна Дерябкина. Правильно произношу?

– Да! Да!.. – она встала, потом снова села. – Я... Я прямо сейчас поеду. Я знала. Вы в прошлый раз совсем другим были. А сейчас – так мне хорошо с вами! Так тепло!..

– («Актриса, ей-богу!») Идите. Я сделаю звонок. Езжайте уже!.. Я потом с вами сам свяжусь.

Посетительница заторопилась, забыла паспорт, вернулась, десять раз сказала спасибо и наконец убежала. Федор Вадимович тут же встал и, изображая спокойствие и размеренность, направился в туалет. Он минут пять вертелся перед зеркалом, пытаясь увидеть заднюю часть шеи. Пальцами он нащупал там припухлость, которая не болела, но чесалась ужасно.

– Этого еще не хватало, – пробормотал он. – Какая-то гадость вскочила. И чего я там наобещал актрисе? Дур-р-рак... Кто меня за язык-то тянул?

Вернувшись в офис, он нашел в интернете номер приемной диспансера и попросил связать его с Олегом Дмитриевичем.

– А кто его спрашивает? – осведомился молодой женский голос.

– («Спрашивает его придурок, у которого невыносимо чешется шея!») Друг детства. Он поймёт! («Чего он там поймет? Может, меня точно insult шарахнул? Да что же там с шеей-то? Надо в аптеку заехать на обратном пути – Сашке скажу, чтобы остановился...»)

Томительные секунды ожидания. В трубке зашуршало и запело – видимо, переключили на другую линию.

– Да, слушаю! («какой же ты, Олежек, голос-то солидный выработал, обзавидоваться можно!»)

– Олег? Это Федька Токин. Помнишь такого?

– М-м. Федька... Федор? Да ладно?! Сколько лет, сколько зим...

И дальше юриконсульт с пятое на десятое пересказал ему – замглавврачу по медицинской части! – свою просьбу. Ну и естественно: «как поживаешь?», «да ты что?», «женат? детишки?», «ну да, да, отлично! дай твой номер! спишемся-созвонимся!», «хорошо, что позвонил!» и так далее. В общем, перетерли, решили.

Федор откинулся на мягкую спинку офисного кресла и долго сидел в оцепенении. Какое-то странное у него настроение сегодня, честно слово. Может, действительно заболел?

Он едва дотерпел до конца рабочего дня, заехал по дороге домой в аптеку и купил средство от зуда. Вечерний променад с супругой отменили: Токин решил лечь пораньше.

Проснулся Федор от холода. Он лежал животом вниз на чем-то твердом и ужасно неудобном. Токин повернулся на другой бок и загремел на всю квартиру. Табуретка. Как здесь оказалась табуретка?

– Да какого?.. – приподнявшись, он понял, что лежит на линолеуме – на кухонном полу. Как он попал сюда – из зала, из кровати, – Токин совершенно не знал. Никакого проблеска воспоминаний по этому поводу.

– Ну вот – привет Шишкину! Еще и лунатить начал! – он потоптался голыми ногами по линолеуму, налил себе холодной воды и сделал несколько глотков. Два часа ночи. Может, еще удастся поспать?

Тут его шея зачесалась так сильно, что он по давней привычке лупанул правой рукой по припухлости, – будто хотел прихлопнуть надоедливо го комара.

Мир разорвало надвое, светлый шар лопнул в его голове, и он боком повалился на пол – слава Богу, ничего не задев. Иначе Анечка точно бы проснулась.

– Святые угоднички! Да что же там такое? – присев, он с крайней осторожностью, будто к больному зубу, поднес указательный и средний пальцы к шее и потрогал *это*. Вместо припухлости там были волосы – клок жестких волос, похожих на щетину. Глаза Токина расширились от ужаса. Только сейчас он почувствовал, что его знобит.

Федор схватил в прихожей маленькое зеркальце жены и попытался рассмотреть в нем отражение шеи в большом зеркале, которое висело в ванной. Действительно – приличный клок черной шерсти. Может, ему это всё снится?

«Пойду спать. Выплюсь – а там решим. Больничный возьму, отпуск, отгулы – что угодно. Тут явно серьезная штука... Серьезная».

Токин проболел почти две недели – «в условиях амбулаторного лечения». Участковый врач сначала поставила ОРВИ, после переквалифицировала диагноз в бронхит.

– Скажите, пожалуйста, а вот шея? Что с шеей? – испуганно спрашивала гостья в белом халате Анечка – уже на пороге, в коридоре.

– Это к дерматологу. Температура спадет – и обратитесь!

Ответ врачихи немного успокоил Токина: раз специалист особо не удивился, значит, дело привычное. Рассосется как-нибудь и вылечится.

Но через неделю домашне-постельного режима ему совсем поплохело.

– Анечка, что-то сны мне дурацкие снятся! – жаловался он жене, которая и без того места себе не находила. – Гадость какая-то.

– Какая, Феденька?

– Уж не помню, честно говоря. Но нехорошая.

На самом деле он помнил – неясно, урывками, но помнил. То ему представлялось, что его пальцы на ногах и руках вдруг съезживались и превращались в нечто целое, единое – и потом он несся куда-то по ночному полю. Было страшно и очень необычно.

То ему бредилось, что он ведет подкоп под деревянную стену – и копал ведь как-то не руками, а носом. А уж звуки, звуки, которые при этом извлекались из его же носа и горла! Не то что рассказывать – самому вспоминать не хочется!

Испуганная вконец жена на восьмой день привела к ним в дом какую-то тетку – возможно, соседку или свою подружку. Федор к тому времени впал в оцепенение и туман: ему было просто наплевать, кто ходит рядом с ним и что говорит.

Анечка откинула его одеяло, и соседка долго цокала языком, рассматривая шею Токина.

– К бабке его надо, Ань! Испортили его, щетинку насадили! Где он был в последнее время? Ездил куда-то?

– Ездил, ездил – в другую область, в село!

– Вот там, наверное, и посадили ему...

Затем снова – туман, озноб и всякая ерунда про поле, лес и болото. Помнится, он попал на какую-то гору – облезлый, каменистый холм. И там много кто был – лошади, свиньи, вороны, голые бабы и огненные колеса. Пляски, ругань, базар-вокзал, ничего не понятно, но безумно приятно. Ему очень полегчало после этого сна – лихорадка ушла, и дело пошло на поправку.

В конце второй недели он собрался к терапевту, чтобы закрыть больничный. Щетину на шее он прикрыл шарфом и, честно говоря, не очень беспокоился по поводу «новообразования». Это раньше он боялся и не знал, что делать. Теперь-то появилась определенность: Токин четко понял, как поступить и куда ехать.

Из больницы он зарулил на вещевой рынок и вернулся с новым удобным рюкзаком.

– Ань, эта твоя красная сумка на колесах – черт знает что! Вот рюкзак – другое дело. Намного удобнее.

Потерянная супруга, будто под гипнозом, смотрела за тем, как он собирает вещи – самые необходимые. И молчала.

– На неделю, Анечка, – это максимум. Обещаю. И потом вернусь, конечно. Работа? А что работа? Я напишу им, позвоню. Мне надо, понимаешь? Надо. Да и надоело это всё – юрисконсульство дурацкое. Не моё это...

Токин уехал вечером того же дня. Мимо автобусного окна пробежали окоченевшие, словно сделанные из камня деревья и бескрайние поля чер-

ноголовых подсолнухов – покрытых снегом, сморщенных, видимо, их забыли убрать по осени. Всё это создавало ощущение другой планеты – той, где когда-то дымилась жизнь, бугрилась разными формами, но сейчас бесповоротно исчезла, пропала, ушла в другое измерение. И Федор чувствовал себя таким космонавтом – первооткрывателем мира седых, забытых богов.

Хотя, может быть, всё и не так, возможно, он возвращался в те места, которые любил, но предал их, оставил, обменял на что-то другое.

С автобусной остановки Токин сразу пошел к дому тетки. К Димитрию заходить не стоило: он в таком деле не помощник.

Вечерняя Липовка в этот раз встретила его по-праздничному: медленными снежинками, похожими на парашюты; расчищенными дорожками и тропками; даже редкие фонари горели по-тихому приветливо, словно приглашая и боясь спугнуть.

Окна теткой избу отражали темноту улицы: ни огонька, ни свечки. Федор стукнул пару раз в дверь, а затем толкнул ее и вошел в терраску. Здесь он скинул пальто, снял сапоги и прислонил сумку к растрескавшемуся от старости комоду – наверное, ровеснику прадеда. А затем приоткрыл дверь зала и прокрался к кровати – к той, что там спала.

Он сидел возле нее почти час, пока она не повернулась на другой бок и не открыла глаза.

– Приехал, Федюлёк? – спросила Тоня, и тот сразу – по голосу – понял, что ее скоро не будет. – Ждала тебя, ждала, все глаза проглядела. Свечку зажги, электричества не надо.

Она закашлялась и попросила воды. Федор хотел налить из чайника, стоявшего на плите, но Тоня попросила холодной – из терраски. Гость разбил металлическим боком кружки тонкую пленочку льда в ведре и черпнул оттуда.

– Я уж не встану, племяш. Болезнь такая – после нее не встают. То, что приехал, – это хорошо. Очень хорошо, – в дрожащем свечном пламени лицо Тони казалось то черным, то огненно-желтым.

– Теть Тонь, я что-то совсем потерялся, – Токин сел рядом с ее кроватью на низкую табуретку. – Болезнь была, а потом вот тут еще, – он наклонился и, взяв ее ладонь, дал прикоснуться к щетинке на шее.

– Я ж тебе про нее говорила, что будет у тебя. Не бойся этого, я тебе травку дам – как рукой сымет. А можешь и не делать ничего – само пройдет, – она снова закашлялась и не переставала дохнуть несколько минут. С ее плеч сползло шерстяное одеяло, и Токин заметил, как тетка похудела.

– Скажи: это правда – ну то, что говорили про Кузьмича? – спросил он, как только кашель утих.

– Про то, что он перевёртываться мог, что ли? Врут, Федюлёк. Всё врут. Не слушай никого. Дед мой, прадед твой, человеком с большой буквы был. Помогал многим – не всем, конечно. Некоторым и помогать-то нельзя: всё равно сожрут не себя, так других. Было у него, знал он. И я маненько умею, но с ним – не сравнить. Он – один на миллион. И летунов мог останавливать, и скотина его слушалась.

– Кого останавливать?

– А-а, ты не знаешь. Городской ты наш! Лету-

нов, Федюлёк. Вот кто умер если, а по нему тоскуют, убиваются, – вот он шаром огненным прилетает. И дедка умел с ними разговаривать. Остановит такой шар, расспросит – и отпустит.

– Неужели правда?

– А ты как сам думаешь? – Тоня усмехнулась и потянула к нему руку. Он наклонил свою голову, и она погладила его по плешивой макушке. – Эх, Федюлёк, Федюлёк. Ведь не передал он никому, так – крохи. И весь род наш, как песок, утёк куда-то. Ты вот один остался – и уж как ты порадовал мне сердце, когда приехал! Я тебя давно, давно ждала – и гадала на тебя, и звала. Но всё ты был как туманом окруженный – недоступный, будто сухое дерево на голой горе. А теперь гляди – оттаял. Подумать только – ведь одно лицо с Кузьмичом! Одно лицо.

– Мне сны снятся паршивые, тетя Тонь...

– Боишься их?

– Опасаюсь. Всё какая-то ерунда – лошади, птицы. Гору видел.

– Видел? – Тоня встрепенулась и приподнялась на локтях. – Расскажи. Расскажи про гору!

– Ну каменная такая, с белым песком. А по краям – невысокий лес. И до горизонта – лес. Воронье там, женщины голые. Всё яркое, аж до боли в глазах. Я только один раз ее видел. И после – выздоровел.

– Хорошо там тебе было?

– Хорошо! – признался племянш. – Очень хорошо.

– Чушь всё это! – сказала вдруг тетка и откинулась на подушку. – Люди вздор болтают и про дедку, и про меня. А ты уши развесил – вот и снится всякое.

Она закрыла глаза и замолчала. Свеча чуть потрескивала; настенные часы неспешно тикали; в терраске сверчком стрекотал старый черный электросчетчик. От духоты натопленной теткиной избы и негородской тишины Федору захотелось спать – невыносимо, будто он весь день колот дрова.

– Спи! Завтра поговорим! – сказал Тонин голос, и он тут же провалился в темную яму без дна. Летел и летел, не ощущая движения воздуха. Он чувствовал себя безопасно, знал, что не упадет, не разобьется, не умрет. Стены бесконечной ямы чуть светились, а он всё падал и падал.

И вдруг – стоп! Резкое движение, хлопок, в ноздри пахнуло чем-то резким – как от только что потушенной спички.

Федор стоит в теткинском сарае – он узнал место, так как в прошлый раз сюда заглядывал. Только тогда тут всё было завалено – проржавевшими лопатами и граблями, деревяшками и старыми тряпками, всеми теми необходимыми нужностями, что всегда пребывают в сельских сараях – особенно если в доме не водится мастеровитого и аккуратного мужика.

Сейчас сарай был пуст. Внизу на деревянном настиле – лишь тонкий слой соломы и большой овал из горящих толстых свечей. Он видит склоненную спину тетки – та что-то на коленях делает внутри огненного овала.

– Вот Федюлёк, ножи расставляю. Все двенадцать есть теперь – ездила в райцентр, в хозяйственный, подбирала специально. Тут всё просто: встаешь спиной и кувыркаешься. Учиться ничему не надо, само всё подскажется.

Токин стоит у свечной границы и ждет. Ему спокойно. И больше ничего.

– Тэ-эк, острием вверх нужно. Запоминай, как ставлю, – меня дедка учил, а я тебя. Вот такая вот родословная, – Тоня чуть слышно смеется.

Ножи блестят, расходясь в причудливую фигуру, которая напоминает букву – из другого, не нашего алфавита. Федор ждет и молчит. Тетка поднимается с колен и перешагивает огненную границу. Она подходит к нему вплотную и берет его лицо в горячие ладони. И начинает говорить, говорить, даже не говорить – показывать. В теткиных зрачках, в ее морщинах на лбу, мочках ушей и седых, распущенных волосах – всюду – текут картинки. Каледойскоп из домов, огородов, военных форм, мотыг, фотографий, сельских и городских улиц, родных и незнакомых лиц, похорон и свадеб, могил и солнечных зайчиков.

– Это и есть наш род, – шепчет теткин голос. – Наши с тобой предки. Мы в них, а они в нас. Вот что я тебе скажу, Федюлёк: нет никакого выбора и нет никакой «истинной стороны». Ты со всех сторон – правильный, какой ни повернёшься. Хочешь – лошадей, хочешь – колесом или птицей. Никто никого не принуждает и заставить не может. Хочешь – делай, а не хочешь – не надо. Хочешь – оставайся, а не хочешь – уезжай. Семья, Федюлёк, это не камин с искусственным огнем, это другое. Это огонь вот здесь, – тетка целует его в лоб между глаз. – И вот здесь!

Ее левая ладонь касается живота племянника – проникая куда-то в солнечное сплетение. Потом она снова берет его обеими руками за щеки и притягивает к себе – ближе, ближе, ближе, – пока он не тонет в огненных колодцах ее зрачков.

– А теперь – думай. Прыгать можно только в одиночку. Никого рядом не должно быть – иначе помешаешь. Я ухожу, а ты думай. Никто тебя не принуждает, не ведет за собой и не подсказывает. Твое решение – и твоя жизнь.

Хлопает дверь сарая, Федюлёк остается один. Нет ничего за этими деревянными стенами, он точно это знает. Там лишь черная пустота, беззвездный космос, не его судьба, не его работа, не его семья. Он сам всё видел: далеко-далеко, за многие годы отсюда тысячи таких, как он, – бывших задолго до Кузьмича. И всё это – его род, его древо.

Он подходит ближе к огненному овалу и встает к ногам спиной. Дыхание едва заметное, дыхания почти нет. Нет ни свечей, ни сарая, нет пола и ножей. Чья-то мягкая рука подцепляет к тому месту на шее, где проросла щетинка, тонкий трос, прозрачную нить и подбрасывает его тело вверх. Федор летит спиной вперед, переворачивается раз, другой, третий – и та же рука неспешно опускает его по другую сторону овала.

Лошадиный стук копыт, короткое фырканье – и через дверь на улицу! Совсем немного, и село заканчивается. Остается только поле – незимнее, травяное, медвяное поле, которое принимает в себя черного коня и несет его дальше. Туда-туда – к глубокой быстрой речке, к желтому песку, к землянике и белым грибам. К невысокой каменной горе, где его ждут Кузьмич и все его предки.

*Елена КЛЕВОГИНА, заведующая сектором научно-экспозиционной работы
Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.*

И.А. ГОНЧАРОВ. «АТАР-ГЮЛЬ». ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

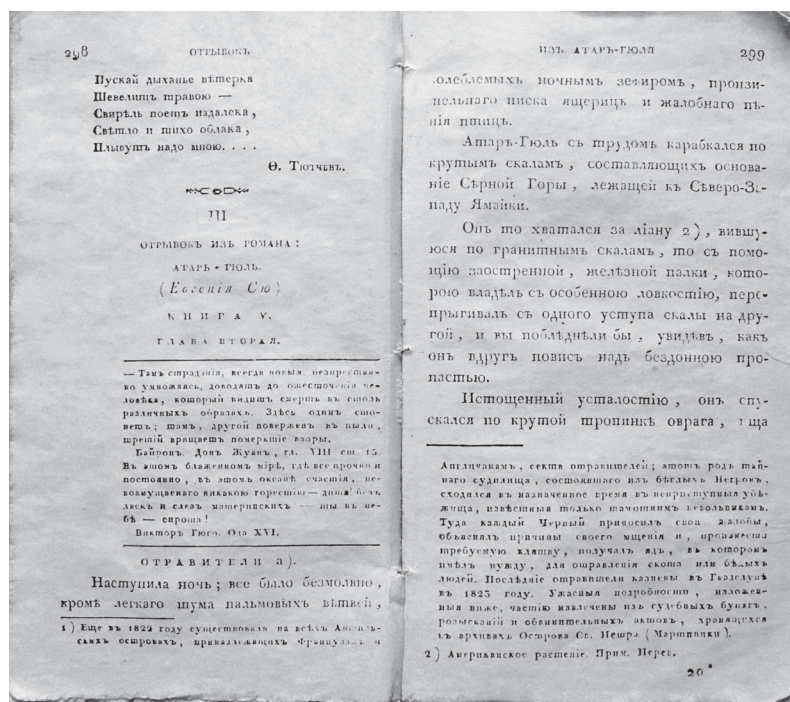
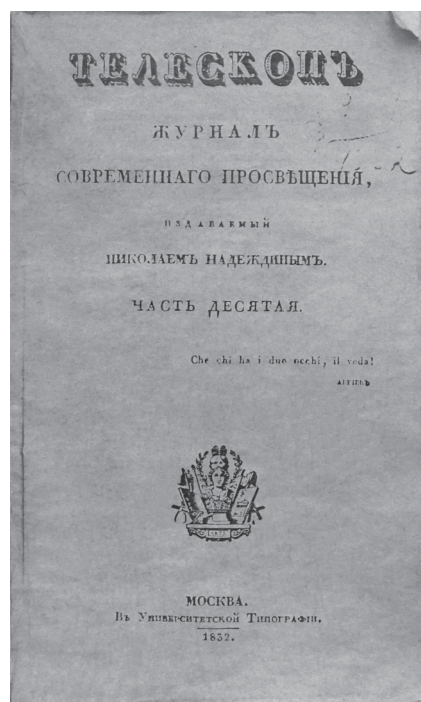
К 190-летию начала литературной деятельности

2022 год богат на юбилейные даты, связанные с жизнью и творчеством Ивана Александровича Гончарова. В июне мы отмечали 210 лет со дня рождения писателя. 175 лет назад вышел в свет роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история». 165 лет прошло с первого публичного чтения романа «Обломов». В 1852 году писатель отправился к берегам Японии на фрегате «Паллада» – началу похода в октябре исполняется 170 лет.

Октябрь же этого года ознаменован ещё одним юбилейным событием – 190-летием начала литературной деятельности романиста. В 1832 году в журнале «Телескоп» студент второго курса Московского университета Иван Гончаров опубликовал перевод двух глав из романа французского писателя Эжена Сю «Атар-Гюль». Опубликовал анонимно, без подписи, однако впоследствии – в автобиографии 1868 года – сам указал на авторство перевода. Безусловно, публикация имела для Гончарова особое значение. Перевод стал его первым печатным литературным опытом – началом пути. В подтверждение тому напомним, что именно в 1882 году друзья и знакомые, а также почитатели творчества Гончарова поздравляли его с пятидесятилетием литературной деятельности.

*И.А. Гончаров.
Худ. К.А. Горбунов. 1847*

Журнал «Телескоп» с публикацией отрывка из романа Э. Сю «Атар-Гюль» в переводе И. А. Гончарова

Издателем и редактором журнала «современного просвещения» «Телескоп» был Николай Иванович Надеждин – профессор Московского университета, преподававший Гончарову теорию изящных искусств и археологию. О нём романист отзывался всегда с большой симпатией и уважением: «Это был человек с многостороннею, всем известною ученостью по части философии, филологии <...> он был нам дорог своим вдохновенным, горячим слогом <...> Он один заменял десять профессоров <...> Изливая горячо, почти страстно, перед нами сокровища знания, он учил нас и мастерскому владению речи. Записывая только одни его лекции, можно было научиться чистому и изящному складу русского языка». Работая со студентами, Надеждин поощрял их интерес к творчеству, привлекал к участию в журнале. В каждом номере среди прочего печатались образцы русской и зарубежной литературы, в том числе множество переводов. Обычно это были отрывки из европейских романов.

Гончаров, как известно, знал французский язык с детства, читал по-французски, переводил. Не мог он обойти вниманием и творчество модного тогда автора, одного из основоположников массовой французской литературы – Эжена Сю (1804–1857), вступившего на литературное поприще во второй половине 1820-х гг. «Атар-Гюль» (1831) принадлежит к числу ранних его произведений – морских и колониальных романов в духе позднего романтизма, с сильным, ярким, драматичным сюжетом. В русской литературной критике эти романы Э. Сю также причисляли к так называемой «неистовой словесности» – литературе, подчеркнута связанной с мотивами смерти, насилия, страдания, экстремальными событиями человеческой жизни. «Атар-Гюль» – оригинальное название романа. Впоследствии произведение публиковалось под названием «Морской разбойник и торговцы неграми, или Мщение чёрного невольника».

Негр Атар-Гюль был продан на корабль работорговцев враждебным племенем. Внешне он ведёт себя спокойно и миролюбиво, но внутри затаил страшную ненависть к своим обидчикам. Смыслом его жизни становится месть белому работорговцу, который купил, избил и продал его, и своему последнему хозяину, колонисту Вилю, который отправил на смерть его отца, обманно обвинив в воровстве только за то, что последний был уже стар и немощен.

Гончаров выбрал для перевода главу, в которой речь идёт о секте отравителей. Под предлогом не допустить отъезда в Англию снисходительного к своим невольникам колониста Атар-Гюль получает яд, с помощью которого приведёт хозяина к разорению, истреблению его жилищ, людей, полей и стад. Вторая глава повествует о том, каким чудовищным образом Атар-Гюль устраивает смерть дочери хозяина в день накануне свадьбы.

Кстати сам Эжен Сю также печатал романы отрывками, в жанре «фельетонного романа» – главы выходили в ряде номеров газеты или журнала, с острыми, завлекающими читателя концовками, вызывающими интерес к продолжению.

Гончаров первым познакомил русских читателей с новым романом Эжена Сю, опубликовав перевод на следующий же год после выхода его в свет (речь, конечно, не идёт о тех, кто имел возможность прочесть роман в оригинале). Полный перевод романа на русский язык (без указания автора) выйдет только в 1847 году, в Санкт-Петербурге, в типографии К.И. Жернакова. Он же и будет использоваться в последующих изданиях.

Перевод И. А. Гончарова отличался как точностью, так и художественностью изложения, что и позволило считать его публикацию началом литературной деятельности романиста.

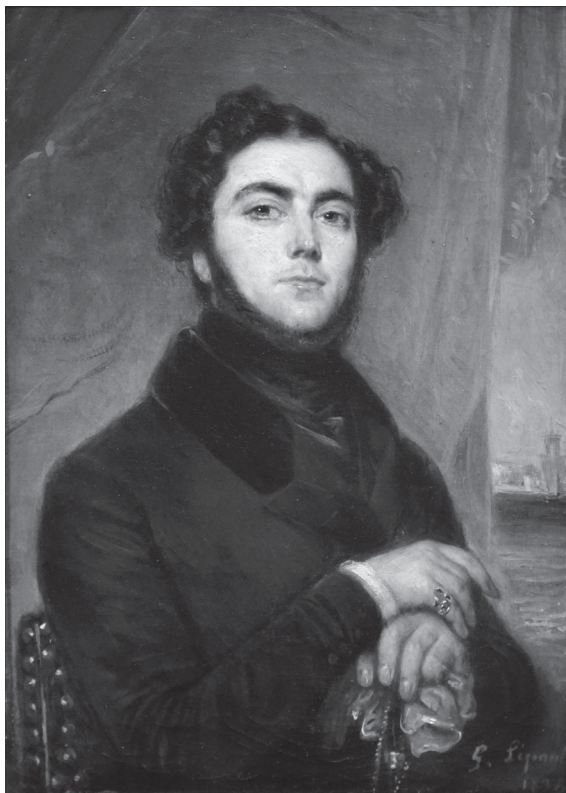
Текст перевода приводится по изданию: Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 534–545.

Эжен Сю

АТАР-ГЮЛЬ

Отрывок из романа

Перевод с французского

Э. Сю. Худ. Ф.-Г. Леполь. 1837

КНИГА V ГЛАВА ВТОРАЯ Отравители¹

Там страдания, всегда новые, беспрестанно умножаясь, доводят до ожесточения человека, который видит смерть в столь различных образах. Здесь один стонет; там другой повержен в пыли; третий враждует померкшие взоры.

Байрон. «Дон Жуан», гл. VIII, ст. 13.

В этом блаженном мире, где всё прочно и постоянно, в этом океане счастья, не возмущаемого никакой горестию, – дитя! без ласк и слез материнских ты в небе сирота!

Виктор Гюго. «Ода XVI».

Наступила ночь; всё было безмолвно, кроме легкого шума пальмовых ветвей, колеблемых ночным зефиром, пронзительного писка ящериц и жалобного пения птиц.

Атар-Гюль с трудом карабкался по крупным скалам, составляющим основание Серной Горы, лежащей к северо-западу Ямайки.

Он то хватался за лиану², вившуюся по гранитным скалам, то с помощью заостренной железной палки, которою владел с особенною ловкостью, перепрыгивал с одного уступа скалы на другой, и выобледнели бы, увидев, как он вдруг повис над бездонною пропастью.

Истощенный усталостью, он спускался по крутой тропинке оврага, ища опоры; вдруг видит прелестный колеблющийся кактус, испещренный красными и синими цветочками; запыхавшись, хватается за него... но вдруг с ужасом оставляет холодное и клейкое тело... то был длинный змей, резвившийся при лунном сиянии!

Тогда Атар-Гюль поспешно катится вниз и падает на скалу, но в падении своем встречает густой кустарник, который его останавливает; тут в десяти шагах под собою замечает тропинку, уступает силе, влекущей его, падает опять – и узнает дорогу, ведущую прямо к вершине горы. Наконец, после невероятных усилий, измученный, окровавленный, достигает оной.

В сем месте гора была покрыта пальмовыми, алоевыми и банановыми деревьями, к которым не прикасалось еще железо и которые разрослись так густо и плотно, что негр никогда не проникнул бы сквозь чащу деревьев, сросшихся и переплетшихся в разных направлениях, если бы не имел при себе ножа, которым чистил себе проход среди этого леса.

Когда он вдаль приметил красноватый свет, то улыбнулся странным образом, остановился, заткнул нож за пояс и приложил ухо...

Но ничто не прерывало безмолвия, кроме писка ящериц и жалобного пения птиц...

Атар-Гюль шел по протоптанной дорожке, шел долго, прислушиваясь со вниманием.

Скоро потом услышал он странное и торжественное пение, но еще слабое и отдаленное... Он удвоил шаги.

Пение становилось явственнее... Атар-Гюль приближался быстрее.

Вдруг пение прекратилось, и на минуту всё затихло... Потом послышался крик ребенка, сначала пронзительный, наконец судорожный и замирающий.

И странное торжественное пение более и более возвышалось – и Атар-Гюль всё стремился на багряный свет, обливавший пурпуром свою часть колосальных деревьев, между тем как другие мрачными фигурами рисовались по пламенному зареву.

Наконец негр приблизился, дал о себе знать таинственным знаком, состоявшим в приложении обоих указательных пальцев ко рту, а мизинцев – к глазам.

Потом сел на свое место, дожидаясь очереди, и смотрел в безмолвии.

Посреди большой ложины собралось множество негров; все они сидели поджав ноги, сложив руки накрест и пристально смотрели на троих черных, хлопотавших около медного котла, поставленного на пылающем огне.

Недалеко оттуда, в конце длинного тростника, лежала голова, еще свежая и окровавленная.

Она принадлежала сыну Хама, того самого негра, вместо коего любимцем колониста сделался

Атар-Гюль, с того времени как потеря сына довела Хама до нерадения о своей должности.

Остатки маленького негра варились в котле.

Ибо кроме двух белых кур, пяти голов змеиных самцов, трех пальмовых червей, черного голубя и большого количества ядовитых растений для составления лютейшего яда надобно было достать тело дитяти пяти лет, ни больше ни меньше, пяти лет ровно...

И вот однажды отравители при солнечном сиянии захватили бедного малютку, который заблудился, гоняясь за прелестными голубыми попугайчиками по пустынным берегам Соленого озера.

Трое черных, кончив свое дело, сняли котел с огня и поместились на обломках скалы.

Атар-Гюль приблизился...

– Чего ты хочешь, сын мой? – сказал один из троих негров, коего лицо почти совершенно скрывалось под седыми и курчавыми волосами.

– Смерти и разрушения поселениям Нельсонова залива, смерти скотам, гибели жатвам и жилищам.

– Но говорят, что колонист Виль любит своих черных... Подумай, сын мой! Отравители справедливо в своем мщении...

– Поэтому-то, отец мой, – сказал Атар-Гюль, предвидевший правоту диких, – поэтому-то я и не требую смерти жителям. Господин точно добр; наши жилища спокойны и опрятны, мы пользуемся плодами садов наших, и детей не отторгают от матерей, пока они не достигнут двенадцатилетнего возраста. Сухая треска и маниок раздаются в изобилии; всякое воскресенье он с удовольствием смотрит, как мы резвимся и пляшем на морском берегу или погружаемся в воду, чтоб получить награду, назначаемую господином искуснейшему пловцу. Что касается до бича управителя, – продолжал Атар-Гюль, улыбаясь по-своему, – то дети наши пасут им черепах на берегу, и двадцать человек из нас отказались от свободы, желая остаться у такого доброго господина.

– Чего же ты требуешь? – сказал старый негр с нетерпением.

– Вот чего, почтенный отец: владетель Виль богат; теперь, говорят, он хочет возвратиться в Европу; тогда какой-нибудь жестокий белый купит поселение и вплетет новые ремни в бич палача; итак, черные Нельсонова залива послали меня к тебе испросить гибель на его жатву и скотов, разорить его, чтоб он не оставлял острова... этот добрый господин.

В речах дикого заключалась логическая, правильная последовательность; Атар-Гюль искусно выдержал свою роль, ибо между самыми ожесточенными неприятелями белых мог вкрасться шпион, изменник. Найдя таким образом ужасное и верное мщение у отравителей своему господину, Атар-Гюль имел в виду еще средство в случае измены оправдаться перед ним; он мог найти отговорку в своей дикой, необузданной привязанности, сопряженной с самолюбием; но несмотря на то, он питал свою ненависть самыми странными средствами, ибо умолчал об умерщвлении своего отца: тут выполнялось мщение частное.

Старый негр испустил странный крик, который повторили вместе оба его товарища, – он вскричал:

– Добрых белых, добрых господ, очень мало; а

наши братья по отъезде колониста Виль лишатся в нем доброго человека, которого место заступит человек жестокий; итак, мы согласны послать разрушение и смерть на жилища и скот его, дабы он не оставлял колоний; добрых немного, ими надобно дорожить!

Потом велел Атар-Гюлю стать на колени и сказал:

– Поклянись луною, нас освещающею, поклянись грудью твоей матери и очами твоего отца хранить молчание о том, что ты видел!

– Клянусь...

– Знаешь ли, что при малейшей нескромности ты падешь под ножом детей Волчьей Горы?

– Знаю.

– Даешь ли клятву быть участником в ненависти твоих братьев, даже против жены и детей, если бы нужно было отмстить вернее злomu и бесчеловечному колонисту?

– Даю.

– Итак, иди и сверши предприятное.

Тогда один из двоих негров, находившихся подле старика, принес несколько свертков ядовитых растений, имеющих действие быстрое и верное.

Негр опустил их в котел, тотчас вынул опять и отдал Атар-Гюлю, объясня их свойство...

Потом, обмакнув в котел тростинку, прикоснулся ею к его глазам, ко лбу и груди, сказав:

– В силу этого волшебства действие твоего яда будет верно... Прощай, сын!.. Справедливость и твердость!.. Мы поможем тебе разорить доброго господина.

– Справедливость и твердость! – сказали в один голос негры.

В это время огонь испускал уже слабый и бледный свет; негры растались, назначив свидание через семнадцать дней, а Атар-Гюль пошел к жилищу доброго Вилья.

– Наконец мщение близко, – сказал черный, рыкая, подобно шакалу, – прежде я ввергну тебя в бедность; ты останешься здесь – здесь; я увижу, как по капле польются твои слезы, я увижу твою нищету; у тебя не будет черных, не будет скота, – твои жилища разрушатся пожарами; ты дойдешь до того, что у тебя не останется никого, кроме меня, меня одного, верного и преданного слуги... и тогда...

Здесь Атар-Гюль испустил ужасный крик адской радости...

И ослепительный блеск возвещал уже восход солнечный, когда негр подходил к дому колониста.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ День накануне свадьбы

Изредка только поднимал он красную занавеску, дабы посмотреть, не украли ли его трупов.

Жюль Жанен. «Мертвый осел».

Когда Атар-Гюль достиг последнего ската горы, солнце уже взошло, и скалы Серной Горы далеко отбрасывали длинные тени.

Едва он подошел к небольшому водоему, образовавшемуся из огромных обломков гранита, которые окружали маленький зеленый луг, пересекаемый ручьем, теряющимся в высокой траве, как услышал сильное шипение змея и остановился.

Глухой и стремительный шум заставил его поднять голову, он увидел секретариса³, который, описывая широкие круги над пресмыкающимся, спустился к нему мало-помалу...

Змей, чувствуя неравенство сил, пользовался всею свойственною ему хитростью и гибкостью, чтобы достичь своей норы.

Но птица, угадывая его намерение, вдруг спустилась, одним прыжком очутилась подле его убежища и тотчас остановилась, загородив ему дорогу огромным своим крылом, имеющим на конце когтистую выпуклость, которая служила для нее вместе и наступательным и оборонительным оружием.

Тогда раздраженный змеей выпрямился, яркая пестрота его кожи заблестала от солнца радужными цветами... голова раздулась от злости и налилась ядом, глаза наполнились кровью, он открыл грозную пасть, испуская ужасный свист...

Секретарис распустил крыло и приблизился сбоку неприятеля, который следил его глазами и поводил своим телом направо и налево, следуя за всеми движениями птицы.

При одном таком движении... змей вдруг изогнулся... хотел уязвить своего врага и обвиться около него...

Но секретарис, подставив твердую часть своего крыла острым зубам пресмыкающегося, схватил его в когти и сильным ударом клюва рассек ему череп...

Змеей быстро завертел хвостом... начал бить им землю... свивался... развивался... оцепенел... и издох.

Птица, завладев добычею, с бешенством начала терзать ей голову, как вдруг выстрел поразил саму ее... Атар-Гюль вздрогнул, обернулся и увидел над собой на скале Теодорика с ружьем в руках...

– Ну что, Атар-Гюль! – сказал молодой человек, слезая со скалы. – Не правда ли, что метко!

– Метко, сударь, метко, да напрасно. Секретарисы избавляют нас от этих гнусных змей... вот посмотрите-ка на этого...

Черный показал мертвого змея, которого держал за хвост; он имел семь или восемь футов в длину и четыре дюйма в диаметре...

– Черт возьми!.. досадно... у нас их такая пропасть, и я бы дорого дал... чтобы не было ни одного во всем острове...

– Это правда, сударь... много скота умирает от них...

– Да, Атар-Гюль, конечно! Но кроме того, моя Дженни ужасно боится этих гадин, хотя, правда, менее, чем прежде, ибо тогда одно имя заставляло ее бледнеть как мертвую; бедное дитя!.. Ее отец, мать и я пробовали истребить в ней этот страх... раз сто клали мертвых змей, набитых соломою, там, где ей надобно было проходить... и теперь она боится менее...

– Это единственное средство, сударь, – сказал Атар-Гюль. – В наших краях мы точно так же приучаем детей и жен ничего не бояться; я думаю... Да вот еще случай... если б вы воспользовались им, – сказал Атар-Гюль, в глазах коего блеснуло странное выражение, исчезнувшее быстро, подобно мысли, – но надобно ему отрезать голову, хотя он и околел... Предосторожность никогда не бывает излишнею...

– Добрый человек! – сказал Теодорик...

И он начал помогать черному отделять голову от туловища, чтобы невинная шутка была безвредна; наконец голова отпала.

– Хорошо, – бормотал про себя Атар-Гюль, – это самка...

– Пойдем же, – сказал Теодорик, – пойдем скорее, чтобы нас не заметили... неси змея, Атар-Гюль, и ступай за мною...

Жилище было очень близко. Теодорик шел вперед, а черный, держа змея за хвост, тащил его, опустив наземь, по лугу, отчего образовался легкий кровавый след, под тяжестью мертвого гада.

Они пришли...

Дом Виля, как и все жилища колонистов, имел два этажа: верхний и нижний.

В нижнем находились комнаты господина и госпожи Виль и Дженни.

Двойные сторы и жалюзи защищали их от палящего жара тропического солнца.

Теодорик подошел на цыпочках и приподнял угол жалюзи, ибо сторы были вполтину открыты...

Дженни не было в своей комнате – она, вероятно, молилась с матерью...

Тогда он, подняв занавески, шагнул на окно и взял пресмыкающегося из рук Атар-Гюля, который для большей предосторожности хотел отшибить ему шею об доску, поддерживающую раму окна.

Потом, спрятав змея, которого яркие цвета от смерти уже померкли, под столик, опустил жалюзи и сторы на свое место и удалился.

Когда он оборотился к Атар-Гюлю, следовавшему за всеми его движениями с особенным вниманием... вдруг кто-то сильно схватил его за руку...

– А! я поймал вас, господин обольститель, – произнес сильный голос с громким хохотом... то был сам колонист...

– Тише, господин Виль, тише! – сказал Теодорик, – Дженни услышит...

– Что... господин влюбленный?

– Я теперь делаю то, что вы делали несколько раз, чтобы исцелить ее от этого несчастного страха...

– В самом деле... змеей!.. О, славная шутка! Посмеемся ж мы... но ведь нет никакой опасности...

– Голова отрезана... и раздроблена в двух местах... господин Виль...

– Я совершенно спокоен, мой друг... Пойдем, спрячемся за дверь ее комнаты, подержим покрепче, и пусть она кричит... – сказал старик, стараясь идти как можно тише, чтобы добратся до галереи, в которую вела одна дверь из комнаты Дженни...

А другая вела к ее матери...

И едва дыша, придерживая ручку замка, они весело перемигивались и дожидались...

Атар-Гюль, уходя, улыбался более обыкновенного.

У Дженни была прекрасная комнатка!

В ней во всем заметна была материнская нежность; любовь до обожания, внушаемая сею прекрасною и кроткою девицею отцу и матери, являлась всюду, даже в малейших безделицах: это жилище походило, можно сказать, на жилище *избалованного дитя*.

По обыкновению, стены были без обоев, но штукатурка, покрывавшая их, была так чиста, глад-

ка и блестяща, что легко было можно почесть ее за паросский мрамор...

В углублении стояла небольшая кровать из лимонного дерева, чистая, девственная, закрытая прозрачным занавесом, поддерживаемым четырьмя столбиками из шлифованной меди.

Далее, кругом всей комнаты, расставлены были ящики красного дерева, довольно глубокие, на бронзовых ножках, наполненные множеством тех прелестных камелий без запаха, которые без вреда можно держать около себя ночью...

Наконец, хорошенькие стульчики, сплетенные из драгоценной древесной коры, стояли на циновке из тончайшего тростника самых ярких и блестящих красок, испестривших ее, подобно цветнику.

Свет дневной едва проникал сквозь жалюзи, занавески и шелковые сторы... Но окно было полуотворено, по причине жара.

Повсюду разливался какой-то сладостный, благовонный запах, дышащий девственностью; повсюду выражалась невинность, восхищающая душу.

Эта небольшая постель, белая, чистая, эти гладкие стены и пестреющие цветы, эта сладостная мрачность, эта безмолвная арфа, праздничные платья, всюду разбросанные, маленькое зеркальце, распятие, ленты и освященные пасхальные ветви – одним словом, все эти безделки, столь драгоценные для молодой девушки, – всё показывало жизнь счастливую, невинную, исполненную любви...

Дверь отворилась, и вошла Дженни.

Мать шла с нею, обвивши нежно руку около гибкой и прелестной талии своей дочери, которая склонила голову на грудь матери...

– Поди ляг опять, – сказала госпожа Виль, – мы помолились, теперь еще рано, у тебя глаза такие сонные... я уверена, что ты дурно спала...

Она посадила дочь на постель и села возле ней...

– Это правда, маменька, я мало спала... знаешь ли... счастье не дает уснуть... я его так люблю... он так ласков с тобою, с батюшкой... мой Теодорик, – сказала молодая девушка чистым, среброзвучным голосом, целуя седые волосы своей матери, и, улыбаясь, спутывала их с большими локонами своих белокурых волос.

– Перестань, Дженни, ты мне совсем растрепала голову...

– Послушай, маменька, отдай мне свои волосы, а себе возьми мои...

– О шалунья... вот я тебя... – сказала добрая мать, трепля тихонько по прелестным белым плечам Дженни.

– Да, маменька, тогда бы ты была молода... а я стара... и я умерла бы прежде тебя...

И обеими руками обняла она мать свою, которая отвернулась, чтобы скрыть слезы нежности, катившиеся из глаз ее...

– Ах, маменька... ты плачешь... Боже мой, Боже мой, не огорчила ли я тебя!..

И Дженни с умоляющими глазами, протянув руки, смотрела с тоскою на мать.

– Милое, милое дитя... – бормотала госпожа Виль, осыпая дочь теми материнскими поцелуями, на которые смотрят с такою завистью лишенные матерей!..

Успокоившись от волнения, госпожа Виль удалилась, приказав своей дочери уснуть еще немного...

– Я сплю, маменька, – отвечала она, прилегши на постель, и тотчас зажмурила свои прекрасные глазки; но коварная улыбка, показавшаяся на губах, обнаруживала обман.

Дверь за матерью затворилась...

Тогда Дженни открыла один любопытный глаз, потом другой, подняла свою миленькую головку... приподнялась сама... послушала... устремив большие глаза, как молодая лань в засаде... и, ничего не слыша... одним прыжком очутилась подле небольшого туалета.

Оттуда она достала ленты, цветы, газ... и, напевая вполголоса любимую песенку Теодорика, начала причесываться по его вкусу.

– Посмотрим, – сказала она, – мне надобно нынче принарядиться; а завтра... о, завтра!.. Какой восхитительный день... какое счастье... Однако сердце у меня сильно бьется, когда я об этом думаю, конечно, не от страха... нет... я не думаю... О мой Теодорик! пристало ли это ко мне, скажи?..

И она подошла так близко, так близко к маленькому зеркалу, чтобы посмотреть, пристали ли ей цветы и понравится ли газ ее возлюбленному, что ее чистое дыхание помрачило легким паром блестящую поверхность стекла...

Тогда, поведши белым нежным пальчиком по этой влаге, она в мечтании, с улыбкою начертала имя своего Теодорика...

Легкий шорох, послышавшийся у окна, заставил ее вздрогнуть... она быстро обернулась... в смущении боясь, чтоб не застали ее в тайных ее занятиях...

Но вдруг губы ее побледнели... она быстро протянула руки вперед... хотела встать... и не могла...

Снова упала она на стул в мучительном трепете...

Несчастливая увидела отвратительную голову ужасного змея, который пробирался сквозь жалюзи и занавески, отворотил сторы и вполз...

С минуту он скрывался в ящике с цветами, поставленными на окне.

Мгновенная засада ужасного пресмыкающегося, казалось, возвратила силы Дженни; она бросилась к двери, ведущей в галерею, прижалась, стараясь отворить ее и крича: «Помогите! маменька!.. помогите!.. змей!..»

Невозможно...

Отец, мать и ее возлюбленный держали дверь снаружи, и Дженни услышала веселый голос доброго Виля... он говорил ей:

– Да, кричи больше, кричи! это научит тебя <не> бояться... глупенькая... он тебя не съест... будь рассудительна... Боже мой! ты точно как ребенок!

– Заметь, Дженни, – сказала мать, – исцелившись от страха один раз, не будешь бояться никогда... Ну же, будь умна...

И даже Теодорик прибавил:

– Это я, моя Дженни, это я всё наделал; ты должна подарить меня за труды добрым поцелуем! Это для твоего же блага, ангел моей жизни...

Они думали, что Дженни кричит о мертвом змее, которого положили к ней, дабы *приучить* бедное дитя, как они говорили...

Дженни испустила отчаянный вопль и упала к порогу двери...

Змей выполз из ящика; хвост его был еще в цветах, но полуоткрытая пасть, испуская пену, зияла уже на Дженни...

Он приблизился... и, нашед свою самку мертвою... истерзанною... под маленьким столиком... испустил продолжительное глухое шипение.

Потом с невероятною быстротою обвился около ног, тела и плеч Дженни, упавшей в обморок...

Клейкая и холодная шея пресмыкающегося облегла грудь юной девицы.

И там, перегнувшись еще раз, он уязвил ее прямо в горло...

Несчастная, пришедши в себя от жестокой раны, открыла глаза – и ей представилась пестрая, окровавленная голова змея... и глаза, сверкающие злобою...

– Маменька... о маменька!.. – кричала она слабым, умирающим голосом...

На сей смертельный, судорожный, хриплый, прерывающийся крик отвечал легкий хохот...

Тут показалась ужасная голова Атар-Гюля, который приподнял угол сторы, точно так же как змей. Черный смеялся!!

Дженни не кричала более... она умерла.

– Отворим... отворим теперь... слишком продолжительный страх может быть вреден... – сказал добрый Виль, уступая просьбам Теодорика и жены.

Он хотел отворить...

Но не мог... тело его дочери препятствовало... Он сильно толкнул дверь – и сердце его облилось кровью... Он бросился в комнату с женою и Теодориком – все в мучительном волнении...

Они нашли дочь свою... мертвою...

При входе их змей скрылся в окно.

¹ Еще в 1822 году существовала на всех Антильских островах, принадлежащих французам и англичанам, секта отравителей; этот род тайного судилища, состоявшего из беглых негров, сходился в назначенное время в неприступные убежища, известные только тамошним невольникам. Туда каждый черный приносил свои жалобы, объяснял причины своего мщения и, произнеся требуемую клятву, получал яд, в котором имел нужду, для от-

равления скота или белых людей. Последние отравители казнены в Гваделупе в 1823 году. Ужасные подробности, изложенные ниже, частью извлечены из судебных бумаг, разысканий и обвинительных актов, хранящихся в архивах острова Св. Петра (*Мартиники*). (*Примечание Э. Сю*).

² Американское растение (*примечание Гончарова*).

³ Род морского орла (*примечание Э. Сю*).

ПАМЯТИ И.А. ГОНЧАРОВА

Единый урок прошел
в городских библиотеках и школах

27 сентября 2022 года исполнился 131 год со дня смерти великого писателя, уроженца Симбирска Ивана Александровича Гончарова.

Единый День памяти И.А. Гончарова проводится в центральной городской библиотеке имени И.А. Гончарова на протяжении 10 лет и стал уже традиционным. В этом году к памятным мероприятиям присоединились библиотеки и школы города. Ключевая цель, которую ставят перед собой организаторы, – популяризовать творчество писателя среди учащейся молодёжи, сформировать чувство гордости за наш Симбирск-Ульяновск.

Сотрудники ЦГСБ им. И.А. Гончарова провели квест-игру «Вслед за фрегатом «Паллада» для учащихся 4 «А» класса (классный руководитель – Лёвушкина С.С.) лицея №40 при УлГУ, а также для восьмых классов средней общеобразовательной школы №46 им. И.С. Полбина. Кроме того, каждый желающий смог познакомиться с книгами Ивана Александровича Гончарова и работами о его творчестве.

Детская библиотека №11 провела единый урок памяти для учеников 4 «Б» класса средней школы №62, на котором ребята познакомились с биографией писателя и с рабочей тетрадью «Путешествие фрегата «Паллада».

Специализированная библиотека №6 имени Д.А. Гранина провела краеведческий час о творчестве писателя для десятых и одиннадцатых классов средней школы №48 им. Героя России Д.С. Кожемякина.

Библиотека №34 организовала для своих читателей обзор книжной выставки «Писатель нашего края – И.А. Гончаров».

Специализированная библиотека №15 имени Н.Н. Благова познакомила с жизнью И.А. Гончарова учащихся средней школы №47 им. И.Я. Яковлева.

Книги Ивана Александровича Гончарова занимают достойное место в библиотеках города. Новые читатели открывают для себя мир творчества писателя-классика.

ГОНЧАРОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

К 131-й годовщине со дня кончины писателя

Ворота Спасского женского монастыря

Дни памяти Ивана Александровича Гончарова (18.06.1812–27.09.1891) проходят в Ульяновске с 1990 года в канун годовщины со дня смерти романиста.

23 сентября 2022 года в храме во имя святых царственных страстотерпцев Спасского женского монастыря иерей Владимир (Коблов) совершил панихиду по великому русскому писателю, православному христианину Ивану Гончарову.

Панихида в храме

Участники панихиды у входа в храм

На панихиде присутствовали сотрудники музеев, библиотек, университета активного долголетия, горожане – почитатели творчества писателя-классика. В благоговейной тишине звучали слова молитвенного прошения: «Помяни, Господи, душу раба Твоего». И действительно, земляки с благодарностью вспоминают Ивана Александровича Гончарова и поминают его накануне Дня памяти, который совпадает с большим праздником Воздвижения.

27 сентября отмечалась 131-я годовщина со дня смерти писателя. В этот день в Симбирске-Ульяновске прошли торжественные памятные мероприятия.

В сквере на улице Гончарова состоялась церемония возложения цветов к памятнику писателя. Продолжился День памяти романиста в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова. Почетным гостем мероприятия стал профессор, член Союза писателей России, лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова, лауреат премии «Просветитель года» (2021) всероссийского общества «Знание» Иван Владимирович Пырклов, представивший онлайн-лекцию «Золотая сказка Обломовки». Иван Владимирович в своем необыкновенно поэтичном выступлении рассказал о многогранной личности великого

Участники возложения цветов к памятнику И.А. Гончарову

симбирянина (писателя, цензора, путешественника, просветителя, гуманиста) и «золотой рамке жизни» его самого известного литературного героя – Обломова.

Встречу вела заведующая сектором культурно-просветительской деятельности музея Светлана Михайловна Шаймарданова.

Учёный секретарь Дворца книги Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Николаевна Даранова представила видео-презентацию «Роман и жизнь. По страницам книг, посвящённых жизни и творчеству И.А. Гончарова». Лектор рассказала о книгах, раскрывающих многогранность творчества писателя, среди них – двуязычное издание Ивана Александровича Гончарова «Три повести», «Милльон терзаний» Ивана Александровича Гончарова – биография, написанная французским писателем Анри Труайя, публицистика – «Мастер русского романа. И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья» (неизданные архивные материалы о Гончарове по материалам РГАЛИ), монографии известных лите-

ратуроведов Петра Алексея, Владимира Мельника, Валентина Недзвецкого, Владимира Холкина, сборник мемуаров «И.А. Гончаров в воспоминаниях современников», каталог библиотеки И.А. Гончарова

«И.А. Гончаров. Дар в Симбирскую Карамзинскую общественную библиотеку», сборник документов и материалов из фондов ГАУО «Родина И.А. Гончарова: к 200-летию со дня рождения писателя».

Продолжило вечер выступление старшего научного сотрудника отдела научно-фондовой работы Ульяновского

Ольга Даранова

областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова Смирновой Ирины Вениаминовны «Творец Обломова, бабушки и Веры не забудется и будет вечно читаться» (В.В. Розанов. К 25-летию кончины

Участники встречи. Музей Гончарова

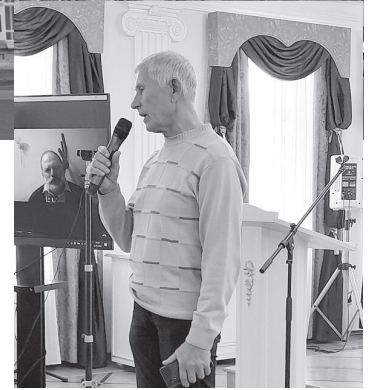
Татьяна Шатунова

И.А. Гончарова). Ирина Вениаминовна поделилась воспоминаниями литературного критика, публициста и писателя В.В. Розанова.

О публикациях, посвященных жизни и творчеству великого писателя на страницах литературного журнала «Симбирскъ», рассказала поэт, член Союза писателей России, главный редактор литературного журнала «Симбирскъ» Елена Викторовна Кувшиникова. Свои стихотворные посвящения И.А. Гончарову прочли Виктор Малахов, Галина Анисимова, Раиса Рябова.

Завершился вечер музыкой Бетховена (Соната ре минор) в исполнении Татьяны Леонидовны Шатуновой.

*Подготовила мл. научный сотрудник
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова Лейсан Фиргалиева.*

Виктор Малахов

Галина Анисимова

Ольга ДАРАНОВА, руководитель Ульяновской региональной организации Союза писателей России, учёный секретарь Дворца книги, Заслуженный работник культуры Ульяновской области.

ИНАЯ ИСТОРИЯ

* * *

Когда под вечер остаюсь одна,
 Когда мой дом в дремоте замирает,
 Тут начинается история иная,
 Которая при свете не видна.
 Из старых книг, из выцветших страниц
 Их блёклые проступят очертанья,
 Их силуэты, лики, изваянья
 Перешагнут отмеренность границ.
 Впускаю вас, кумиры прошлых лет!
 Вас, книжные попутчики немые!
 Вы мне вернёте времена иные,
 Пока ресницы не смежит рассвет...

ПАСТЕРНАК

Вечерняя

Что читали тебе в детской
 Зимнею порой?
 И в какой стране немецкой
 Бродит твой герой?

За окном венецианским
 Русский снег стеной...
 И цыганский хор с шампанским
 В тройке удалой.

День и ночь – двойная сладость!
 Мир ещё без бед.
 Ещё нежна твоя младость –
 Лишь двенадцать лет.

Бой часов в столовой слышен,
 Зимний сон глубок...
 За окном на снежной крыше
 Дремлет голубок.

Нянька спит. Клубок запнулся
 За громоздкий стул.
 Свет звезды ночной коснулся
 Твоих тёмных скул.

Как недобро и сурово
 Смотрят звёзды в дом!
 Полонят зимы оковы
 Льдом и серебром.

Но растопят Божьи очи
 Эту мглу и льды.
 И прольётся хаос ночи
 Золотом Звезды.

БУНИН

Холодный взгляд, тугой воротничок.
 В вас русского не вытравить азарта.
 Вам не заменят площади Монмартра
 Орловщины живительный исток.
 Старинный Грасс. На вилле Бельведер
 Так не хватало русского пейзажа...
 В золе картошки... Здесь чужие даже
 Закаты за безмолвием портьер...
 Вам помнится усадьба, отчий дом,
 Громада комнат, окна с витражами
 И утром бликов солнечных дрожанье
 В пролёте лестниц. Пахло чабрецом,
 Скрипела антресоль, и целый век
 Уснул на истончившемся паркете.
 В шкафу стояли книги, спали дети,
 И дня минувшего оправданным был бег.
 Чужое солнце не заменит жар
 Родной земли, её ночей июльских
 И страсти русской трепетанья пульса...
 Любовь в России – солнечный удар.
 Судьба строга была и осудить
 На вечное изгнание решила.
 Но где бы ни была ваша могила,
 В России сердце вечно будет жить.
 Я вижу ваших скул худой излом
 И подстаканника серебряного сферу...
 И до слезы отчаянную веру
 В Отчизну, обречённую на слом.
 России вашей больше нет. Пенять
 Бессмысленно на узость лбов и нравы.
 Но как вы были бесконечно правы,
 Что умерли, чтоб чести не ронять.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

В тишине тоскливой, мёртвой
 Бьётся бабочка в окно.
 На столе локтями стёрто
 Тёмно-красное сукно.

Для чего сегодня вновь я
 Вжат в тугой воротничок?
 То ли пролитого кофия,
 То ли крови родничок?

Взгляд унылый сквозь полмира
 На другие берега,
 Где рассветная порфира
 Императорски строга.

Где ещё цела усадьба,
 Мрамор лестниц не разбит,
 Где, как после шумной свадьбы,
 Моё сердце сладко спит.

Здесь же, в комнате-шкатулке
Тихо, глухо и темно.
А в России переулки
Кружат, как веретено.

А в России снег глубокий,
Святки, музыка, коньки!
От полозьев снег широкий,
Да шальные ямщики!

Серебра метель накатит
На бобровый воротник...
Помолчи, душа, ну хватит,
Я к французскому привык!

К марципановому чаю,
К безразличию в глазах...
Я не плачу, не скучаю,
Я давно здесь просто прах.

Прогуляемся вдоль Сены,
А представим, что – Невы.
...Так вот и вскрывают вены
Те, кто жить обречены.

МАЯКОВСКИЙ

Всего и надо – застрелиться,
Чтоб во весь голос зазвучало,
То, что любило и страдало,
И чему воздано сторицей.
Последний выход на эстраду
Был оглушителен и вняттен,
Но вновь добавил белых пятен
В его судьбу без сна и лада.
Бильярдный шар влетает в лузу,
Прицельным кием послан точно.
Возьмите жизнь – не троньте музу!
Её вы взять не правомочны.
Дымится яростное дуло,
Не на груди – на жизни точка.
И с шеи бабочка вспорхнула
На недописанную строчку.
Все выжили, кому эпоха
Позволила собой гордиться,
А тот, кто твёрдо знал, что плохо,
Обязан был в ней застрелиться.
А бронзовый стал всем угоден.
«На Маяка равняйтесь в марше!»
...Тебе за тридцать лишь, Володя,
Ты никогда не станешь старше.
И по сей день хватает рвения
Постичь поэтово распятье,
Но скрыто таинство боренья
Души и времени проклятья.

ЕСЕНИН

Я сегодня не пойду к отрадочке,
День прощённый, чистый, воскресение.
... Помнишь, мама, в голубой тетрадке
Я писал тебе стихотворение?

Ты на руку приклонила голову,
А в глазах – вся жизнь моя беспутная.
За окошком ворковали голуби,
Тишь стояла хлебная, уютная.

Закружила жизнь, зажгла, стреножила,
На скаку разбилася головушка.
Я любил, а ты меня итожила,
Жизнь моя, перо макая в кровушку.

Я любил с размаху, власть, до донышка
Русскую берёзку, мать и милую!
Золотом волос примерясь к солнышку,
Исцелясь строк звенящих силою.

Шляться бы по роще да по просини,
Край любимый спеленать объятием!
Да лицом зарыться в ворох осени
И доверить тайное Распятию...

Разметались васильки по скатерти...
«Молока бы, мама, как спасения...».
Тело – в роскоши, душа – на паперти.
Помолитесь, люди, за Есенина!

ЛУГОВСКОЙ

Крымская соната

Остролистник в зелёной вазе.
Сонно, тихо, тепло кругом.
Чайник дремлет на керогазе,
Новогодье приходит в дом.

Из седой перекопской дали
Ты придёшь, подойдёшь к крыльцу.
Мы так долго тебя ожидали,
Как улыбка тебе к лицу!

Мы устроим в гостиной ёлку,
Будем долго её украшать,
Ты любил, чтоб дамасским шёлком
Была схвачена её статья.

Эта ёлка при лунном свете!
Как любил ты её приход!
Сядут вокруг старики и дети,
И наступит счастливый год.

Из картонной коробки свечи
Очень бережно достаёшь,
О луне с перекопской сечи
Песню давнюю запоёшь.

Щедра ночь в Ливадийском парке!
Здесь валежник хранит твой шаг.
В поднебесье скалистой аркой
Взмыл любимый твой Чатыр-Даг.

Жгут костры на крутом перевале,
Искры тают в седой золе.
И покойно, как в чаше Грааля,
Твоё сердце в крымской скале.

ТАГОР

Твоё имя как камнепад,
Дрожь вселенной, гуденье скал.
Твоё имя – зрелый гранат,
Соком брызнув, о землю пал.
Виноградная гроздь и кровь
На челе от колючих роз.
Твоё имя – сама Любовь,
Что отдал и с собой унёс.
Твоё имя – на небесах...
Горный ветер в нём и роса,
Твоё имя – крыла размах,
Хвойный дух, что хранят леса.
Твоё имя – вечерний хор,
Ослепляющих звёзд каскад...
Белогривый мудрец – Тагор,
Память мира – Рабиндранат.

БРОДСКИЙ

Кури и говори,
пророчествуй и мучай!
Учи страдать и жить
и жизнь любить с лица.
Учи в пучине дней
искать тот самый случай,
Который маяком
засветит до конца.

Учи, когда живу
уже почти на грани
Неверного пути,
горячих слов и дум.
Навстречу выйди мне
из петербургской рани,
Истерзанный стихом,
насмешлив и угрюм.

И холодом в глазах,
и дерзостью поэта,
Иглой карандаша
меня не пощади,
Но дай счастливый шанс,
как нищему монету,
И долго ещё в ночь
один не уходи.

Мы вспомним город твой
с глазами тёмных окон,
С пометами войны
и благородством черт
Нырнём в былое, как
в тумана белый кокон,
И разорённый мир
поставим на мольберт.

И дорисуем то,
что скрыто за пилястрой,
Чья бронзовая плоть
живее многих душ,
И круглый стол в саду,
и в белой вазе астры,
И музыку любви,
и поцелуев сушь.

Мы будем веселы,
смешны и беззаботны,
И улицей пройдем
до солнца, до конца.
Мы вспомним всех друзей
и преданных животных,
С кем суждено пройти
до смертного венца.

Мы будем петь стихи,
на вечность уповая,
Впечатывая шаг
в хребет минувших лет.
И не расслышу я
за грохотом трамвая
На мой вопрос тобой
подсказанный ответ.

Вдоль каменной Невы
по мокрому проспекту
пойдем, слагая стих
и радуясь дождю.
Мне кажется, что здесь,
со мною целый век ты.
Уходишь?... Уходи.
До встречи. Подожду.

АРХИВ

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал».*

ОТЕЦ И СЫН ПРЕМИРОВЫ В ЖЕРНОВАХ ВРЕМЕНИ

Снова и снова обращаясь к архиву Дмитрия Ивановича Архангельского, не перестаёшь удивляться неисчерпаемости научного и информационного потенциала этой золотой кладовой музейного собрания Ленинского мемориала.

Большой интерес представляют материалы о творческих людях, с которыми художника сводила судьба. Среди них – очерк Д.И. Архангельского, озаглавленный «Премиров Лев Михайлович».

«Родился в 1912 г. в г. Дерпте [по другим источникам – в Саратове. – В.К.]. Некоторое время семья Премировых проводит в Казани, а затем, до 1924 г. – в Орске.

С этого времени Премировы поселяются в Ульяновске. Отец художника устраивается преподавателем естествознания в 4-й и 7-й школах II ступени. Он знает иностранные языки, переводит. В прошлом – писатель. Лев учится в 4-й школе II ступени. Оканчивает её в 1929 г. и поступает в Пензенский художественный педагогический техникум. Тяжёлые условия жизни: несвоевременная выплата стипендии и болезненность – заставили его вернуться домой. В 1930 г. он оканчивает чертёжные курсы при Чувашском педагогическом техникуме.

С творчеством художника автору пришлось встретиться ещё в 1927 году, когда Михаил Львович (отец художника) принёс в школу, где мы с ним работали,

рисунки сына, чтобы показать мне. Рисунки были детские, но сделанные очень своеобразно. Тогда мне ещё пришло в голову: что-то выйдет из мальчика, как выявится его лицо?

Самого автора рисунков в тот раз мне увидеть не удалось. Вскоре Премиров-отец оставил нашу школу. Потом, уже в 1931 году, одним зимним вечером явились ко мне двое ребят. Один – бывший мой ученик, поэт и мечтатель, другой – неизвестный мне. Этот последний – высокий и хмурый молодой человек зорко и исподлобья смотрел на меня. Между бровей – две резких складки. Глаза тёмные и лучистые. Вася (поэт) сказал, кто его спутник и зачем они пришли. Им хотелось показать мне работы Льва Премирова (2-й посетитель). Рисунки были такие: «Море» и «Зима» (графика), сюита «Адам и Ева» (карандаш и акварель), 8 листов – беспредметная композиция, лист «Настоящее и будущее» (графика) и несколько работ с сюжетами декоративного характера.

Все работы молодого художника отличались музыкальной чёткостью рисунка. Композиция каждой вещи – продуманностью и убедительностью, другого определения не подберёшь. Его сюита «Адам и Ева» построена так, что вызывает представление о только что оформившемся и организованном хаосе природы. Тучная земля прорастает и украшается могучей растительностью, гигантскими цветами и массивными плодами. По холмам, на фоне невиданных роц, режутся олени, идут стада мамонтов или рычат чудовищные львы и тигры (см. лист «Изгнание и рая»).

Столообразная фигура Бога, вросшего в землю и пропавшего головой в облаках, с плетью в руке и человека, в ужасе валяющегося у ног созданного им же самим Бога, являются символом и ярким рассказом о трагедии доисторического человека, поработившего силами природы и его необузданной фантазией. От картины-сюиты веет тысячелетиями, эпохой мамонтов.

Тема «Адам и Ева» расшифровывается как первые и опасные житейские опыты первобытных людей. «Изгнание» характеризует трудные моменты человечества, передвигавшегося с одного места на другое, гонимого природными условиями. Сюита эта просится на стены музея истории Земли.

Но мне тогда же захотелось сюите первобытного мира противопоставить сюиту «Машины». На фоне машин и фабрик – победитель человек. Силы природы, заключённые в машину, сжатые, скопленные и распределённые волей человека, раскрепостили его воображение.

Об этом я и сказал ребятам. Художник с горячностью ухватился за тему. Мы долго беседовали по этому поводу. И через декаду у меня на столе лежали листы новой сюиты нашего Сегодня и Машины. Премиров предпослал своим рисункам такое введение: «Индустриальная тема требует выработки особого

Премиров
Михаил Львович (1878–1935)

стиля. Последний лежит в предельной насыщенности композиции содержанием, использовании каждого клочка графической плоскости. Это – первое. Второе – дать впечатление движения. Третье – передать тяжесть металла. Достигается это чернотой композиции. Композиции дают максимум содержания при минимуме средств, берётся типическое каждой машины: вместо паровоза – колёса, вместо паровой машины – поршни и т. д.

Стремясь дать широкую картину с предельной краткостью, я не даю вида определённого места, но только сборную композицию. Эта форма диктуется тем, что серия входит в состав ещё большей: «Настоящее и грядущее», которая намечается в размере 60 композиций. Данная серия включает семь рисунков: 1. Горное дело. 2. Заводы. 3. Топки. 4. Двигатель. 5. Переда-

точные механизмы. 6. Обрабатывающая промышленность. 7. Средства сообщения».

Характеризуя внешнюю сторону мастерства и приёмов художника, необходимо снова отметить мудрую законченность композиций, какую-то полноту заполнения листа без неприятной перегруженности. Каждой подробности дана мысль и назначение. Даже отсутствие, например, анатомической правильности в фигурах трактуется как некоторый символизм и поэтому ни на минуту не является досадного чувства, как это бывает от плохо нарисованной вещи. Здесь чувство художника, мастерство и насыщенность вещи содержанием побеждают недостатки.

А, главное, чувствуешь в его листах силу и возможности молодости. Художник ещё очень молод. Видишь, как он с лёгкостью и жаром борется с трудностями, как он хочет и может творить. Ещё подробность: художник свои композиции строит или на оси, или на сильном пятне. Форма его листов чаще всего – квадрат. Форма очень крепкая. Живопись ясная, яркая, с сильными ударами на некоторых цветах: по охристому фону – удар тёмно-коричневым или красным и т. д.

Художник тоскует по натуре, ему хочется изучать анатомию. Это указывает на серьёзность намерений художника. Премиров умеет учиться и хочет учиться. Художник не избалован судьбой. Он живёт в нужде. Трудно, конечно, но будем надеяться, что закладка как инструмент будет только на пользу.

1931 год художник проводит в Ульяновске, выполняет кое-какие декоративные работы. Много читает. Увлекается физикой, радио, геологией. По радио обдумывает два изобретения и посылает их в Москву. По геологии выдвигает новую теорию, посылает в Московский геологический институт. Получает возможность учиться по геологии и энергетике. Преодолеват все провинциальные прелести хлопот по командировке в Москву и едет туда учиться. Дальше ряд неудач в Москве, и мы видим Премирова в художественном техникуме ИЗОГИЗа в той же Москве.

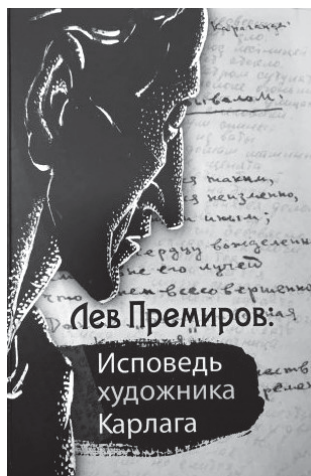
Техникум не имеет общежития (учащиеся – москвичи), и поэтому художнику приходится туго».

На этом очерк обрывается. К нему приложены работы юного художника и фотография Льва Премирова, датированная 1931 годом.

Выявляя дополнительную информацию из разных источников, не могла предположить, насколько драматичными оказались судьбы отца и сына Премировых.

В пятом томе фундаментального издания «Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь», вышедшем в 2007 году помещена статья О.Е. Блинкиной о Михаиле Львовиче Премирове, которая заканчивается сведениями о том, что в апреле 1935 года он и его сын Лев, в то время студент Московского художественного техникума, были приговорены к 6 годам лагерей и реабилитированы в 1969 году.

В Книге Памяти жертв политических репрессий (т. 1. Ульяновск. 1996. С. 104), на которую ссылается О. Блинкина указывается, что сведений об их дальнейшей судьбе нет.

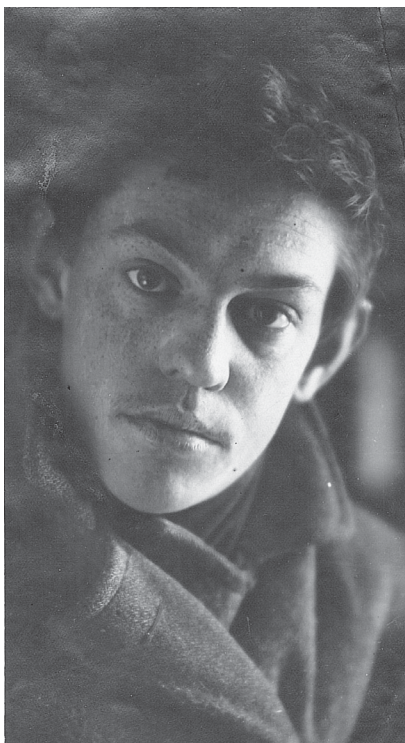

Исповедь художника Карлага

В 2019 году в Алматы Академией «Болашак» при поддержке Ассамблеи народа Казахстана была издана книга Льва Премирова «Исповедь художника Карлага». Её составитель – доктор юридических наук, профессор Н.О. Дулатбеков, руководитель проекта «Карлаг: память во имя будущего», над которым уже много лет работает команда учёных.

В сборнике объёмом в 512 страниц опубликованы дневники, стихи, проза, художественные зарисовки, философские рассуждения Льва Михайловича Премирова. Эта книга является наиболее полным собранием его творческого наследия, раскрывает его биографию и историю его семьи.

«Тот, кто ищет в моих записках последовательность, разочаруется. Но я не крою из своей жизни модный костюм, я пишу свободно, я вспоминаю, я думаю, мечтаю, я спорю с собой. Я не забочусь о постройке изящного мавзолея, которому поклоняются потомки, я хочу жить среди них как современник. Всюду жизнь, и вспоминая годы тюрьмы и лагерей, вспоминая безрадостное детство и трудную юность, я теряюсь перед огромностью оставшегося в памяти, хотя это лишь малая часть пережитого, хранящегося за порогом сознания. Нет смысла в последовательном описании всей массы фактов, я

Лев Премиров. 1931

следую не за временем, а за притворным движением своих мыслей. <...> Я хочу создать не мемуары, а свой автопортрет, хочу оставить будущему своё лицо, лицо современника, со всеми противоречивыми чертами, и говорю о других людях и внешних событиях, поскольку они касались меня и влияли на меня, не больше», – писал автор.

Большое место в книге отводится воспоминаниям об отце.

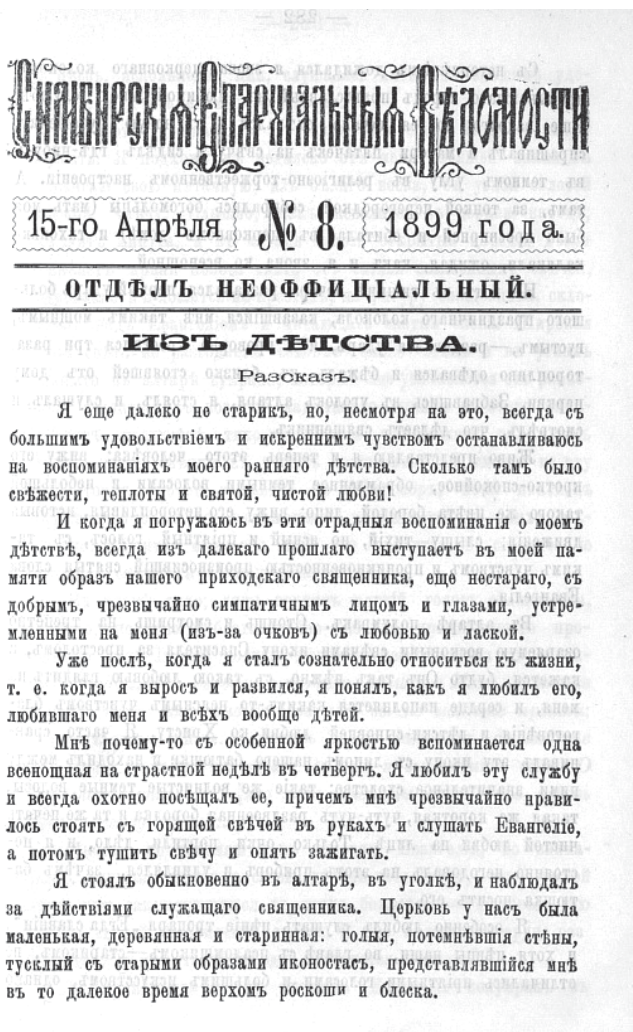
Михаил Львович Премиров родился 21 июля (2 августа) 1878 года в селе Ахматово Ардатовского уезда Симбирской губернии. Дед его был псаломщиком, отец Лев Иванович служил священником, мать Александра Ивановна, в девичестве Троицкая, была дочерью священника и исполняла обязанности просвирни при храме. Отец умер, когда мальчику было четыре года, оставив жену с пятью детьми. Семья жила в страшной нужде. К счастью, дети священнослужителей

имели право на бесплатное обучение в духовных заведениях. Сёстры окончили Симбирское епархиальное училище, а Михаил в 1890–1899 гг. обучался на казённый кошт сначала в Симбирском духовном училище, а затем в духовной семинарии. После окончания семинарии он некоторое время служил псаломщиком в церкви села Елаур Сенгилеевского уезда, затем учителем в двухклассной церковно-приходской школе в селе Петропавловском Самарского уезда. В 1901 году поступил на медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета, через год перевёлся на естественный факультет. Причиной ухода из университета в 1904 году послужило участие в студенческих волнениях и увлечении литературным творчеством. В отделе краеведения Дворца книги хранится восьмой номер «Симбирских епархиальных ведомостей» от 15 апреля 1899 года с рассказом «Из детства». Это был первый литературный опыт Михаила Премирова, подпавшего псевдонимом «А.М.».

Этот рассказ – маленькая новелла об иллюзиях подростка, заснувшего во время службы в церкви и увидевшего благостный сон.

Поселившись в 1905 году в Саратове, где жила сестра, Михаил Львович сотрудничает с местными газетами: публикует рассказы, рецензии, фельетоны, очерки на актуальные темы, ведёт судебную хронику.

В 1906–1914 гг. Премиров попеременно жил в Петербурге, Юрьеве, Казани, Симбирске. Печатался в журналах «Образование», «Русская мысль», «Юность России», «Современник», «Новый журнал для всех». В 1909 году в Петербургском издательстве «Общественная польза» вышла первая книга М.Л. Премирова «**Немые дали**» объёмом в 400 страниц, посвящённая в основном жизни городских низов.

Александр Блок в рецензии, написанной в октябре 1909 г. и опубликованной в газете «Речь», отмечал: «Читаешь незаметно, точно во сне, десятки страниц, увлекаясь истинной современной беспредметностью <...>. Серенький, серенький и милый мир, баюкающий тем, что, как ни гляди, не заметишь над ним самой бледной, самой неполноцветной радуги искусства». «Всё-таки, что-то в книге вынудило Блока прочесть её до конца, о чём он с удивлением сам признаётся, и заставило написать рецензию. Несмотря на незрелость рассказов, увлечение автора красотами и натурализмом, Блок почувствовал талантливость, особое настроение, свойственное каждому подлинному художнику», — отметил Лев Михайлович.

Позднее, вспоминая отца, Лев Михайлович Премиров писал: «Отец говорил, что в 1911–1912 годах он вошёл в среду столичных писателей и издателей, достигнув первой ступени на пути к популярности, но совершил роковую ошибку, женившись слишком рано, не успев закрепить достигнутое».

Рождение детей заставило искать твёрдого заработка. В 1914 году Михаил Львович завершил образование в Казанском университете и был направлен в захолустный городок Орск Оренбургской губернии, где до 1924 года преподавал естествознание в реальном училище и женской гимназии. По вечерам засиживался допоздна, сочиняя рассказы и даже романы.

В 1917 году ему удалось издать в Москве сборник «Кабак», объединивший рассказы из жизни сельских священников.

По словам В.В. Вересаева, высказанным в письме к автору, «рассказы из духовного быта ярки, талантливы и искренни». Примечательна запись Ивана Бунина в книге «Окаянные дни» от 23 марта 1918 года: «Кабак» Премирова – несомненный талант». «У автора видно литературное дарование», — отмечал В.Г. Короленко.

К сожалению, талантливая книга не была распродана, т. к. весь её тираж был конфискован, у Премирова осталось только несколько экземпляров. Цензуре не понравилось изображение жизни духовенства, его пьянства, разврата и скопидомства. А революция и вовсе внесла коррективы в творчество писателя. «Порвалась живая связь со средой, от которой зависела дальнейшая карьера писателя, исчезли личные контакты с издателями и критиками. Роман «Злая крепость» (джаман кала – так звали киргизы старый Орск), написанный по материалам орской жизни, принятый уже к публикации, не увидел света, журнал «Русское богатство» тихо скончался в 1917 году.

Отец боролся много лет, много писал, но после революции смог напечатать лишь две главы из романа «Счастливый остров» в журнале «Сибирские огни», издававшемся критиком Правдухиным. [Журнал «Сибирские огни» №3. Май – июнь 1923 – В.К.]

Рапповцы, командовавшие в двадцатых годах литературой, возвращали рукописи отцу, испещрённые дурацкими замечаниями, написанными на полях. Малограмотные, наглые, они в штыки встречали всякого писателя, печатавшегося до 17-го года. Повредило отцу и отношение к большевизму. Он был враг всякого насилия, контрреволюционного или революционного, всё равно. <...> Тяга к миру, ненависть к насилию и жестокости ясно сквозили в его произведениях.

Рапповцы нюхом чуяли враждебный дух, и труды отца с их дурацкими замечаниями продолжали аккуратно ему возвращаться.

В Орске Премировы пережили революцию, Гражданскую войну, голод, НЭП. Но ещё более тяжкие испытания ожидали семью в Ульяновске, куда они переехали в 1924 году.

Лев Михайлович вспоминал: «Дома часто не хватало хлеба, но всегда хватало книг, у отца был очень широкий круг интересов, он привил мне любознательность... <...> никогда не запрещал мне рыться в книгах, смотреть рисунки и читать.

<...> Я начал увлекаться рисованием с восьми лет. Помню, как скопировал цветными карандашами в тетрадь из простой тонкой бумаги, сшитую отцом, картины Левитана из монографии, хранившейся в шкафу. В школе участвовал в художественном кружке, мы устраивали выставки, завешивая стены класса множеством рисунков, карандашных и акварельных.

<...> 1927, 28, 29-й годы были годами моего напряжённого внутреннего роста. <...> Я много читал, рисовал, увлекался наукой и техникой, изобретал, философствовал.

Свои фантастические рисунки я дарил обычно художнику Архангельскому. [Выделено В.К.], чудесному старику [Дмитрию Ивановичу в это время было 42-44 года. – В.К.], страстному лекционеру и краеведу. Его небольшой дом был настоящим музеем народного искусства, начиная с мордовских пулаев, кончая деревянными резными оконными наличниками.

Архангельский любил коллекционировать работы знакомых художников, и начинающих, и опытных мастеров, у него был альбом с вклеенными прекрасными зарисовками бородатых мужиков и лошадей, подаренными художником Пластовым, Архангельский был его первым учителем. Старик-художник поражал меня свежестью и радостной сочностью своих акварелей, бесчисленных пейзажей Волги и её окрестностей. Художник прекрасно владел лаконичной техникой гравюры на линолеуме и даже не поленился награвировать серию моих урбанистических фантазий, названных «Индустриальной симфонией». Архангельский подарил мне на память несколько тоненьких книжечек – серий линогравюр, изображающих старый Симбирск. <...> Я помню хорошо сад и яблоки Архангельского. Когда я приносил ему новые рисунки, он отводил меня в сад, где я наедался до оскомины, затем спрашивал, принёс ли я мешок, и, нагрузив его апортом, отпущал домой, очень довольный оставленными мной акварелями и набросками.

В 1932 году Лев Премиров поступает в Московский художественный техникум при ОГИЗ. Позднее он вспоминал: «Директор, художник-педагог Матвеев, окончивший ещё до революции знаменитое московское училище живописи, ваяния и зодчества, сказал нам на первом уроке: «Не всякий из вас станет художником в подлинном значении этого слова, для этого нужен талант, никакая школа не создаёт таланты, и не в этом её цель. Цель школы – обучить вас мастерству. Работая серьёзно и много, мастером может стать любой, обладающий средними способностями». Матвеев учил нас упорно, придирчиво и строго, он был суров и требователен. <...> Я учился успешно, соревнуясь с товарищем по курсу Виктором Цыплаковым, художником, ставшим известным в сороковых годах плакатистом.

Самое главное для молодого художника – постоянный упорный труд. Если он упустит молодые годы, он никогда уже в дальнейшем не наверстает потерянные молодость и время успешного учения и роста; только в это время человек может сделать столько, сколько не делает потом за всю жизнь».

16 декабря 1934 года студент Премиров прямо на занятиях был арестован по доносу сокурсника и доставлен в Ульяновск. «Оказалось, что мои неудачные поездки, первая в Казань, вторая в Пензу с целью поступления в художественное училище, были попытками сколотить антисоветские группы, что я один из активных участников ульяновской конспиративной организации, что у нас был запас оружия для террористических актов, диверсий и восстаний. <...> Отца арестовали на месяц раньше меня в Ульяновске. При обыске отобрали письмо старого знакомого, бывшего видного эсера, который преподавал литературу в Пражском русском университете. <...> Письмо послужило поводом для обвинения отца и

всех нас в связях с международной буржуазией».

Лев Михайлович рассказывает о том, какими методами велось следствие с целью разоблачения грозных и опасных врагов.

23 апреля 1935 года отец и сын Премировы военным трибуналом ПриВО были осуждены за помощь международной буржуазии, направленной на свержение социалистического строя (ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР), к шести годам лагерей каждый. «Отец отбыл шестилетний срок в сельскохозяйственном лагере в Долинке [посёлок Долинка в 45 км от Караганды был центром Карагандинского исправительного трудового лагеря (Карлаг) – одного из крупнейших лагерей СССР, состоявших в системе ГУЛАГ НКВД. – В.К.]. Он писал мне, какие адские мучения перенёс во время этапа из тюрьмы в лагерь. Я был тогда молод и всё же навсегда запомнил невыносимую жажду, солёную воблу, изнуряющую жару и холод, зловоние, издевательство конвоя, бесконечные стоянки в станционных тупиках. Пожилой, с разрушенным здоровьем, отец перенёс всё это во много раз тяжелее. <...> Освободившись, он прислал мне маленькое фото, оставшееся, когда он снимался для паспорта. Я помнил отца с волосами и бородой в проседи, а на фото увидел белого, как лунь, старика с необычайно кроткими глазами. Это было лицо человека, окончательно примирившегося с судьбой, лицо «не от мира сего».

После освобождения Михаил Львович уехал в Удмуртию к племяннице, сельской учительнице, давшей ему кров и пищу. «Через три месяца после освобождения он умер от эмфиземы, почти мгновенно и без мучений. Кровь хлынула горлом, и он упал с табуретки, когда грелся на солнце около дома племянницы».

«В этих записках я ставлю памятники тем, кто их достоин, талантливым и добрым людям, чья жизнь не оставила видимого следа. Я обязан поставить такой памятник своему отцу, несправедливо забытому талантливому писателю, доброму человеку и мученику. Если не найдётся утерянный чемодан, полный рукописей, труд его жизни, и не будут опубликованы произведения, рассеянные в дореволюционных журналах, мои воспоминания должны хотя бы отчасти сохранить его образ!»

12 мая 1937 года Лев Премиров прибыл из Сиблага в Ухтижемлаг – Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь НКВД системы ГУЛАГ, существовавший на территории Коми АССР.

Пешком по тракту мы шагали.
По сторонам леса стояли.
Ждала нас впереди Ухта...
<...> Из семисот, что шли вначале,
С полсотни добрались едва ли...

Работал на сажевых заводах, асфальтовом руднике, в каменном карьере и др. Не раз находился на грани смерти. Среди заключённых было много художников, поэтов, артистов, писателей, скульпторов, для творчества которых заключение стало не только непрекращающимся страданием, но и мучительным источником вдохновения.

Для заключённых, изнурённых и растерзанных физически и духовно, творчество было единствен-

ным способом самовыражения, сохранения себя как личности.

Наряду с общими работами творческая интеллигенция привлекалась к работе в культурно-воспитательной части (КВЧ) лагеря.

Лев Михайлович вспоминал: «Школой для меня оказалась художественная мастерская в городе Ухте, где я работал и учился под руководством талантливого московского художника, прекрасного живописца и рисовальщика Николая Ивановича Михайлова».

Н.И. Михайлов, уроженец Симбирска (1898 г.р.), член АХР, член МОССХ с 1932 года, создавал картины на историко-революционные темы.

В декабре 1934 года он написал картину «Москва в Колонном зале Дома Союзов прощается с С.М. Кировым». У гроба Кирова был изображён И. Сталин, рядом – К. Ворошилов и другие вожди. Полотно поместили на выставку. И вдруг в складках знамени «разглядели» скелет. 27 января 1935 года Николай Михайлович был арестован и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей за контрреволюцию. Срок отбывал сначала в Воркуте, а затем в Ухте, где работал художником в театре. Он и привлёк Л. Премирова к исполнению декораций, сделав его своим помощником.

«В те годы в Ухтинском театре почти не было вольнонаёмных. Актёры, певцы, балерины, режиссёры и оркестр, плотники и электрики были заключёнными. Они жили на первом лагпункте и ходили на работу в город пешком, за шесть километров, вдоль реки Ухты.

Каждый месяц в театре ставилась новая премьера. За первый сезон сыграли пьесы Островского, Гольдони «Хозяйка гостиницы», Шиллера «Коварство и любовь», оперетты, несколько балетов, иногда даже целиком оперы», – вспоминал Л. Премиров.

Из артистов ему больше других запомнились Геликонская С.А. и Названов М.М. Певица Сусанна Александровна Геликонская, обладавшая прекрасным сильным меццо-сопрано, была восходящей звездой оперной студии театра Станиславского.

В 1935 году в премьерной постановке исполнила партию Кармен, а в 1937 году пела Кармен уже в лагерном театре. За «контрреволюционную агитацию» она была сослана на пять лет. Поражённая в правах, певица и после освобождения в 1942 году осталась на территории Коми, работала в концертной бригаде и в театре. В одну из поездок с агитбригадой борт грузовика открылся, и Геликонская, упав с машины, ударилась головой, получив сильное сотрясение мозга. Умерла в больнице сангородка 27 декабря 1946 года. Похоронена в Ухте на загородном кладбище.

«Хорошо запомнился актёр Названов, отсидевший в Ухтинском лагере 5 лет. Помню его блестящее исполнение роли Фердинанда в пьесе «Коварство и любовь», его режиссёрскую работу по постановке «Сильвы». Это был актёр широкого диапазона, настолько менявшийся от роли к роли внешне и внутренне, что даже мы, жившие с ним на одном лагпункте, часто его не узнавали. <...> Он попал в заключение молодым и за пять лет упорной работы вырос в большого актёра. <...> После войны началось его восхождение к славе».

Человек необыкновенно яркой судьбы Михаил Михайлович Названов прошёл тернистый путь от ГУЛАГа до всенародной известности.

В 1931 году в 17-летнем возрасте он стал актёром МХАТа и за три с половиной года сыграл пять ролей, стал для Станиславского тем перспективным учеником, от лица которого и даже под той же фамилией великий режиссёр решил изложить свою теорию в книге «Работа актёра над собой».

30 апреля 1935 года по доносу коллеги Названов был арестован и приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по статье 58-10 УК РСФСР. Срок отбывал в Ухте. Освободился в 1940 году. В марте 1944 года был реабилитирован и вернулся в Москву. Большая разносторонняя культура, драматический талант, музыкальность, исключительная работоспособность выдвинули Названова в число наиболее популярных артистов театра и кино.

Михаил Михайлович Названов – заслуженный артист РСФСР, лауреат трёх Государственных премий, кавалер ордена Знак Почёта ушёл из жизни 13 июля 1964 года. Супруга артиста по его завещанию развеяла прах мужа над морем в Крыму.

Лев Премиров был освобождён 16 декабря 1940 года, а уже в 1941 году его арестовали повторно за «клевету на советское правительство».

«Следствие тянулось 4 месяца. Я не отрицал, что высказывался против сталинского террора, говоря, что в условиях произвола демократия – пустой звук». Приговор был жестоким – высшая мера, т. е. расстрел.

«За 11 месяцев моего пребывания в тюрьме в ней пересидело не менее 400 человек, приговорённых к расстрелу. <...> Наш сон от голода и постоянного напряжения был очень чуток, мы часто просыпались и, пошептавшись, снова ненадолго забывались в дремоте».

Ему часто снилась мать, которая умерла в Ульяновске, когда он учился в Москве. «Отец рассказал, что смерть произошла от желудочной болезни. Я думаю, что болезнь развилась от хронического голода и тоски по мне. Она бесконечно меня любила, и эта любовь поглотила всю её жизнь в последние два года, когда я учился в Москве. Она ослепла в 1922 году, ничего не видела 11 лет, и за это время изменилась в корне... <...> стала кроткой, спокойной, глубоко верующей. Она непрерывно молилась за меня последние два года жизни. Она непоколебимо верила в Бога и молилась за своего сына, за своего Лёвочку. И её молитва стала нетленной. Лишь она спасала меня много лет от смерти».

На восьмидесятые сутки заключения надзиратель вывел Льва Михайловича «с вещами» из камеры смертников и доставил к начальнику тюрьмы, перед которым на столе лежали две бумаги, одна небольшая, другая в целый лист.

«Спросив фамилию, он взял маленькую бумагу и прочёл её вслух. Это был ответ на просьбу о помиловании. Просьба отклонялась, республиканский суд утвердил приговор. Я слушал и не чувствовал ничего, как будто всё происходило не со мной, а с кем-то посторонним. Начальник взял второй, большой бланк на хорошей бумаге и с печатным красивым заголовком. Это был ответ Верховного суда

Советского Союза. Не помню точно слов, помню, что решение суда признавалось правильным, но приведение приговора в исполнение считалось излишним и заменялось десятью годами лишения свободы с конфискацией имущества и пятью годами поражения прав. Бумага была подписана Калининым.

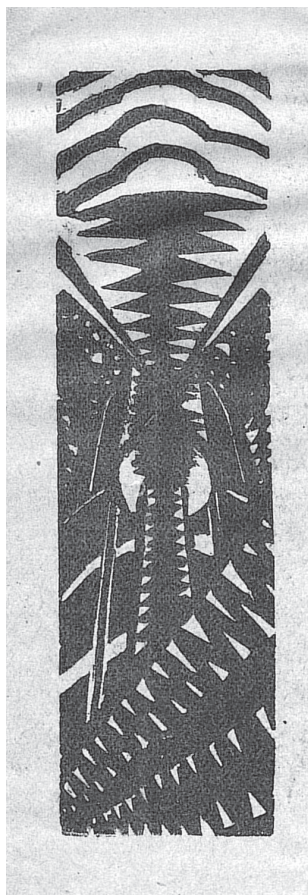
В том же состоянии ошеломления я опять волочил за собой узел с постелью и одеждой, снова передо мной открылась дверь, и я вошёл в большую камеру, переполненную людьми. Мы вышли из долины смерти и снова обрели отнятое у нас будущее. На меня снизошёл покой, но спать я не мог, да и не было места. Я сидел на своём узле, смотрел на светящееся небо сквозь решётки окна. Никогда в жизни я не испытывал такого глубокого душевного умиротворения, такой блаженной тишины, как в эти рассветные часы».

Вскоре Лев Михайлович был выслан в Балхашское отделение Карлага. Он вспоминает день, когда попал в лагерную парикмахерскую и в первый раз после ареста и тюрьмы увидел себя в зеркале: «Я увидел стриженую голову на тонкой шее, огромные бескровные уши и серую мёртвую кожу, живыми на этом лице трупа были одни глаза. Я заплакал от жалости к себе. Даже через год, уже оправившись от дистрофии, я не мог удержаться от слёз, вспоминая о пережитых муках».

После освобождения Лев Михайлович поселился в Караганде.

О встрече с Премировым рассказывает в своих мемуарах Юрий Герт – писатель и журналист, который в 1957 году переехал в Караганду и работал журналистом в газете «Комсомолец Караганды», а затем литературным консультантом в Карагандинском отделении Союза писателей Казахстана.

В книге «Семейный архив» он пишет: «Премиров жил в бараке рядом с нашей молодёжной редакцией и работал художником-рекламистом в кинотеатре. Он приносил мне свои романы и повести, написанные мелким чётким почерком в бухгалтерских книгах на синей бумаге, разграфлённой под дебет-кредит. <...> Повести его не печатали, говорили, что написано непрофессионально. И картины, которые писал он в мастерской кинотеатра, а потом складывал дома под железную койку, тоже не принимались на выставки. <...> Один только раз – един-

Линогравюра, выполненная Д.И. Архангельским по рисунку Л. Премирова. Индустрия. 1931

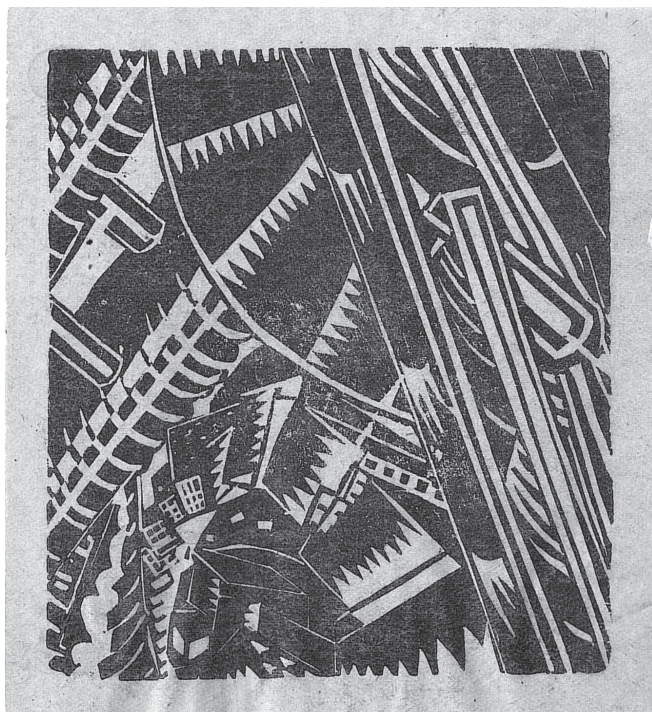

ственный! – ему повезло. Во Дворце горняков была устроена выставка художников города. Не знаю, каким образом Премирову довелось уговорить организаторов допустить свои картины к участию в ней.

И вот открылась выставка. Она заняла оба этажа. <...> Входя во Дворец, находившийся в центре города, вы сразу погружались в иную, не свойственную Караганде атмосферу – сияющие пейзажи, детские весёлые личики, берёзки в парке (кстати, посаженном и выхоженном заключёнными), улыбочивые шахтёры с ввинченными в шлемы лампочками, озарявшими, так сказать, путь к завтрашнему, в крайнем случае – послезавтрашнему коммунизму.

Премиров ограничился двумя картинами. На одной была лесная поляна, посреди – озеро,

круглое, недвижимое, как бы наполненное не водой, а ртутью. И вокруг – неподвижные, застывшие, тёмные ели, смыкающиеся ветвями. И туман, повисший над озером, над поляной, над елями, над густой травой, окольцовывающей озеро, наступающей на него, грозящей превратить его в болото... И вторая картина, большая, нехарактерных для Премирова размеров, написанная, как и первая, маслом: положенная по тонущим в грязи бревешкам дорога, по бокам – почерневшие, обугленные

Линогравюра, выполненная Д.И. Архангельским по рисункам Л. Премирова. Индустрия. 1931

берёзы, их ветки, остатки обломанных и ещё уцелевших ветвей вскинуты к пустому, без единого облачка небу... А дорога впереди увязает в топи, уходит в стоячую мёртвую воду, на дно...

Я никогда – ни раньше, ни потом – не видывал такой толпы, которая в глубокой, глубочайшей тишине стояла перед картиной... Точнее – перед картинами Премирова, расположенными рядом, одна из них называлась «Озеро», другая – «Дорога». Рыхлая, рваная цепочка тянулась возле прочих картин, а здесь толпа всё время нарастала, набухла, и я замечал у многих женщин покрасневшие глаза, прижатые к щекам платочки, мужчины же гляделись в полотна, заключённые в простые крашенные рамы, кадыки у них прыгали, сглатывая слюну, глаза щурились, будто всматривались в какую-то позабытую и вдруг ожившую даль... Пейзаж? Не только пейзаж... Это была их жизнь, изображённая на полотне кистью и краской... И когда, уже после того, как выставка закончилась, я листал «Книгу отзывов», там были записи только о картинах Премирова – и ни об одной больше.

Естественно, к участию в других выставках, которые порой в Караганде случались, его уже не допускали».

В своём дневнике Премиров писал: «Я прошёл через тюрьмы и лагеря, боролся за жизнь, погибал и воскресал. Я голодал и мёрз, у меня отнимали рисунки, шпионили, клеветали, но я не сдавался.

Все люди делятся на тех, у кого позвоночник вертикальный и у кого он горизонтальный».

У Льва Михайловича Премирова была прямая спина.

Лев Михайлович Премиров.
Автопортрет

К сожалению, после освобождения из лагеря и реабилитации судьба этого неординарного человека не была к нему благосклонна. Непризнанный и непонятый, он скончался в 1978 году, а его имя как художника начало всплывать только в начале 1990-х.

На одной из страниц своих «Заметок» Лев Михайлович написал: «Мои записки покажутся читателям (если они будут) диким набором не связанных ничем отрывков».

Но это не так. Это не просто воспоминания никому неизвестного художника. Это литературное и художественное наследие, представляющее огромную ценность, ставящее имя Льва Михайловича Премирова в один ряд с людьми, писавшими о жестоком засилье тоталитаризма, ломающем судьбы людей. Они стали произведением, которое даёт возможность восстановить звено истории через личные переживания автора, воплощённые в главных лицах его воспоминаний.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ ЛЬВА ПРЕМИРОВА

Из архива Д.И. Архангельского

«Свои фантастические рисунки я дарил обычно художнику Архангельскому, чудесному старику, страстному коллекционеру и краеведу». (Лев Премиров)

ФОТОПЕЙЗАЖИ ВЛАДИМИРА ЛАМЗИНА

Ольга ДАРАНОВА

Как ты греешь, равнина осенняя,
Хоть и лик твой дождями избит!
То ль гармошка всплакнула Есенина,
То ли ветер в верховьях шалит?..
Небо дымное, серое, низкое...
И такое сиротство вокруг!
Русь моя, несравненная, близкая,
Чтоб обнять тебя, хватит ли рук?...
Защитить, обогреть эту пахоту,
Это золото, охру и медь...
Здесь единственным праведным грохотом
Майский гром может лишь прогреметь!..
Даже в холоде осени стройная,
Дорогая моя красота!..
Ни измором, ни хворью, ни войнами,
Не согнется твоя прямота.
Будут сосны стоять, словно матери,
Провожая своих сыновей.
Словно нищий на вымерзлой паперти, –
Сильный голою правдой своей...
Так бы ехать дороженькой долгою
В тишине, что предзимьем полна...
И следить, как над вольною Волгою
Богородицей смотрит луна...

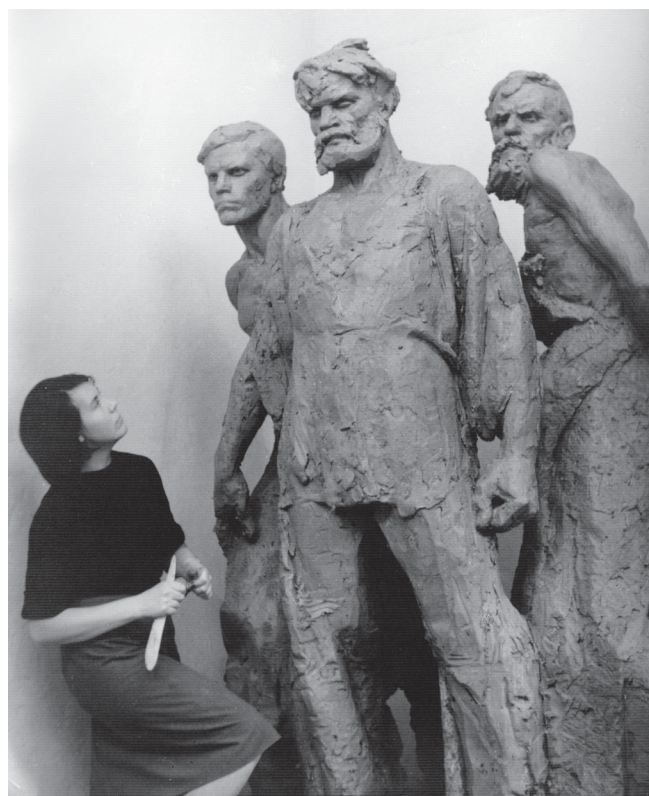

Фото Ольги Ронжиной

СКУЛЬПТУРА

В картинной галерее Союза художников состоялась юбилейная художественная выставка произведений О.А. Клюева, А.И. Клюева, Л.А. Турской.

Заслуженный художник РСФСР **Любовь Александровна ТУРСКАЯ (1931–1971)** родилась в г. Минусинске. Окончила Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Приехала в Ульяновск по приглашению в 1967 году. Одна из первых крупных работ скульптора Любви Турской в Ульяновске – «Рабочие» – участвовала во Всесоюзной выставке. Л.А. Турская автор памятника Александру Матросову. Композиция «Коммунисты» – одна из лучших работ скульптора Л.А. Турской – украшает фойе Мемориального центра в Ульяновске. (В феврале 2021 года в Государственном архиве Ульяновской области была организована баннерная выставка к 90-летию Л.А. Турской.)

Л.А. Турская. Углежоги. 1964

Л.А. Турская. Портрет
Константина
Сергеевича
Станиславского

Л.А. Турская.
Автопортрет с сыном
(последняя работа
автора)

Л.А. Турская. Коммунисты. 1970

А.И. Ключев. Автопортрет.
2012. Бронза 51х32х34

Заслуженный художник Российской Федерации **Анатолий Иванович КЛЮЕВ (1932–2020)** родился в г. Нижний Тагил Свердловской области. После окончания Нижнетагильского художественно-промышленного училища продолжил учёбу в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР. С 1967 года жил и работал в Ульяновске. Автор монументальных памятных сооружений, серии портретов рабочих, деятелей истории и культуры России. Автор ряда памятных досок, в том числе памятной доски на здании госпиталя ветеранов войн, горельефа Валерия Чкалова, декоративного рельефа Дома офицеров. А.И. Ключев принимал участие в оформлении интерьеров Дворца книги, училища культуры, библиотек и школ города и области. Автор бюстов выдающихся людей Симбирского края, в том числе И.А. Гончарова и Н.Н. Благова. Лауреат Международной премии в области изобразительного искусства им. А.А. Пластова (2017).

Виктор ИСАЕВ

А.И. Ключеву

Как первый робкий луч весны,
Он утро в мастерской встречает,
Чтоб воплотить свои мечты,
Где глина образы являет.
И чтобы в них была душа,
И чтобы сердце в них стучало,
Чтоб лик историей дышал,
Чтоб жизнь надеждой в них звучала.
И лишь, когда отбросив фартук,
Он руки на груди скрестит,
В изнеможенье улыбнётся
И взор свой к Богу обратит!

Анатолий Ключев в мастерской

А.И. Ключев. Оптимист

А.И. Ключев. Декоративный рельеф. Дом офицеров

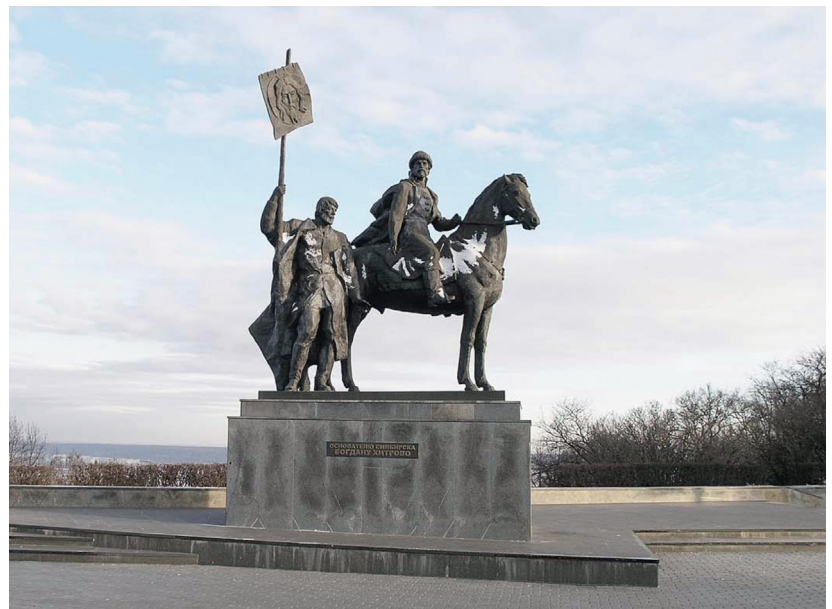
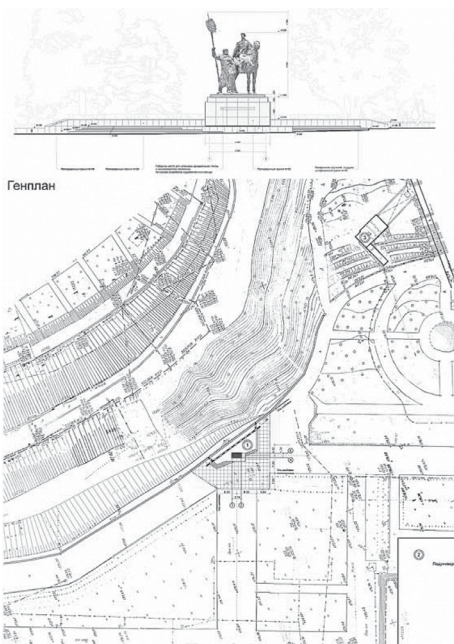

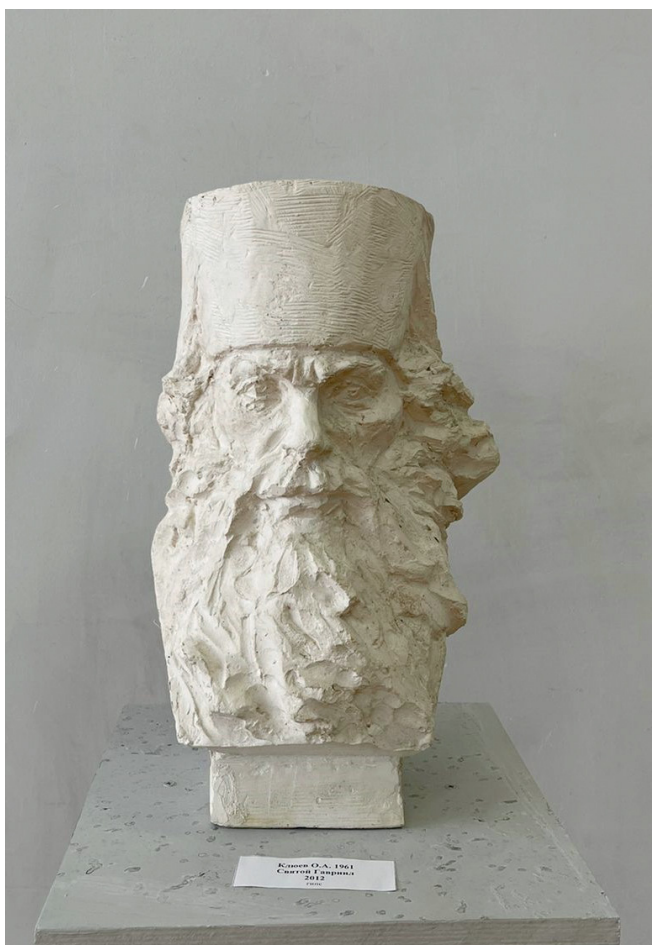
Олег Анатольевич КЛЮЕВ скульптор, продолжатель династии, сын Анатолия Ивановича Клюева и Любови Александровны Турской. На большей части экспозиции выставки в картинной галерее Союза художников были представлены скульптурные произведения Олега Анатольевича Клюева.

О.А. Клюев. Эскиз к памятнику Богдану Хитрово

Памятник Богдану Хитрово был открыт в Ульяновске в 2008 году. Установлен на Венце

О.А. Ключев. Святой Гавриил Мелекесский

О.А. Ключев. Эскиз к памятнику Андрею Блаженному

О.А. Ключев. Эскиз к памятнику Александру Невскому

О.А. Ключев. Эскиз к памятнику Богдану Хитрово

О.А. Ключев. Эскиз к памятнику «Юнгам-ульяновцам»

О.А. Ключев. Эскиз к памятнику «Дети войны»

О.А. Ключев. Эскиз к памятнику генералу Карбышеву

О.А. Ключев. Эскиз к памятнику «Жертвам репрессий»

ПОТОМСТВЕННЫЙ СКУЛЬПТОР

ОЛЕГ КЛЮЕВ

Олег Анатольевич Ключев родился в 1961 году. Творческую деятельность начал в 1981 году во время учёбы в Пензенском художественном училище имени К.А. Савицкого. Первые выставочные работы скульптора «Солдат» и «Портрет студента» экспонировались на областной художественной выставке и опубликованы в её каталоге. Во время службы в рядах Советской Армии Олег Ключев создал бюст Богдана Хмельницкого для интерьера клуба Ульяновского высшего военно-технического училища им. Б. Хмельницкого. Военная служба дала скульптору богатый материал для глубокого понимания истории, военной тематики. В 1991 году после окончания Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина был принят на работу в качестве художника – скульптора в художественно-производственные мастерские Художественного фонда РСФСР города Ульяновска.

Памятник А.В. Суворову

В 1992 году Олег Анатольевич впервые обратился к образу великого полководца А.В. Суворова, создав для Ульяновского суворовского училища гипсовую скульптуру. Двадцать лет спустя он воплотил образ знаменитого полководца в величественной скульптуре, которая находится на улице Спасской.

Олег Анатольевич Ключев принимал участие во многих областных и зональных художественных выставках. Его работа над поиском собственного творческого почерка, образности художественных решений была высоко оценена на зональной выставке

«Большая Волга» в 1991 году, где экспонировалась и занесена в каталог скульптура «Этюд сидящей девушки».

В 1993 году О.А. Ключев был принят в члены Союза художников России.

Олег Ключев – продолжатель династии, сын скульпторов Анатолия Ивановича Ключева и Любови Александровны Турской. Скульптор по образованию и призванию, он активно работает в области монументальной и станковой скульптуры. Историческая, военно-патриотическая тематика становится основной в его творчестве. Он создаёт памятные сооружения, мемориальные доски, портреты и станковые композиции. Среди них: памятное со-

оружие воинам, погибшим в Афганистане (бетон, г. Ульяновск, 1994–1995 гг.), памятник в честь 50-летия Победы (металл, г. Ульяновск, 1995 г.), композиция «Скорбящая мать» на братской могиле воинов, умерших в госпиталях Ульяновска в 1945–1946 гг., (металл, г. Ульяновск, 1998 г.).

В 2005 году скульптором были созданы бюсты для Аллеи Героев к памятнику «Павшим воинам Великой Отечественной войны» (бронза, гранит, г. Димитровград Ульяновской области).

К 360-летию юбилею города Ульяновска в апреле 2007 года был объявлен конкурс на лучший проект памятника основателю Симбирска Богдану Матвеевичу Хитрову, и по итогам конкурса победил проект скульптора Олега Ключева. Он создал бронзовый памятник основателю города Симбирска Богдану Хитрову, который был открыт в 2008 году на высоком берегу Венца.

Ключев создал значимые работы, скульптурные изображения животных. Среди них «Памятник Преданности» (бронза, гранит; г. Тольятти, 2003 г.), который очень символичен. Через образ собаки, которая не смогла покинуть место, где её оставил хозяин, скульптор рассказал о человеческих чувствах – преданности, верности, дружбе, надежде. Работа «Кошачьи грёзы» О.А. Ключева, выполненная в стилистике русской деревянной скульптуры XIV–XVI веков, после экспонирования на региональной выставке «Большая Волга» (г. Нижний Новгород, 1998 г.) и всероссийской выставке (г. Москва, 1999 г.), находится в собрании Ульяновского областного художественного музея.

Работы скульптора «Жертвам репрессий» и «XX век» экспонировались не только на региональной выставке «Большая Волга» (г. Чебоксары, г. Самара, 2008 г.), но и на всероссийской художественной выставке «Россия XI» (г. Москва, 2009 г.) В 2008 году была завершена работа над памятником Петру и Февронии, олицетворяющим верность любви и семейным традициям. Установлен памятник около первого корпуса Ульяновского государственного университета. В этом же году в Ульяновске по инициативе О.А. Ключева и Ульяновской региональной организации «Союз художников России» был проведён первый всероссийский симпозиум скульпторов «Симбирские мотивы – 2008». Лучшие скульпторы Ульяновска, Москвы, Саратова, Нижнего Новгорода, Казани и других городов России создавали свои произведения искусства из известняка. Работа Олега Ключева «Стихия» была отмечена дипломом симпозиума. В 2009 году состоялся второй всероссийский симпозиум, посвящённый теме «Ульяновск – авиационная столица России». Участвовали двенадцать скульпторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Самары, Нижнего Новгорода, Перми, Елабуги. Олег Анатольевич был отмечен дипломом за скульптуру «Авиатор», которая в настоящее время украшает парк «Авиационный» в Заволжском районе города Ульяновска. О. Ключев создал памятник Юрию Фроловичу Горячеву, первому губернатору

Ульяновской области (с 1992 по 2001 год), который установлен в рабочем посёлке Ишеевка.

Олег Анатольевич Клюев – участник благотворительных акций, проводимых Ульяновской организацией Союза художников России: в 2011 году барельефы Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Н.М. Языкова были подарены школам Ульяновской области.

В 2011 году была завершена работа, начавшаяся еще в 2005 году, над созданием памятника Герою Советского Союза генералу Д.М. Карбышеву. Бронзовый памятник герою установлен в Заволжском районе города. Олегом Анатольевичем была создана мемориальная доска в память о прославленном ульяновском тренере по легкой атлетике Николае Дмитриевиче Карпове. Почётный гражданин города Ульяновска Карпов был основателем школы марафонского бега. Мемориальная доска находится на здании спортивной школы по легкой атлетике на улице Карла Либкнехта, дом 24 (бронза, г. Ульяновск, 2012 г.). По заказу организации «Ульяновскэнерго» была создана композиция «Первый электрический фонарь в Симбирске», установленная на улице Миная (композитный материал, г. Ульяновск, 2013 г.)

В 2012 году Олег Анатольевич достойно представил изобразительное искусство Ульяновской области на художественной выставке в Сан-Марчеллино в Италии работой «XX век», которая была подарена муниципалитету города Сан-Марчеллино. Успешное участие скульптора в этом выставочном проекте было отмечено дипломом министерства искусства и культурной политики Ульяновской области. В 2013 году на художественной выставке, посвящённой 70-летию Ульяновской области, экспонировались новые работы скульптора «Герой Русско-турецких войн В.Н. Кочетков» и «Архимандрит

Гавриил, небесный покровитель Мелекесса». Клюев завершил работу над образом Героя Советского Союза генерала Василия Филипповича Маргелова, автора и инициатора создания технических средств ВДВ и методов применения частей и соединений Воздушно-десантных войск. Олег Анатольевич на протяжении двух лет изучал архивные документы, читал воспоминания, встречался и беседовал с сыном Василия Филипповича Маргелова Александром Маргеловым. 5 мая 2013 года к 15-летию со дня образования 31-й гвардейской десантной бригады памятник был торжественно открыт в парке, носящем имя генерала Маргелова.

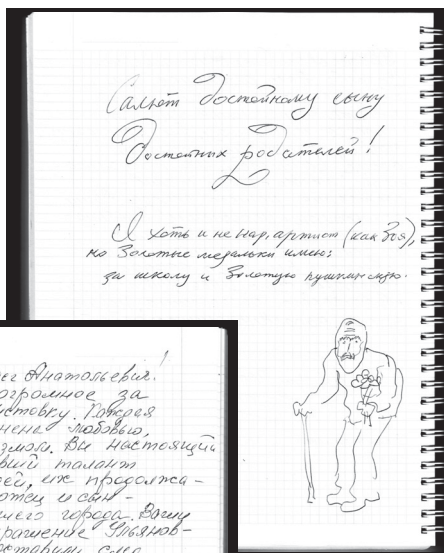
Эскиз к памятнику генералу Маргелову

Главная тема в творчестве скульптора Олега Анатольевича Клюева – историческая, военно-патриотическая. Памятники, автором которых является О.А. Клюев, не просто украшают улицы нашего города, они возрождают историческую память, пробуждают чувство патриотизма.

Из отзывов посетителей выставки

«Салют достойному сыну достойных родителей!»

Лев НЕЦВЕТАЕВ,
член Союза художников России,
почётный архитектор России,
лауреат Золотой Пушкинской медали

Салют достойному сыну
достойных родителей!

С любовью и уважением (как всегда),
но золотые медали и ордены
за школу и Золотую Пушкинскую медаль.

Уважаемый Олег Анатольевич!
Спасибо Вам огромное за прекрасную выставку. Каждая работа наполнена любовью, профессионализмом. Вы настоящий мастер, впитавший талант своих родителей, их продолжатель. Клюевы – отец и сын – достояние нашего города. Ваши скульптуры – украшение Ульяновска. Вы уже оставили след на земле нашей, память для потомков. Вы лицо города. Здоровья Вам, Олег Анатольевич, творческого долголетия, новых ярких, запоминающихся работ!

С благодарностью
Нар. арт. РФ Зоя САМСОНОВА

Замечательная выставка! Большое спасибо!
Гали и Марья

Уважаемый Олег Анатольевич! Спасибо Вам огромное за прекрасную выставку. Каждая работа наполнена любовью, профессионализмом. Вы настоящий мастер, впитавший талант своих родителей, их продолжатель. Клюевы – отец и сын – достояние нашего города. Ваши скульптуры – украшение Ульяновска. Вы уже оставили след на земле нашей, память для потомков. Вы лицо города. Здоровья Вам, Олег Анатольевич, творческого долголетия, новых ярких, запоминающихся работ!

С благодарностью,
народная артистка РСФСР Зоя САМСОНОВА

ПОД СЕНЬЮ
ДРУЖНЫХ МУЗ

НА ФЛЕЙТЕ ВЕТРОВ ИГРАЯ...

Авторский вечер Олега Киселёва

26 августа 2022 года в Торжественном зале Дворца книги состоялся авторский вечер поэта, композитора, автора-исполнителя, артиста Ульяновского государственного академического симфонического оркестра «Губернаторский» Олега Киселёва.

Гости встречи прослушали музыкальные композиции на стихи ульяновских поэтов.

В творческом пространстве нашего города музыканта Олега Киселёва знают очень хорошо. Поэт, педагог, профессиональный музыкант, композитор, исполнитель, член Российского союза профессиональных литераторов, Олег Юрьевич Киселёв окончил Казанскую государственную консерваторию (академию) им. Н.Г. Жиганова. Артист Ульяновского государственного академического симфонического оркестра «Губернаторский». Педагог по классу классической гитары. Преподаёт в Ульяновском музыкальном училище (концертмейстерский класс и специальность – «классическая гитара»). Дипломант международного конкурса «Время петь» (г. Москва). Участник областного литературно-музыкального проекта «Вечерний Симбирск».

Творчество Олега Киселёва основано на высоком литературном слогое, оно впитало в себя вещество поэзии Золотого и Серебряного веков, совре-

менных поэтов, оно чутко к природе, к прошлому и настоящему, к переливам настроения человека во все времена. Прекрасный голос, глубокая, проникновенная манера исполнения создают атмосферу творчества и высокого полёта души, гармонии стиха и музыки.

Вечер начался строчками поэта Олега Капитонова (1984–2012) из сборника «Бумажный змей»:

*Изменяя наши адреса,
Меряем годами очерёдность,
И, когда творятся чудеса,
Сохраняем призрачную твёрдость.*

*Тихо в поисках себя томим,
Не дай Бог, окончится удачно(!),
Снова будешь тих и нелюдим,
Снова слово станет однозначно...*

*С мягким сердцем синева горит,
И в руках сомнутся маргаритки.
Отражаясь в небе, змей летит –
Крылышки бумажные на нитке.*

Слушая стихи Олега Капитонова, ловишь себя на мысли, что поэт – это наш проводник в лабиринте жизни, в поиске Истины, Красоты, Добра. Это первооткрыватель тех явлений, которые порой бывают недоступны обывательскому глазу и уху. Поэт

проникает в самую суть бытия, учит нас видеть мир в художественных образах, сравнениях, сопоставлениях. Он трогает те струны души, которые до поры до времени молчат в нас.

Всё творчество Олега Капитонова – это движение духа. Именно духа, потому что это более широкое понятие, чем душа. Дух – это созидательная сила, которая движет человеком на пути к совершенству. Если попытаться обозначить суть его поэзии, то это – человек в Мире и Мир в Человеке. На стихи Олега Капитонова прозвучали песни «Мышка», «Пани Женя», «Елочная игрушка», «За гранью сердца», «Посмотрела, словно лучик». Стихи Олега Капитонова вошли в музыкальный альбом Олега Киселёва «Переулками снов», а оформила его сборник созвучными образами ульяновская художница Татьяна Горшунова.

Поэты и музыканты – люди особенные... Случается, что им дано слышать и видеть глубже и дальше других... Бывает так, что поэтическая воля предвосхищает жизнь. 25 августа ульяновцы простились с замечательным поэтом и человеком Галиной Александровной Зарудневой (1938–2022).

Есть у неё замечательное лирическое стихотворение, которое начинается строкой: «До осени четыре дня». Она и ушла, когда до осени осталось почти четыре дня...

*До осени четыре дня,
А жёлтых листьев много,
И холодок ожёг меня
Осеннюю тревогой.*

*Пылают ярко надо мной
Печальные рябины,
И отмахнулась я рукой
От невесомой, золотой,
Осенней паутины.*

*В прохладных, дивных этих днях
Так много добрых сказок!
Они в рябиновых кустах,
И в песне ветра, и в дождях,
Да их же видно сразу.*

*Куда ни глянешь – листопад
Кружится над Землёю.
И лето не вернуть назад,
И листья грустно так шумят –
Прощаются со мною.*

На вечере прозвучали любимые всеми композиции на стихи Галины Зарудневой «Сиреневый вечер» и «Лунная ночь над Ульяновском».

Тепло было встречено стихотворение «Русская тоска» Алексея Ланцова, поэта русского зарубежья, филолога, культуролога, художника. Алексей Ланцов родился в Красноярском крае, а учился в Ульяновске, окончил филологический факультет и аспирантуру Ульяновского педагогического университета им. И.Н. Ульянова, специализировался на творчестве Ф.М. Достоевского, преподавал в ульяновских вузах. У него финские корни, жизнь сложилась так, что с 2006 года Алексей живёт в Финляндии, в пригороде Хельсинки. Как поэт он дебютировал и публиковался в периодических изданиях Ульяновска: «Симбирск», «Мономах», «Стрежень», «Карамзинский сад», «Северный царь». Вот фрагмент этого замечательного стихотворения:

*Все это русская тоска –
И красный куст необлетевший,
И ветер, вечно безутешный,
Перемешавший облака –
Все это русская тоска.
Нас Бунин встретит у леска,
Орловский барин постаревший,
Рукою крепкой, загоревшей
Он треплет гриву рысака.
А вдоль дорог издалека
Широкой поступью неспешной
Идут, как странники, века –
То пыль, то снег, то дождь в бока,
То зной, то стужи ад кромешный.
Все это русская тоска –
От образка, от колоска
До черной пустоши безбрежной,
Такой щемяще-безнадежной,
Что опускается рука.*

*Струится медленно река,
А за рекою – обгоревший,
Стоит наш дом осиротевший,
Ни чердака, ни потолка,
Дверь нараспашку без замка,
Да крест оконный, потемневший...*

Творчество Алексея разнообразно, и слушатели познакомились с трогательной лирической композицией «Босса-нова нежная», где слышится слияние звуков самбы и джаза.

Вспомнили на вечере и поэта Александра Лайкова (16.02.1953 – 7.09. 2021).

*Переживу, дружище, злую зиму,
Пережую солёный кус в тепле.
А если я внезапно в темень сгину,
Меня ищите на земле!*

*Ищите там, где свирепеют норды,
Срывая с грунта лапы-якоря,
Где паруса, как листья, штормом стёрты
В последних числах ноября.*

*В астральном мире призрачно и грустно,
А я люблю картошку печь в золе...
Я буду там, где высшее искусство –
Хранить очаг в морозной мгле!*

*Наколем дров и будем слушать вместе
Огонь в печи и детское «Агу!»
До самых яблонь в белом, как невесты,
На млечном волжском берегу.*

*Они цветут – хорошая примета!
Залечивая мёртвую кору...
Моя судьба ещё не вся пропета,
Как этих яблонь на яру!*

Александр Лайков всегда ценил и любил русскую классическую литературу. Интеллигент в первом поколении, как его назвал Евгений Мельников, он во многом сформировал себя сам. Его кумирами были русские классики, многих он знал и цитировал наизусть. Есть у него замечательное стихотворение «Бунин». Прозвучали стихи Александра Лайкова и прекрасные композиции на музыку Олега Киселёва «Январские ночи» и «Бунин».

Большой музыкальный блок – песни на стихи Елены Токарчук (1976–2007). Леночка Токарчук – девочка-планета... Поэт, художник, член РСПЛ, лауреат международной премии «Филантроп». Поэт-философ. Она позволила своему сознанию перемещаться во времени и пространстве, искать аналогии в прошлом и вымечтывать будущее. Во вступительном слове к её сборнику «Святорусье» есть слова поэта Григория Медведовского, в котором он назвал Лену настоящим поэтом, что, по его собственному признанию, он делал крайне редко. Г.М. Медведовский приводит также слова о Лене их общего куратора в литературе профессора Литературного института имени А.М. Горького Игоря Волгина: «Автор этих стихов обладает чистым голосом и глубоким дыханием. Человек, не знающий о том, с какими тя-

готами сопряжено физическое существование этого поэта, никогда не догадается о них по представленным стихам».

*Я без взмаха крыла,
Как орлица лечу.
Мне и ветер, и мгла,
И беда по плечу.*

*...
Эта жизнь хороша,
как орлиный полёт,
И ликует душа!
И поёт небосвод!*

Прекрасное вступительное слово к книге Елены Токарчук «Иероглиф жизни» написал поэт Виктор Малахов: «Поистине удивительна любовь молодого поэта к культурному наследию разных времён и народов, отзывчивость и ёмкость её души! То, что многим представляется наивными фантазиями, сказками, архаичными представлениями, понимается ею как богатое и живое культурное наследие наших предшественников, лишь малая толика которого освоена и понята нами... Это мир, где становится возможным «в облаках твоего удивленья/подниматься на крыльях стрекоз; где можно «вдыхать бесконечность, как запах цветка», где привычные предметы и явления приобретают новые удивительные свойства. В этом мире нет мелкого и ненужного, здесь «все равновесны и правы», и все живут для «для вечной и чистой любви».

Леночке была присуща ничем не омрачаемая радость бытия и творчества. В ней была удивительная неистощимая сила и страсть жить. В разных мирах, на разных планетах, в разных временах и образах. Её радовало всё живое. Всё её творчество – это связь древности и современности. «А во мне, как сокрытый зародыш, эта память моя обо всём...» Осмысление этой внутренней глубинной связи во всех нас, в мироздании – смысл творчества и жизни Елены Токарчук.

Олег Киселёв исполнил четыре песни на стихи Елены Токарчук: «Что я люблю», «Планета огненного лета», «Овен», «Ветроножка».

Есть вечные истины, которые важны в любые времена и в любые эпохи. Это любовь, вера, добро, дружба. Поэзия Татьяны Мельник многолика, она вобрала в себя и щемящую любовную лирику, и высокую гражданственность, любовь к родному городу, есть строки, которые посвящены вечным понятиям – честь, долг, совесть, верность... И во всём – безграничная искренность.

*Пронзительным полётом – к облакам!
Пронзительной молитвой – к образам.
Пронзительною песней – сквозь века!
Пронзительною строчкой – сердце вам*

*Пронзаю! Сквозь метели и снега,
Сквозь толщу равнодушия и лжи
Пронзаю! Зная, что живу пока,
С пронзённым сердцем суждено мне жить.*

На встрече прозвучала композиция Олега Киселёва на стихи Татьяны Мельник «Вальсы XIX века». «Настоящая поэзия – это всегда сила. В очень

тихих, никогда не гремящих стихах Елены Кувшинниковой (недаром её первая книжка носит название «Негромкий свет») есть подлинная сила. Сила эта в открытости глубине, в отказе от всего поверхностного, облёгчённого», – так отзывалась о творчестве Елены Кувшинниковой поэт и философ Зинаида Миркина.

*И боль, и благо. Благо боли.
Весна опять к нам благоволит,
Точней сказать – благоволит.
Вновь из окна простёрся вид
На Волгу после пробужденья.
Зелёных веточек сплетенье
Освобождает от обид.*

...
*Любовь свята и жизни ось
Вся проросла в неё насквозь
И превратилась в древо рода.
А в кроне дети, соловьи
Поют о будущей любви.
Над ними неба свод. Свобода.*

*Такой простор, такой размах!
И в очищающих слезах
Душа открыта жизни новой.
Сквозь наслоненье дней и лет
Дай Бог сберечь нам тихий свет
Под сердцем бьющегося слова.*

Прозвучали композиции Олега Киселёва на стихи Елены Кувшинниковой «На пришествие осени» и «Колыбельная».

На вечере прозвучали песни на стихи Александра Приданова «Адрес мимо дорог» и «Будто капля акварели скверной» на стихи Александра Дашко.

Вспомнили и прекрасного лирика Анатолия Чеснокова (1951–2010), прозвучали его стихи и песня «Солнцем пропахшие травы».

В завершение вечера Олег Киселёв исполнил композицию на стихи Александра Тимакова «Апельсин в ладонях».

Два часа пролетели незаметно, на одном дыхании... А ведь была исполнена двадцать одна песня, а сколько стихов! Абсолютное чувство красоты и гармонии, умение слышать и слушать хорошую достойную поэзию и воплощать её в прекрасные музыкальные композиции – дар, присущий Олегу Киселеву. Его знают и любят ульяновцы, ему пишут и звонят из других уголков России.

Спасибо, Олег Юрьевич, это было незабываемо! Стихи ульяновских поэтов озарились новым светом, стали близки многим.

Спасибо музыкантам Ульяновского государственного академического симфонического оркестра «Губернаторский»: Татьяне Лаврухиной (альт), Наталье Борисовой (флейта) и арт-квартету Ульяновской областной филармонии: первая скрипка – Ирина Форрат, вторая скрипка – Наталья Вериялова, альт – Ольга Михалкина и виолончель – Альбина Гимаева.

Пусть музыка длится, длится, как этот лирический вечер друзей, как всё добро, рождаемое человеком...

Вечер подготовила и провела Ольга ДАРАНОВА

Николай МАРЯНИН, поэт и краевед.

ЛЕГЕНДА ГОРЫ АРБУХИМ

Вид на Волгу с Арбугинской горы

В августе 1636 года, за 12 лет до основания Симбирска, немецкий путешественник Адам Олеарий проплывал мимо Симбирской горы по Волге с посольством в Персию. Он вёл подробный дневник и вот что писал в своих путевых записках: «21-го того же месяца мы оставили по правую сторону от нас два весёлых места, на которых будто бы раньше находились города; наиболее дальний из них на-

зывается Симбирская гора. Говорят, их разрушил Тамерлан. 22-го мы прошли через три сухих места или мели, из которых одна лежит впереди, а другие две позади горы Арбухим, стоящей по правую сторону реки. Эта гора получила своё название от города, находившегося здесь. Здесь с реки, между двумя холмами, виден на суше большой камень длиной с 10 локтей, но несколько более низкий. На одной

В начале минувшего лета женился мой племянник Константин, который со своей возлюбленной Марией побывал перед этим на Арбугинской горе, что возвышается на волжском берегу в национальном парке «Сенгилеевские горы». С вершины этой горы открывается потрясающий вид на Волгу и Криушинский затон. Грандиозно, аж дух захватывает! Мне вспомнилась сразу древняя легенда о горе Арбухим, которую ещё в XVII веке записали проплывавшие здесь по Волге путешественники. И подумалось, что, если жених подарит на Арбугинской горе колечко своей невесте, это станет залогом их долгого и счастливого семейного союза. Так появилась посвящённая молодожёнам поэтическая версия волжской легенды про древний город и гору Арбухим. А суть исторических событий в следующем...

Будет ли добро тебе будет

Надпись на боковой стороне камня.
Из записок Адама Олеария

Что ищите нечего похороше

Надпись на нижней стороне камня. Из записок
Адама Олеария.

стороне его, как говорят, высечены слова: «Кто сдвинет камень с места, тому добро будет». Когда однажды русский струг на этом месте из-за противного ветра должен был стать на якорь, 50 человек, полагая найти здесь большой клад, принялись за камень, с большим трудом подкопали его, перевернули, но ничего не нашли, кроме надписи, высеченной на нижней стороне камня: «Чего ищите? Здесь ничего не закопано».

А в июле 1669 года мимо Симбирска проплывал голландский путешественник Ян Стрэйс, который тоже упомянул в путевом дневнике гору Арбухим и камень на ней: «23-го мы шли по приветливой местности, где на равнине ещё видны развалины и остатки большого города, а также Симбирска (Simberska gora), города, некогда разрушенного Тамерланом. Между тем поднялся сильный ветер, и мы были вынуждены следующий день простоять на якоре. Тогда я с несколькими товарищами поднялся на гору Арбухим, на которой прежде был город того же имени. Там мы увидели большой камень, на котором было написано: «Коли вы меня сдвинете с места, это принесёт вам счастье». Некоторые русские были охвачены желанием узнать, что из этого выйдет, они подкопали камень так, что он перевернулся. Они надеялись найти клад и прочли на обратной стороне камня следующие слова: «Чего вы ищите? Здесь ничего нет». Земля здесь хорошая, ровная и тучная, немного холмов и кустарников, всё кругом заросло прекрасной травой, её не косят и на ней не пасут скот. Местность безлюдная, повсюду видны развалины и следы городов и деревень, разрушенных Тамерланом».

В поэтической версии легенды мне осталось только дополнить эти свидетельства путешественников романтической историей о том, как влюблённый жених дарит на вершине горы кольцо своей возлюбленной. Коль ужклада под камнем не

Обручальные кольца

оказалось, вполне вероятно, что в надписи на нём «тому добро будет» подразумевалось как раз семейное добро, чтобы «жить-поживать, добра наживать». Возможно, это станет началом доброй традиции, и на вершину Арбугинской горы устремятся вслед за Константином и Марией другие влюблённые, чтобы дарить свадебные кольца своим любимым.

Надеюсь, парням и девчонкам эта предсвадебная идея понравится, а заодно у них появится возможность побывать в одном из красивейших мест Ульяновской области, где можно полюбоваться потрясающим раздольем нашей красавицы Волги.

ЛЕГЕНДА ГОРЫ АРБУХИМ

Константину и Марии
Гладковым

Есть у причала жизни долгой
гора с обличьем колдовским,
где в старину стоял над Волгой
забытый город Арбухим.

Легенда здесь жива донныне
о том, как в давние года
огромный камень на вершине
манил паломников сюда.

Валун, потресканный от ветра,
обломок горного хребта:
его длина – четыре метра,
и чуть поменьше – высота.

А сбоку, вроде манифеста,
набили надпись мастера:
«Кто этот камень сдвинет с места,
тот наживёт себе добра».

На клад наткнуться каждый чаял
за эти несколько веков,
и как-то струг сюда причалил
с ватагой крепких мужиков.

Они, припомнив всех прабабок,
в сто рук схватились широко
и со звериным рёвом на бок
валун поставили легко.

А следом, разминая пальцы,
прочли на днище у него:
«Чего вы ищите, скитальцы?
Здесь не зарыто ничего!»

Летели дни, стирались были,
прикрывшись временем глухим,
и люди добрые забыли
про древний город Арбухим.

Но как-то раз от эйфории
вскипел в сердцах адреналин,
когда на той горе Марии
дарил колечко Константин.

А над Криушинским затоном
с тех пор небесные дары
открыты стали всем влюблённым
гостям Арбугинской горы.

И если здесь жених невесте
рискнёт колечко даровать,
жить-поживать им долго вместе,
добра и счастья наживать!

СУРСКОМУ – 470 ЛЕТ!

6 августа 2022 года ульяновские писатели побывали на районном празднике, приуроченном к 470-летию поселения Промзино-Сурское (ныне посёлок Сурское Ульяновской области).

В праздничном мероприятии приняли участие председатель Законодательного собрания Ульяновской области Валерий Васильевич Мальшев, глава администрации МО «Сурский район» Дмитрий Владимирович Колгин, начальник отдела по делам культуры и организации досуга населения администрации МО «Сурский район» Дмитрий Александрович Кожаев, другие официальные лица.

Гостем праздника был депутат Государственной думы РФ Сергей Иванович Морозов.

Гостей сопровождала директор Сурской межпоселенческой центральной библиотеки Светлана Сергеевна Поздова.

Яркий, солнечный праздник украсили творческие коллективы многих поселений Сурского района Ульяновской области, на тематических площадках, представившие страницы истории района и уникальные народные промыслы.

На празднике были отмечены региональными наградами лучшие люди района, долгожители, многодетные семьи, талантливые музыканты и народные коллективы.

Глава района Дмитрий Владимирович Колгин, выступая и приветствуя земляков, отметил бережное отношение сурчан ко всему лучшему, что было сделано в посёлке многими поколениями, пожелал сделать посёлок современным, комфортным, благоустроенным.

Почётной грамотой Законодательного собрания Ульяновской области награждён Валерий Александрович Ерёмин, член Союза писателей России, руководитель Сурского литературного объединения «Промзинские слоги». Это творческое объединение было основано 15 лет назад.

От имени ульяновских писателей сурчан поздравила председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Ульяновской области Ольга Даранова. Вместе с ней выступили поэт, член Союза писателей России, лауреат поэтической премии имени Николая Благова Виктор Малахов, поэт, прозаик, заслуженный работник культуры Чувашской Республики Николай Ларионов. Поэты прочитали стихи и подарили району свои книги.

Члены Союза писателей России Н. Ларионов, В. Ерёмин, О. Даранова

Наша справка:

Посёлок Сурское основан в 1552 году во время подготовки похода Ивана Грозного на Казань и первоначально назывался Промса. Позже селение было переименовано в Промзино-Городище. В 1928 году село стало административным центром Промзинского района и вошло в состав Ульяновского округа.

В 1931 году Промзино было переименовано в Сурское, а район – в Сурский район.

С 1943 года в Ульяновской области.

Статус рабочего посёлка – с 1944 года.

С 2005 года село стало административным центром Сурского городского поселения.

Фото Владимира Ламзина

Валерий ЕРЁМИН

РАЗГОВОР

Ты, внучок, говоришь, хочешь показать мне фильм про нашу Никольскую гору, так я уже смотрел, и газету видел, и читал. Только я тебе вот что скажу, всё это там изобразили, мягко говоря, не так. Почему? Ты вот послушай, что мне мой отец с дедом рассказывали. Откуда они знали? Так на этой земле у нас не одно поколение выросло. Они и в школе учились. А тогда Закон Божий был самый главный предмет. Так вот, в книжечке, что выпустила Русская православная церковь, отец с дедом мне говорили, было написано:

«В далёкие времена, когда река Сура была широкой и полноводной, а в густых лесах росли могучие деревья, недалеко от горы, которая выделялась среди холмов, стоял небольшой острог. Он был окружён частоколом и рвом. В остроге находилось русское войско, дружина, она охраняла земли в округе от набегов степняков.

И вот однажды их многочисленное войско подошло на правый берег Суры. Пришли поздно вечером и сразу переправляться не стали. Решили рано утром. Перед рассветом начали готовиться. И вдруг они увидели, как на горе появился воин-всадник на белом коне. Он привстал в стременах и, выхватив из ножен меч, высоко поднял его над головой. В этот миг от меча пошло такое сияние, которое своим светом ослепило вражеское войско. Враги пали ниц и закрыли головы руками. Иноверцы взмолились о пощаде. Мыслей о переправе у завоевателей уже не было. Вскоре всадник и сияние исчезли. Враг отступил, но решил узнать, кто таким образом защитил русские земли и людей. Переправили лазутчиков. Те пришли в острог и стали расспрашивать о явлении на горе. Но, к их удивлению, никто из дружинников его не видел. Тогда воевода, быстро со-

брав дружину, сев на коня направился на гору. При подъёме на склоне горы, конь воеводы, вдруг споткнувшись, упал на колени. Подоспевшие на помощь воины увидели перед собой каменную икону с изображением старца, который в левой руке держал православный храм, а в правой – меч. Это был божий угодник и чудотворец святой Николай. Икону внесли на гору и стали рассматривать и молиться на неё. И все поняли, что явление было не одно. А явился, как уяснили для себя воины и защитил русские земли и народ, Георгий Победоносец, покровитель русского воинства, а Всевышний дал ещё в дар икону святого Николая в назидание: если люди православные будут ходить в храм и будут молиться святому Николаю, то получат защиту. И в это время недалеко от горы, которую после чудотворного явления стали называть Никольской, в лесу появились и забили святые источники. Один из них называется Георгиевский, где Георгий Победоносец воду испивал, чтобы сил набраться и коня своего поил, а другой – источник Казанской Божьей Матери. Мать Божья и святая вода – это ключ к жизни на Святой Русской Земле. А когда построили красивую церковь в Городище Промзино, то в ней стали располагаться три прихода: Казанской Божьей Матери, Георгия Победоносца и Николая Угодника Чудотворца. Здесь же поместили и явленную икону. А престольным праздником в Промзино – Городище стал Егорий».

И помолчав, добавил:

– Я вот думаю, что у нас на Промзино-Сурской земле столько Героев не зря, День Героев Отечества, он когда, он на наш престольный праздник, на Егория.

Светлана НЕФЕДОВА, член Российского Союза профессиональных литераторов.

Вот уже 8 лет я живу в Ульяновске и часто слышала от собеседников про Николину гору. И вот совсем недавно мне посчастливилось побывать на этом благодатном месте. Поездка в Сурское была организована 11 августа Общественной палатой города Ульяновска, Советом ветеранов и Университетом активного долголетия. В этот день православная Церковь отмечает день рождения чудотворца Николая Мирликийского.

НИКОЛИНА ГОРА – КАКАЯ БЛАГОДАТЬ!

Рано утром мы уже были у здания администрации города, куда должен был подойти автобус. Небольшие тучки собирались на небе, и было прохладно, в отличие от предыдущего, палящего зноем дня. Проезжая по дорогам области, любовались большими полями желтоголового подсолнечника, дышалось легко сельским травным духом. Ехали быстро, чтобы успеть на службу. Подъезжая к святому месту, уже издали увидели необыкновенную по размеру и высоте гору, а на её вершине – небольшую часовенку. Белая гора (как ранее её называли в Промзино) высилась среди небольших холмов и, кажется, упиралась в небосвод. Создавалось впечатление, что она плывёт вместе с проплывающими облаками.

Это великолепное видение напоминало что-то сказочное, былинное.

Автобус остановился на дороге, у подножия поклонной горы, и все мы отправились вверх к часовенке, где уже происходила литургия, а служил её сам владыка, митрополит Симбирский и Новоспаский Лонгин.

Подав записочки с именами о здравии и упокоении, мы приняли участие в богослужении. Особенным было то, что сюда прибыли паломники, которые несколько дней шли пешком к Николиной горе крестным ходом. Столько людей, почитающих святого, собралось здесь! Звучала совместная молитва Николаю Чудотворцу, который 500 лет назад в этом благодатном краю вступился за русское воинство.

Богослужение на Николиной горе

Много лет из уст в уста передается рассказ о том, как в давние времена к Белой горе подступило войско кочевников. Вражеские силы превосходили русское воинство. Днём враг не смог одержать победу. В полночь на вершине горы появился старец с мечом и храмом в руках, а рядом с ним восседал всадник на белом коне, и шёл от них такой свет, что невозможно было смотреть. Вражеские воины в страхе бежали с этой земли. Возликовали русские солдаты, узнав в старце самого Николая Чудотворца, а во всаднике – Георгия Победоносца.

Будем и сейчас молиться Николаю Чудотворцу и святому Георгию Победоносцу с несомненной верой в сердце.

Разные легенды ходили про эту поклонную гору. Некоторые утверждали, что на горе одной монахине была явлена икона Николая Чудотворца, и с ней русские воины одержали победу. И много лет икона хранилась в Никольском Городищенском монастыре, а потом, в советское время, икону изъяли, и она исчезла...

Ещё в те далёкие времена народ этой земли отличался своей силой веры, и Господь питал этот край целебной водой множества родников. Один из них находится под самой горой. Спускаясь по тропинке, можно заметить множество цветных лоскутков, платков, привязанных к ветвям кустарников, а некоторые уже вросли вместе с ветвями в землю.

Лоскутков не сосчитать, это надежды людей на исцеление, молитвенные просьбы. Вся гора усыпана маленькими меловыми камешками. Когда встаёшь на колени, очень их ощущаешь, а можно камешком нарисовать крестик на больном месте. По вере нашей нам и даётся! Некоторые люди усматривают на камушках образ Святителя Николая. А сколько лечебных трав здесь: цикорий, тысячелистник, подорожник, клевер... Собирай и заваривай на здоровье. Извилистое русло реки лентой ластится к горе, а за рекой бескрайние леса, раздолье взгляду – лечись красотой!

И это всё ты впитываешь под звон колоколов, под стройность церковных песнопений. Хоть мы приехали с опозданием, но, к счастью, успели принять благодать водосвятного молебна. Приложившись благоговейно к архиерейскому кресту, стали спускаться с горы. Рядом с дорожкой благоустраивается молитвенная лестница.

Кто-то здесь будет читать молитвы, поднимаясь по ступеням в гору – босиком или на коленях – всё по силам, по возможности.

Взяв посуду для воды, отправились к дальним родникам. Долго шли по лесной дороге, любуясь красотой леса. К самой дороге теснились душистые травы, земляничник, чёрные головки лесной ежевики. Наконец, небольшой спуск. Ухоженная площадка, где обустроены две трубы, да так низко, чтобы каждый набирающий воду человек поклонился родниковой водичке до земли. Вокруг площадки посажены красивые с тонкими, изящными веточками ивы. А вот и вход в купальни, а между купальнями место для молитвы – икона, большой подсвечник со свечами.

В двух шагах, пониже, снова площадка. Стоит голубая сень над старой беседкой.

Добротный иконостас со старинными выцветшими небольшими иконами. Русло этого родника пересохло, еле заметный ручеек струится по земле и бежит прямо к большому деревянному старому поклонному кресту. Прислонившись к кресту, чувствуешь, что слёзы благодати заливают лицо. Вот оно – намоленное место! Источник почти заснул, а благодать – на века! В прежние времена у святых родников молились старцы-странники, которые с приходом советской власти скитались в лесах.

Смотришь на старинные образа под сенью уснувшего родника и думаешь, что, возможно, когда-то здесь молился старец Василий Уреньский, возможно, когда-то освящал этот родник преподобный Гавриил Мелекесский. Много благодатных старцев было в нашем краю, святых подвижников, сохранивших веру.

Когда мы пребываем на святых местах, Господь открывает наши духовные очи. Как же мы должны благодарить Его за всё, что дарит нам Всевышний! Вот это и есть Господня Любовь!

Автобус набирал скорость, а мы всё оглядывались на Николину гору, которая плыла среди белых стай облаков, словно благословляя нас в обратный путь.

День нашей поездки был наполнен яркими впечатлениями и, несомненно, какой-то особенной благодатью. И хочется сказать: «Слава Богу за всё!»

Фото Татьяны Полововой

Светлана НЕФЁДОВА

Николина гора
В душе моей живёт.
Николина гора,
Как в небесах плывёт!

Над знойной тишиной
Часовенка стоит
И, кажется, душой
С Николой говорит!

Святой благословил
Спасенье этих мест,
Где чудо сотворил –
Стоит поклонный крест!

Он силу родников
Пролил на светлый край,
Молитвенный покров –
Небесная скрижаль!

Дорогой к небесам
Я просто покорён!
Там Божий ратник сам
Сияньем озарён!

Как дерзкого врага
Он чудом ослепил,
И стали берега
Стеной Господних сил!

Николина гора –
Какая благодать!
Живёт здесь на века
Святая Божья рать!

СУРСКОЕ. БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Фото Александра Соболева

ЦВЕТАЕВСКИЙ КОСТЁР

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Марина ЦВЕТАЕВА

8 октября в поселке Мирный Чердаклинского района Ульяновской области состоялся праздник, приуроченный к 130-летию со дня рождения Марины Цветаевой.

«Цветаевский костер» проводится в нашей области второй раз, и замечательно, что мирновцы заложили эту добрую традицию. Инициатор праздника - педагог, краевед Нина Ивановна Васильева. Идею поддержали и претворили в жизнь работники местной администрации, сотрудники библиотеки, клуба и местных творческих объединений.

В день рождения поэтессы на праздник под открытым небом собрались любители цветаевской поэзии. Возле беседки, украшенной цветами и алыми кистями рябины, выступали участники встречи, звучали поэтические строки Марины Цветаевой, песни и романсы на ее стихи.

В празднике приняли участие представители администрации Мирновского сельского поселения, заведующая Чердаклинской районной библиотекой Наталья Уресметова, преподаватель МОУ ДОД ДШИ № 2 п. Октябрьский Ирина Прокофьева, краевед Нина Васильева, участники Центра активного долголетия Чердаклинского района, а также гости из Ульяновска – члены Союза писателей России Ольга Даранова, Александр Дашко, Николай Ларионов.

Пусть крепнет и продолжается эта добрая традиция! Пусть горит цветаевский костер на щедрой ульяновской земле!

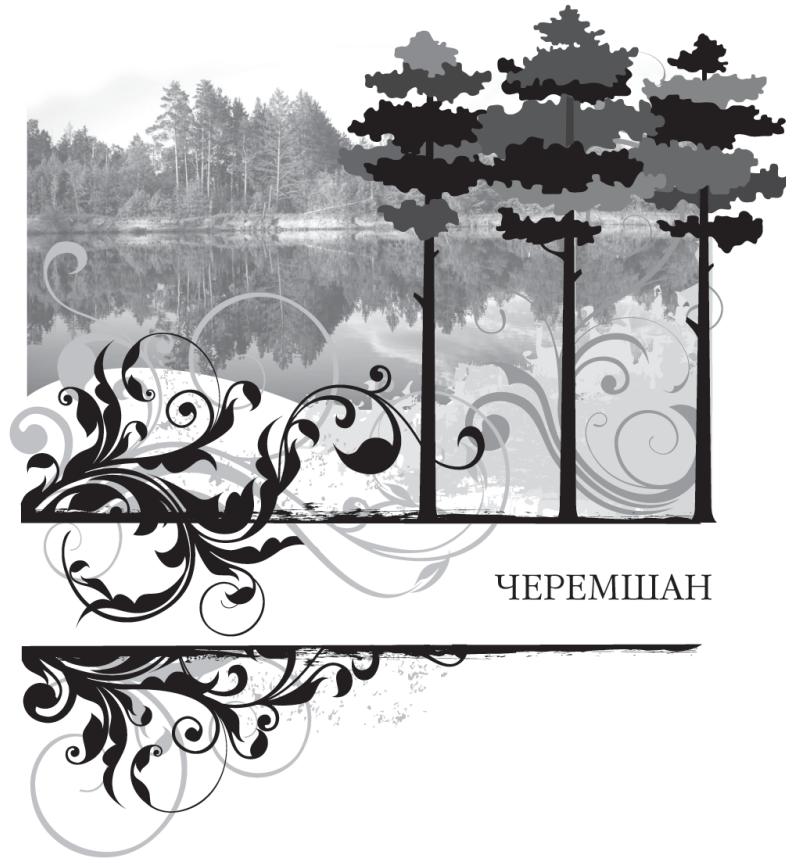
ПРОЗРАЧНЫЙ ДЕНЬ ОСЕННИЙ...

Фото Владимира Ламзина

Валентин МАНУХИН, член Союза писателей России, г. Димитровград.

ПОЖАР НА ДАЧЕ

Золотая осень... Ярким солнечным пламенем охвачены берёзы и огненно-рыжие клёны. Чудесная, красивая пора. Она настолько взволновала меня по возвращении с дачного участка у реки Черемшан, что я долго не мог заснуть, не мог расстаться со сказочным лесом и осенним садом. Сон бесследно исчез в этом пылающем море огня.

Душа радостно пела! Я лежал и мечтал...

И вдруг, словно чей-то голос начал мне тихо диктовать, образно рисуя чудесные картины дачного сада. Я взял ручку и стал записывать. Каждая строка рождала удивительные сцены. Воображение увлекало, появлялись всё новые и новые осенние зарисовки. Получалось подобие живописи с рифмованными поэтическими комментариями...

Утром, придя на остановку автобуса, я ещё был в плену у золотой осени. В ожидании автобуса с какой-то особой радостью повторял про себя записанные ночью поэтические строки.

Я так увлёкся своими мыслями, что от неожиданности вздрогнул, услышав грохочущий сбоку голос:

– Здорово, ё-моё! О чём задумался с утрачка?

Это был Гришка Бульгов – сосед по даче. Говорить с ним о поэзии – дело бесполезное. Художественные образы он создавал исключительно только матерным языком. Но настроение у меня было весёлое. И я решил поделиться с ним этим настроением, зажечь его душу красками осени.

– Да вот, срочно выходной взял – на дачу спешу, – объяснил я и вздохнул.

– Что-то случилось, ё-моё? – заинтересовался Бульгов.

– Да как тебе сказать, одним словом, – пожар на даче, – стараясь быть как можно серьёзней, проговорил я.

– Вот те хрен, а с ним и новость! – удивлённо воскликнул Гришка. – И что сгорело?

Может сейчас тот самый момент, подумал я, когда стихи сами помогут ему объяснить происходящее. Только как это всё преподнести, чтобы он наконец заметил окружающую осеннюю красоту? И хоть чуточку прикоснулся бы душою к прекрасному. И я рискнул.

– Понимаешь, сосед, дело не в том «что и как горело», а в том – почему горело.

Я стал шутливо, с жестами, как обычно рассказывают байки, неторопливо пересказывать стихами увиденные на даче картины осени:

Приехал на дачу –
Там осень стоит,
И листьями плачет:
Калина горит.

Открыл я калитку –
Ещё чудеса:
Там золото в слитках,
Как звёзды роса.

У яблони прямо
Не крона, а жар.
В малиннике пламя
трепещет – пожар!

Глаза винограда
На кистях горят.
И вправду – ну надо,
Огня полон сад!

Окрестность дымится,
Искрится листом,
Вот-вот загорится
Бревенчатый дом!

И лес, между прочем,
Багровым аж стал...
Ворона хохочет:
«А кто поджигал?»

Закончив, я стал с нетерпением ожидать реакции собеседника. Но Булыгов почему-то молчал. Потом закурил и озадаченно уставился на меня.

«Похоже, подействовало – размяк сухарь», – обрадовался я и облегченно вздохнул. Но, оказалось, рано праздновал победу.

– Не понял, твою мать. Ты чего мне вороной мозги канифолишь? Скажи прямо: домик цел или сгорел, и с моим что? Не тяни кота за хвост, – с нетерпением произнёс Булыгов.

Возникла неожиданная пауза. Я просто захлебнулся вопросом и был не в состоянии с серьёзным видом продолжать разговор. Волны смеха распирали меня и вот-вот выплеснутся наружу.

Придя в себя, я как мог спокойнее произнёс:

– Да домишки-то уцелели. А вот остальное – всё в огне...

– Ну это, японская мама, ещё полбеды! У моего кореша весной похлеще полыхнуло – от дома только, как говорится, головёшки да грёбаные рожки остались, – то ли посочувствовал, то ли по-соседски успокоил Булыгов.

– А у твоего дружка-то кто поджигал? – вяло спросил я, утрачивая всякую надежду на взаимопонимание.

– Слышь, сосед, ну ты даёшь, ёж в лепёшь – с сеновала нае...рнулся. Си-час, менты-пинты вам найдут и приведут сучьего сына! А хрен набекрень не желаете, сэр? Ждите, господа дачники! Уморил с ранья. Ха-ха-ха...

Булыгов сделал выразительный жест рукой и от души рассмеялся. Видимо, почувствовал своё превосходство в житейских вопросах. Но костёр моего интереса к беседе угасал, и я уже начинал сожалеть, что долго нет автобуса. Но нить разговора рвать всё же не стал.

– А зачем искать? Я знаю, кто виновник, – усмехнулся я, как бы давая сдачи его наставлениям.

– Кто? – недоумённо уставился на меня Булыгов.

– Осень...

– Кто-о? Уморил совсем. Ну, причём здесь осень, пива просим, ё-моё не твоё, – весело рассмеялся Гришка, дивясь моей наивности, – вот у корешка моего весной горело, а у тебя вот осенью. По твоему выходит, и зимой может полыхнуть? Кумекай, кумекай, да быстрее кукарекай – автобус вон рисуется.

– Обязательно полыхнёт зимой, – утвердительно произнёс я, – белым пламенем будут гореть наши дачи и, главное, ничего не сделаешь, не спасёшься от этого.

– Сплюнь, а? Вот вам: хвост конский, а нос японский! Шуточки у тебя, сосед. Твоя сволочная ворона, как пить дать, накаркает. Ну да ладно, давай, сосед, не тужи. Звони, если што – поможем «погорельцам», – шутливо попрощался Булыгов, направляясь к подошедшему автобусу.

Каждый раз, вспоминая этот забавный случай, я не обхожусь без улыбки. Но искренне сожалею, что не смог изменить, перекрасить чёрно-белое восприятие своего соседа по даче. Однако я очень благодарен Григорию за эту осеннюю встречу, за его «житейскую практичность и неординарные суждения» – иначе, и вероятнее всего, не появились бы и эти, продолжающие «гореть», осенние строки:

Дуб осень ругает –
Осинник зажгла,
И клён полыхает,
Искрится листва.

От пылкости кроны
Лес бросило в жар –
Лишь соснам зелёным
Не страшен пожар.

Лилия ЮСУПОВА, член Союза писателей России (с 1998 года). Жила в Ульяновске, училась в школе №7. Дочь поэтессы Л.В. Сабитовой (Идельбике). Окончила Казанский медицинский институт. Автор 16 сборников стихов, лауреат Литературной премии имени М.И. Цветаевой (2012). По профессии – врач, доктор медицинских наук. Живет и работает в Горно-Алтайске.

БАГРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

Уходит август со двора,
И по природному устою
Оделись снова деревья
В багряное и золотое.

И эти жаркие цвета
Милее мне, чем краски лета:
В них – пыл горящего костра,
И страсть любви, и свет сонета.

Но листопад не виноват
В моем сегодняшнем настрое –
Не он окрасил мой уклад
В багряное и золотое:

Когда бы не было тебя
В моей судьбе сегодня, милый,
Я б эти краски сентября
Опять меж пальцев упустила...

ЕЩЁ

Ещё стоим на рубеже,
Когда в речах – одни намёки,
Но дышат нежностью уже
Тобой написанные строки.

Внимая тайной ворожке,
Томлюсь нечаянным секретом.
О, я б поверила тебе,
Когда бы не был ты поэтом!

Но нам писание стихов
Порою просто упражненья:
Легко горят охапки слов
В огне ночного вдохновенья.

Вполне привычные дела:
Слова укладывать в куплеты,
Они – издержки ремесла,
Души разменные монеты.

Что делать, если наш удел –
Петь, оставляя души в муках.
...И ты, должно быть, не хотел
Сказать так много в этих звуках.

Я за грехи не осуждаю строго –
Нетрудно нам споткнуться на пути,
Когда ковром не устлана дорога,
А путь далёк и горек впереди.

О, если б за любые прегрешенья
В людей бросали камни каждый раз –
Боюсь, что не хватило бы камней
И не было б небитых среди нас...

СТАРУХА

Когда я встречаю её на дороге –
Согбенную, жёлтую, с вечной клюкой,
Едва волочашую старые ноги,
Я снова теряю надолго покой.

Такая во сне, не дай Боже, приснится –
Так в немощи жалкой страшна и стара:
Дрожащие пальцы, пустые глазницы
И кожа – иссохшего дерева кора.

В разбитых ботинках и ветхой одежде,
Где нет ни намёка на цвет и на крой,
Куда она путь неприкаянный держит
С буханкою хлеба – из дома? домой?

Я знаю, Господь, ты караешь и судишь
Людей беспристрастно за зло и грехи,
Но если меня ты хоть чуточку любишь –
От старости пасмурной убереги...

У памяти моей один секрет:
Хорошее хранит, плохое – нет.

Защита от врагов, заслон от бед:
Хорошего я жду, плохого – нет.

И верю всей душой, что мне в ответ
Хорошее придёт, плохое – нет.

НАПРАСНО

Напрасно дворник подметает
Усердно наш осенний двор:
Подует ветер – и слетает
С деревьев снова желтый сор.

Вот так и я – всё чищу душу,
За белизну её борясь,
Но дует ветер – и снаружи
Летит опять земная грязь.

Нам хитро внушают, что лира
О рифме должна позабыть –
Что будет поэзия мира
Верлибром теперь говорить.

Открылись заветные лазы
Для шулеров разных мастей –
И стали в цене выкрутасы,
Где нет ни идей, ни страстей.

Читаешь, а там как в кармане,
В котором распорото дно:
Где вместо больших ожиданий –
Сплошное расстройство одно...

ЛИХО

Не будили б российское лихо,
Не стреляли б в Луганск и Донбасс,
Мы бы жили спокойно и тихо –
В мире, дружбе и счастье – сейчас.

Но пугали враги, и грозили,
И сулили нам ядерный ад...
А сегодня у них от бессилья
И от страха коленки дрожат.

Скоро кончится эта шумиха.
По квартирам отправится рать.
Только эхо российского лиха
Будет долго по свету гулять...

ЗАКОН

Чтоб защититься от любого зла,
Законов было принято немало.
А я законом совести жила –
И одного закона мне хватало.
Хотя юристам он и не знаком –
Мы без него не можем сделать шага.
И все мирские кодексы при нём –
Лишь мёртвая и пыльная бумага.

* * *

Душа томится взаперти
Среди мирских преград,
Но мысли легкие мои
Летят куда хотят;

Их не удержишь на цепи,
Им не знаком запрет:
Для них открыты все пути
И целый белый свет.

Летят раздумья, как ветра,
Барьерам всем назло –
Послами счастья и добра
От сердца моего.

Пусть в суматохе шумных дней
Не слышен голос их,
Но вам становится теплей –
От тёплых дум моих...

НЕЖДАННОЕ СЧАСТЬЕ

*Когда что ни день – то проверка терпенья,
Уже не питаешь надежд на везенье,
И в серости этой чужое участие,
Как радуга в небе – нежданное счастье.*

*Придя без звонка и без предупрежденья
Оно принесло мне восторг и смущенье:
Нежданное счастье – дороже и слаще...
Заглядывай чаще, нежданное счастье!*

Светлана ГОРДЕЕВА, поэт, художник, журналист.

Родилась в с. Комсомольское Чувашской Республики, живет в г. Чебоксары. Окончила художественное училище в г. Гомель (Беларусь), Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Стихи и рассказы публиковались в республиканских и российских литературных журналах «Дружба народов», «Кольчугинская осень», «Нижний Новгород», «ЛИК», «Родная Волга», «Лили Марлен», «ЛиФФт» и других.

Автор 19 сборников стихов, 5 из которых – для детей. Автор восьми персональных художественных выставок.

НИТИ ТВОИ ЗОЛОТЫЕ

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА

И увидел во сне прикорнувший на камне Иаков,
 Что стоит на земле, упираясь в края облаков,
 Со ступенями лестница, что среди смыслов и знаков
 Связью неба с землей нарекли толкователи снов.

И сказал: здесь есть Бог, не оставит он души в печали.
 И по лестнице ангелы с неба спускались на твердь.
 В белоснежных одеждах, свечением ярким сияя,
 Так что больно от света на лестницу было смотреть.

Так Господь в утешенье дает нам сияние Слова
 И готов всех любовью окутать, понять и принять.
 И по лестнице можно подняться к подножью престола,
 Только встать на ступени нам надо и путь свой начать.

Только верить, что к свету ведет бесконечность ступеней,
 Продолжая упорно движение в небо и вверх,
 Отрекаясь от тьмы, от неправды, от тлена и тени,
 А сияния ангелов хватит, конечно, на всех.

Нам для счастья с тобой не хватает всего только шага,
 не хватает всего только слова на сжатых устах,
 а для шага – желанья любить, а совсем не отвага,
 ведь кто счастлив, тот прав, но не мне говорить о правах.

Нет у прав у того, кто всегда и во всем виноватый,
 кому легче все бросить и просто смотреть в потолок,
 только строгий судья, обвинитель, противник заклятый
 оставляют права на один самый важный звонок.

Не звоню, не права, провода не нужны для молчанья,
 отражается в небе прощальных лучей торжество,
 это то, что милее всего, что нарушит дыханье
 и от счастья замрешь, в небо глядя: и стоит того?

Ведь сама я запуталась в этой чужой антрепризе,
 а немые дожди вдруг сменила седая пурга
 и зима, входив в раж, засыпая дома до карнизов,
 забывая тепло, заметая забытое «да».

Ах, Белла Ахатовна, сад уж зацвел,
И Ваш гиацинт засиял между грядок.
О чем-то щебечет проказник щегол,
Галденыем грачи нарушают порядок.

Внезапно сорвавшись с карниза капель,
На мелкие искры в слезах разлетелась,
А помните, дождь и звенящий апрель?
Он был так прозрачен, в нем славно так пелось.

В нем – длинные ноги вечерних лучей
Ходили по кругу весеннего сада,
А солнце, прощаясь, ложилось в постель
На первой траве золотой за оградой.

За этот закат, за дожди и стихи
Оплаканы дни, остальное заплатит
Холодный ноябрь, и средь прочих стихий
Лишь верный Ваш дождь будет плакать и плакать.

Август – пророк, и поэт, и дождей повелитель,
Вспыхнет вдруг искрами астр, георгинов огнем,
Щедро одарит садов благодатных правитель
Яблоком румянцем, умытых вечерним дождем.
Кажется, будто земля от плодов разрешилась,
Нежно вздыхает, улыбкой блаженной маня,
Солнце разлито по саду, и чудо свершилось –
Яблоком августа благословляя меня.

Узнаю тебя, осень, по первым травинкам сединам,
Запоздалым цветам, что пытаются лето продлить.
Серый полдень, сентябрь, а точнее, его середина,
Солнце тянет сквозь тучу свою золотистую нить.

Этой нитью потом будут вышиты листья и травы,
Рукодельница осень освоила вышивки гладь.
Золотое шитье уже есть у кудрявой дубравы,
А потом для березок наряды пойдет вышивать.

Лишь бы только не кончились нити твои золотые,
До зимы все же надо деревья красиво одеть.
На осеннем балу все торжественно будет, красиво,
Будет ветер играть на органе деревьев и петь.

Чем бы наполнить мне чашечку чая?
Музыкой арфы, вращающей дом,
цветом тюльпанов, растущих по краю,
вспаханной грядки, дождём за окном.
Может быть, ложечку вздоха добавить?
Вздоха сирени, скучающей там,
где у забора я доску поправить
все обещаю прошедшим годам.
Вкусом весны я напиток наполню!
Буду веселой, и хватит грустить.
Дом мой родной, я скучаю, и помню,
и сохраню эту тонкую нить.

ПРЕДЧУВСТВИЕ АПОКАЛИПСИСА

13 февраля 2022 года перестало биться сердце самобытного поэта Владимира Жилкина. Когда певец и музыкант Сергей Лямин позвонил и сообщил печальную новость, мне вспомнилось стихотворение Александра Андрюхина:

*Умер поэт неизвестный, непризнанный,
Старый, больной, небогатый, неизданный.
Всё ничего... Всё потом... Всё уляжется...
Смерть и поэзия. Как-то не вяжется.*

*Таким поэт
был в юности*

Почти всё так, только до старости Владимир Жилкин не дожил, ему было лишь 47 лет. В 1990-х годах я напечатал его стихи в газете «Град Симбирск», и они, к сожалению, оказались единственной публикацией поэта. Родился он 7 марта 1974 года в селе Дмитриево-Помряскино Старомайнского района. Учился в местной школе, где труд и изобразительное искусство преподавал его отец Евгений Михайлович. А мама, Лидия Васильевна, работала экономистом в совхозе «Неверовский». По её воспоминаниям, Володя уже в начальных классах проявлял себя как творческая личность – много читал, писал прекрасные сочинения о природе, был маленьким философом. С детства он увлекался музыкой, научился играть на гитаре. Рано начал писать стихи, но печатать их не хотел и никуда не посылал. Его кумирами в те годы были Борис Гребенщиков, Виктор Цой, Владимир Высоцкий и Андрей Макаревич. А когда Сергей Лямин создал в Дмитриево-Помряскине вокально-инструментальный ансамбль, Владимир с большим удовольствием пел в нём и играл на гитаре.

Лучший друг его – гитара

После окончания школы Владимир Жилкин учился в Ульяновском культпросветучилище, но не смог его закончить, так сложились обстоятельства. Работал на приборостроительном заводе в Старой Майне, был опиловщиком фасонных деталей. После развала страны остался без работы, но продолжал увлекаться музыкой, писал стихи, ездил с концертами по сёлам Старомайнского района. В то время я и познакомился с ним, когда приехал в гости к Сергею Лямину. Потом пару раз заезжал к Жилкину домой. С трудом мне удалось уговорить его опубликовать стихи в газете «Град Симбирск», где я тогда вёл литературную страницу. Публикация всё-таки состоялась, с фотографией поэта и самыми яркими его стихами. Договорились напечатать ещё одну подборку, но больше он мне так ничего и не прислал...

С 1998 года жизнь его по состоянию здоровья ограничилась домом и садом. Лидия Васильевна вспоминает, что Володя называл сад своим лесом, так как в нём, кроме плодово-ягодных культур, росли ещё и берёзы, ели, ландыши. Поэт очень любил природу, простор и ветер. С годами заметно сократилось его общение с друзьями, а здоровье продолжало ухудшаться, и он скончался после тяжёлой болезни. Остались три толстых тетрадки его стихов, которые убитая горем Лидия Васильевна прислала мне, не зная, что с ними теперь делать...

Стихи Владимира Жилкина в большинстве своём тяжёлые, с философским смыслом. И совсем ма-

ло у него беззаботных стихотворений, таких, например: «Картошка, осень, калий-хлор, / Ты пишешь что-то, я скучаю, / Нарядный, жёлто-красный двор – / Как трогательный торт к чаю». Или насмешливо-иронических: «Герр Штудтгартен писал роман, / Сэр Джессет пил коньяк, / А дед Василий драл баян, / Чтоб распугать собак». И ещё из этой серии: «Зимний вечер, встреча с тайной, / За окном – холодный мрак, / На плите бормочет чайник, / В телевизоре – дурак». Поэт задавал себе многие вопросы, на которые пытался отвечать стихами: «Чуть двинешь стол рукой, и вот / Вопрос всей плоскостью неузкой / Лежит, как обнаглевший кот, / Между бутылкой и закуской». И настроение уже менялось со светлого на тёмное: «За что люблю? – За серый цвет лица, / За злобный взгляд, нелепую походку, / За то, что некрасиво пьёте водку / И что-то скучно врёт без конца».

Вынужденное одиночество порой рождало в душе поэта мистические образы, и он признавался в стихах: «Ломаных линий оборотень / Хочет мне что-то сказать». Возможно, что это: «Ночь – во мне, ночь – вся моя семья, / И безумие скребётся под окном, / Как собака, жалобно скуля, / Просится в разрушенный мой дом». А многие стихи Владимира Жилкина – как предчувствие апокалипсиса: «Я всё смотрю в чужие зеркала, / Не видя ни теней, ни отражений, / Лишь только лёд холодного стекла / Как памятник великих поражений...» Или ещё трагичнее: «От чёрной истины, от боли душевной, / Когда выкипленный стынет разум, / Процесс моего саморазрушения / Удесатеряется разом...» И ещё одно предсказание: «Июнь, жара, предчувствие войны / И раскалённые, как сковороды, крыши...»

Жить с такими мыслями трудно, особенно когда не с кем ими поделиться, кроме заветной тетради. Отсюда рождались и размышления о смерти: «Поступь века-командора, / По костям грохочет медь: / Станный город, страшный город, / Я хочу в нём умереть». И на ту же тему – о новом зловещем веянии времени: «И что-то ещё в движении соков, / Когда, обращая к солнцу лица, / Из окон и с крыш городских высоток / Слетают, как птицы, самоубийцы». В своих стихах поэт не питает оптимизма, что человек исправится: «Проснувшийся с желанием восстать / Вновь по привычке встанет на колени...» Но всё же даёт полезный совет современникам: «Всё, тебе ненужное теперь, / Выброси или раздай прохожим... / Уходя, оставь открытой дверь, / Чтоб не быть ни на кого похожим».

В подборке стихов Владимира Жилкина, которым он не любил давать названия, – лишь небольшая часть из его философских поэтических тетрадей. И поэт оставляет нам, как завет, свои простые и мудрые строки: «Перед временем все равны, и да будет благословен / Тот, кто грустно глядит из окна на мерцающий Млечный Путь».

*Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед*

Владимир ЖИЛКИН

МЕЖДУ ЧЁРНЫМ И БЕЛЫМ ЕСТЬ КАКАЯ-ТО СВЯЗЬ...

В моих руках котёнком дремлет воздух,
Свернувшийся в клубок,
И в небе ослепительные звёзды
Пьют виноградный сок.

Шумит камыш, в дугу дерева, песни
О том, как мы цвели,
С пакетом срочным мчит Блудливый Вестник
С той стороны земли.

Оваций гром, Великий Врун на сцене,
Я лично с ним знаком...
Туман лежит с собаками на сене,
Белея молоком.

И дом с трубой, и тихой ночью поздно –
Твой нежный голосок,
И на руках котёнком дремлет воздух,
Свернувшийся в клубок.

Каждый в сем мире несёт свой крест:
Кому – кипарис, а кому – осина...
Может быть, это естественно здесь,
Но смотреть на всё это не-вы-но-си-мо.

Только слепые имеют шанс
Выжить в этом чудовищном мире,
Чтоб относительное сейчас
Вновь превратить в истории гирю.

И на невинных своих детей
Тысячелетья кровавого смрада
Повесить в сгущающейся темноте
Привычного и дорогого ада.

Поскольку мною жизнь поделена
На грех ума и сердца искушенье,
Безумие здесь – не сойти с ума,
И преступление – не преступленье,
А следованье слепо за слепцом,
Не видящим ни света, ни дороги:
Всё в руки сына отдано Отцом,
Шалют, как дети маленькие, Боги.

Отзвездело, накинудись птичьи своры,
Тишину растерзали в пух и перья...
На мгновенье зевнув, проснётся город,
В наступление дня ещё не веря.

Как явление Христа народу – солнце,
Придавая видимость смысла, взмыло
В небо и там беззаботно смеётся,
Заливаясь светом, над тем, что было.

Собаться с мыслями и целый день молчать,
Смотреть друг в друга пристально и нервно –
В зеркальную сверкающую гладь,
Что так не прочна, зыбка, эфемерна.

Глаза в глаза – провалы чёрных ям,
Беззвучный ужас, ласковый и близкий,
Оставить за чертой досадный хлам
И сделать шаг сквозь огненные брызги.

В ту глубину без меры и без дна,
Где воедино собраны все роли,
Где я не знал, что ты – начало сна,
И я не знал, что я – начало боли.

Октябрь за стеклом туманным
Затих, и тишина светла...
Уныл закатом осиянный
Пейзаж на плоскости стекла.

По саду гость вчерашний бродит
С травинкой в замшевых перстах
И, размышляя о природе,
Природу обращает в прах.

Летят усталые минуты,
С ветвей слетает листьев рой,
Кровавой бородой Малюты
Закат сгорает за горой.

Но вот уже потухли краски,
Излом стекла метнулся прочь,
И со всего срывая маски,
На землю опустилась ночь.

Летом жарко, летом душно,
Мухи сохнут на лету,
И до судороги скучно
Длинношёрстному коту.

Куры, растопырив ноги,
В полуоблачной пыли
У обочины дороги
Окопались как могли.

Выгорают, вянут листья
У берёзы под окном,
И философ мрачный злится,
Сатанеет – допекло!

Бродят дачники по саду,
Все с сачками и в очках,
И ни ветра, ни прохлады,
Даже тени ни клочка.

Воздух плавится от зноя,
Растекается свечой,
После майского запоя
Наступил закон сухой.

Солнце светит, солнце греет,
Солнце жарит и печёт,
Лето тлеет, лето млеет,
Лето любит горячо.

Голый мальчик на скамейке –
Закопчённый, как матрос –
Поливается из лейки,
Издевается: «Замёрз!»

Холодильник дверью лязгнул,
Лёд в бокале захрустел:
Как бы в нём бы я сейчас бы
Оказаться бы хотел.

Что дальше? Дальше – тишина
В уютном кресле в полнолуние,
Где справа – белая стена,
А слева – чёрная колдунья.
И улыбается змея,
Свернувшись на моих коленях...
Строка из Книги Бытия,
Развеившая все сомненья,
Беззвучно улетела, чад
Свечей громовых делал воздух
Похожим на миниатюрный ад,
В котором растворялись звёзды.
И ход медлительных часов
Не предвещал желанной встречи,
Я умирал без голосов,
Я умирал, ко мне на плечи
Ложились руки старых шлюх,
Глухонемые хороводы,
Беззубых сонмище старух
И похотливые уроды...
Всё кончено... И тишина...
В уютном кресле... В полнолуние...
Где справа – белая стена,
А слева – чёрная колдунья.

Чую я что-то страшное,
Чую я что-то жуткое,
С чем всё плохое вчерашнее
Глупой покажется шуткою.

Реки страданий – лужами,
Тонны проклятий – граммами,
Бомбы – простыми ружьями,
Изверги – хулиганами...

Звуки молитвы стылые,
Руки похолоделые:
Люди, мои вы милые,
Что ж это вы наделали?

Из жизни дождей и безумных поэтов,
Бродячих певцов о любви
Я смог уяснить, что *неясное это*
Исходит от грешной земли.

Неясное это – забавная штука,
Зовущая в светлый полёт,
Стрелу вдохновенья звенящего лука
Усилие в небо пошлёт.

Неясное это возникнет из праха
Когда-то мной прожитых дней,
Неясное это без боли и страха –
В распахнутом настезь окне.

Я пропитался злобой дня,
Ничтожной, некрасивой злобой,
И, проклиная и браня,
Утрачиваю дар особый
В освобождённой тишине
Творить миры из слов и звуков,
И бесконечно стыдно мне
За приумноженную скуку.

Сказал, когда сковало синью силы,
Когда уже ни пелось, ни пилося:
Жаль, ни минуты не жил я в России,
И на Руси мне жить не довелось...

Обломали баламута,
Уболтали дуболома,
Улыбаясь долбануто,
Лили облако с балкона,
Баловались беладонной,
Альбиносом саблезубым,
Отбивали лбом ладони,
Волшебство любили, грубо
Блудодействие обличали,
Лебезили, бедолаги,
Блюда хлеба и печали
Облачали в боль и благо.

Между чёрным и белым
Есть какая-то связь,
Но слова между делом
Превращаются в грязь.

И чернеет икона,
А лампадицы глаз
Освещают её нам,
Но не трогают нас.

Душа – перпетуум мобиле,
Закованное в тело,
Стена с портретом Нобеля,
Где всё осточертело.

Мечта больного гения,
Храм смерти и свободы...
Во имя Воскресения
Спаситель канул в воду.

Что ни лето – то жара,
Что ни осень – дождик:
Из волос его, зараз,
И петля, и вожжи.

Гонит время облака –
Все из хлебной браги,
Облаков напьюсь пока
Допьяна, до драки.

Всё оставлю на потом,
А сейчас в угаре
Погрожу я кулаком
Зазеркальной твари.

И в перины мутных луж,
Как на грудь любимой,
С тихим вздохом опущусь,
Крутанусь на спине.

Да из грязи в небеса
Песню заору я...
Вот тоска моя, краса,
С ней я озорую.

Застыли времени капли воском
На досках стола, за которым жили
Большие страшные тени, плоско
Лежащие над покрывалом пыли.

Качалась маятником злая скука
Условных линий и точек зренья,
Хотелось действия или звука,
Но что быть может статичней лени?

И стороною летела буря,
Все крыши мира бесшумно руша:
Она прекрасна была до дури,
А я до одури был бездушен.

Казалось, сломленную иглою
На граммофонной пластинке шорох
Едва-едва, но её игрою
Я любовался в вечерних зорях.

И как давно же всё это было,
И как же это всё было глупо,
А время каплями воска стыло,
Чуть прикоснувшись к ладоням трупа.

В холодном мраке полураспада
Свеча, потрескивая, горела,
И кто-то сзади стоял крылатый,
На тело глядя оторопело...

Смрадный воздух, чёрный снег,
Мне не нужен яркий свет...
Мрачный город, серый дом,
Дохлый ворон под окном,
На помойке воробьи,
Эти мысли – не мои.
Тело лижет боль души,
Тело слышит крик: «Дыши!»,
Но дышать уж нету сил.
Вот и умер, как не жил...

Я – моллюск в своей раковине,
И когда я уйду,
Вам останется только
Игра перламутра на створках...

*Подборку составил
Николай МАРЯНИН*

Александр ГУСЕЙНОВ (1944–2016)

Родился 2 февраля 1944 года в селе Софийское Ульчского района Хабаровского края, в тяжёлое военное время в семье служащих. Там провёл первые годы своей жизни. В 1947 году вместе со своей мамой переехал на её родину в город Горький. Прожили там около четырёх лет. В начале пятидесятых годов семья обосновалась в Ульяновске. Здесь Александр окончил среднюю общеобразовательную школу и автомеханический техникум с отличием. В 1972 году женился. 5 февраля 1973 года родилась единственная дочь Елена. Много лет работал инженером-конструктором на Ульяновском автомобильном заводе. Способности к стихосложению обнаружил у себя в сорокалетнем возрасте. Публиковался в заводской газете «За коммунистический труд» (впоследствии «Панорама УАЗ»), участвовал в конкурсе стихов и гимнов, посвящённых Ульяновскому краю. Был приглашён для участия в телепередаче, где рассказал о своём жизненном и творческом пути. В молодые годы увлекался фотосъёмкой, игрой на гитаре. Любил проводить много времени в библиотеке за чтением публицистической и художественной литературы, путешествовать по городам России. Скоропостижно скончался 12 октября 2016 года.

ПОТОМУ ЧТО Я СЕРДЦЕМ ПИШУ

Симбирск купеческий открыт семи ветрам.
О, край отеческий, ты с детства дорог нам.
Родная Волга – матушка река,
К тебе любовь России велика.
Собор и церкви! Блеск и купола!
Сам Бог смотрелся в вас, как в зеркала.
Монастыри и колокольный звон,
Когда же вы досмотрите свой сон?!

Там, где берег крутой,
Там и дом отчий мой,
Там и детства лазурные сны.
Белой чайки полёт
Сердце в юность зовёт
И в объятия вечной весны.

Война прошла, казалось, стороной,
Но над веками спящей стариной
Зарницы той войны отозвались,
И по погибшим стелы взмыли ввысь!
Мой город стал мне другом и судьбой,
И где б я ни был, он всегда со мной,
Пока он есть, то значит, есть и я!
Здесь отчий край, здесь Родина моя!

Висками убелёнными,
Желтеющими клёнами,
Ты к нам приходишь исподволь –
Не скрипнет даже дверь.
И только волос в проседи
Напомнит нам об осени,
И скажет, что немолоды
И мы уже теперь!
Кленовый лист откружится,
Ночь декабрём завьюжится,
И станут дни короче все,
А ночи всё длинней,
Что будет, то и сбудется,

И пусть любовь остудится,
Но самое прекрасное, что помнится, – о ней!
Из города бетонного,
Из тысячеоконного,
Уйду туда, где молодость
У прошлого в плену!
По тишине, по праведной
Пройдусь тропинкой памятной,
И с берега высокого
На молодость взгляну!

Ты – песня сердца! Ты – Премьера!
Восторг души и свежесть роз!
Ты грусть и радость! Ты – Венера
В краю есенинских берёз!
Твой шаг – полёт! Твой голос – лира!
О, если б только бы я мог!
Я бы сорвал все розы мира
И у твоих сложил бы ног!
Непредсказуема, ранима,
Стройна и на ногу легка,
Ты от любви неотделима
Во все, о Женщина, века!

ВЕСНА

Ну, вроде бы все отпустили морозы,
И женщины спешно снимают меха,
И воздух пропитан весной, и от прозы
Всё больше к лирическим тянет стихам.
И солнце лучисто, и небо безбрежно,
И возле ручьёв, как всегда, детвора,
И где-то несмело раскрылся подснежник,
И вроде о женщинах вспомнить пора.
Согреть их вниманьем, утешить заботой,
Согнать с их лица набежавшую тень,
Забывать и простить им обидное что-то
И сделать счастливыми, пусть хоть на день.

* * *

Вы снова мне явились ночью,
И вновь на сказочном коне.
Тумана дымчатые клочья
Вам устлали путь ко мне.

О, как я рад был этой встрече!
Как рад, что снова вижу Вас!
И падал звёздный дождь на плечи,
Искрясь в озёрах Ваших глаз!

И пусть я пасынок Фортуны,
Но счастье вновь явилось мне,
И в сердце тронуло все струны,
Промчась на розовом коне!

Ну, что нам век автомобилей,
Стекла, бетона и антенн?!
Мы ищем край цветущих лилий
И белых, белых хризантем!

* * *

Я был фанатом от «битлов»,
А стал поклонником романса,
Моя душа просила слов
Эпохи свеч и дилижанса,
И мне б туда, где, что ни шаг, –
Любовь, дуэль и посвист шпага!
Где скрип седла, Булонский лес,
Где Нотр-Дам и Бержерак,
Где в маске смерть наперерез –
«и весь в черёмухе овраг!»

* * *

Ах, годы, годы! Кони – звери!
В погоне, что ли, вы какой!
Несётесь, будто ошалели,
Под посвист плети роковой!

Пути Господни этой трассы
Сулят крутые виражи,
И колокольчики романса,
И крик возвышенной души!

О, время, время! Птица-тройка!
Быстрее тебя на свете нет!
И как же ты несёшься бойко
По склону наших бранных лет!

И пусть на пройденные вёрсты
Не повернуть уже коней,
Они в душе моей – как звёзды!
Как маяки минувших дней!

* * *

У меня как-то Осень спросила,
Осыпая кленовую грусть:
«Где ты ищешь слова? Что за сила
Тянет выучить их наизусть?
Если ты мне ответишь красиво –
В бабье лето тебя приглашу!»

Я погладил ей жёлтую гриву:
«Потому что я сердцем пишу!
Потому что на лето похожа
Та, чьи волосы в спелую рожь!
Потому что Любовь – это всё же
И не грех, и не сладкая ложь!

Эти чувства сродни чуду света
И зовут подойти к алтарю!
И пока моя песня не спета,
Только ими горел и горю!»

Галина АНИСИМОВА, член Союза писателей России.

КЛИН КЛИНОМ...

КЛИН КЛИНОМ

Говорят, клин клином вышибают.
Клима – Климом. Мне не удалось.
Часики песок пересыпают...
Сердце на обман не повелось.

Я коней меняла, переправы,
заклинала горе, как волхвы.
И старалась, видит Боже правый,
выкинуть тебя из головы...

Белой ниткой штопала надежду,
толковала горестные сны,
проживая промежуток между
летом и отчаяньем весны.

Пряталась иголкой в стог сена,
убегая от себя самой.
И, надев улыбку манекена,
оставалась всё ещё живой...

В самый тёмный час – перед рассветом –
я мечтаю птицею кружить,
и, раскрасив сумрак белым цветом,
радугу на ноты разложить...

Сирин мне поможет отрешиться,
Гамаюн о прошлом не соврёт,
Алконост – заботливая птица –
память ненавязчиво сотрёт...

ЧТО БЫ НИ БЫЛО – БЫЛО ЛЕТО!

*Каждый миг – передозировка
на все оставшиеся времена.
Егор Летов*

Воздух сжат, и закат фиолетов,
и готовит сентябрь западню
из красивых – до боли – рассветов,
предавая всю память огню...

Я достану осенние краски,
но раскрашу надеждою грусть.
Ведь бывают и зимние сказки,
я их помню, как ты, наизусть...

Обнулили. На прошлое – вето,
и без разницы – ноль или нуль!
Что бы ни было – было лето,
я и ты, и шальной июль...

ПРОСТОЙ СЮЖЕТ

Давно томит меня один сюжет:
живут – до тошноты – благочестивы,
не вместе – миллион песочных лет,
но жизнь свои привносит коррективы.

Она – само смирение и свет,
а он – добропорядочный Лойола...
Нечаянный звонок, письмо, ответ.
И замер мир двоих на грани фола...

Насмешка неба: выверен сюжет,
все имена героев – на афише.
Но прошлое – досадный рикошет.
И жизнь теперь свои романы пишет...

Четверть века прошло,
что мы скажем при встрече друг другу...
Помнишь вечер последний?
Январский закат холодел...
Ты ушёл, не прощаясь, в холодную серую вьюгу
и тебя закрутил серпантин нескончаемых дел.

Нам казалось, что мы так мудры,
независимы, правы...
Что живём, зачеркнув то,
что каждый забыть захотел.
Но без нас небеса
нам возводят мосты-переправы.
И твой ангел-хранитель уже к моему прилетел...

ОСЕНЬ

Подарило мне время отсрочку...
Несмотря на избитый сюжет,
рано ставить в истории точку,
даже пуля даёт рикошет

и надежду на вечное: если...
И возможность сюжет исправлять.
Наши летние дни не исчезли,
просто в осень ушли погулять.

Мне б запомнить огонь бересклета,
паутинок прощальную нить
и сентябрь – послевкусие лета –
до морозов в душе сохранить...

А У МЕНЯ СЕНТЯБРЬ УЖЕ В ДУШЕ...

А у меня сентябрь уже в душе...
Мне август месяц априори вреден.
Букет из листьев цвета старой меди
по-новому прекрасен и победен
и неподвластен времени клише...

Мой камертон настроен на печаль.
Куда ни устремляйся, ни прибежешь...
Но объявление о задержке рейса
обманывает призрачным «надейся»,
минутой у любимого плеча...

Застыла. Ни мертва и ни жива.
Прощанием и расставаньем – между –
примеривая белую одежду,
ещё мерцает-теплится надежда...
Но понимаю: тщетны все слова...

КОНЕЦ СКАЗКИ

Я пришла из неправильной сказки:
я – изменчивость, взбалмошность, грусть.
Я – упрямство. Без всякой подсказки
ты запомнишь меня... наизусть.

Я царевна, но не Несмеяна,
я смеюсь и прощаю грехи.
Из репейника, мари, буряна
вызволяю цветочки-стихи...

Над тобой лишь смеяться не смею
и тяну Ариаднину нить.
Нахожу тебе Кассиопею.
Обещаю писать и звонить.

Расскажу тебе новые сказки,
от напастей любых заслону.
Неприкрытая нежность, без маски.
Только больше я... не позволю.

АССОЛЬ

Корабль ушёл. И паруса
сменили. Алые на белые.
И не упали небеса...
Застыли, как окаменелые.
Кричали чайки поседелые,
в порыве паники храбрея,
и замолкали ослабелые...

Ассоль оплакивала Грзя.

РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

(Продолжение.)

Начало см. «Симбирскъ» №6-2021, №1-2022, №2-2022, №3-2022, №4-2022)

Заметки провинциала
Журнальный вариант

Прекрасный наш язык способен ко всему...
Александр СУМАРОКОВ

*Дар поэта ласкать и карябать,
Роковая на нём печать...*
Сергей ЕСЕНИН

Ты написал много букв; ещё одна будет лишней...
Иосиф БРОДСКИЙ

Недалеко от Тарту находился небольшой городок Эльва, который имел репутацию курортного города. Скорей всего, это было преувеличением: жилые постройки обрамлял сосновый лес, а в черте города находилось небольшое озеро. Только и всего.

Однажды в начале лета в воскресный день мы с семьей поехали в Эльва позагорать-искупаться. В пригородном дизельном поезде напротив нас сели две девушки, сестры и, как оказалось, знакомые моей супруги.

– У нас тут грядки, – пояснила одна из попутчиц, махнув рукой вперед по ходу поезда.

В общем, они ехали поливать свои грядки с овощами.

Жена уже рассказывала мне про этих девчонок. Они из семьи репрессированных эстонцев, которых выселили за Уральский хребет в конце 1940-х годов. Не так давно девочки вернулись на историческую родину. По-русски говорили чисто, по-эстонски кое-как.

Пока ехали, *трепáлись* ни о чем, а дальше почему-то заговорили про их возвращение, про впечатления от родных мест. Неожиданно младшая сказала:

– В Сибири живут люди хорошие, а здесь одна *шúшера* – что эстонцы, что русские...

Лозунги перестройки:

- ускорение (чего?);
- демократизация и гласность;
- экономические и политические реформы;
- новое политическое мышление.

Пустые, в общем-то, слова. А на другие Горбачев не был способен...

В Эстонии выходили республиканские газеты на эстонском и русском языках большого, «правдинского» формата: *Rahva hääl* («Голос народа»), «Советская Эстония», «Молодежь Эстонии», «Вечерний Таллинн». Но самой популярной была не республиканская, а тартуская городская газета *Tartu Postimees* («Тартуский почтальон»). У этого еженедельника был самый большой тираж, его читали во всех городах и весях Эстонии, именно эта газета оказалось рупором происходящих политических перемен, разумеется, с обильной националистической *присадкой*.

Прочитал в какой-то газете: «*Мероприятие* – это несостоявшееся событие».

Весной 1989 года в актовом зале главного здания Тартуского университета проходила встреча с читателями поэта Давида Самойлова, который к тому времени стал жителем Эстонии, в городе Пярну они с женой купили небольшой домик.

С удовлетворением замечаю в зале нескольких учеников нашей школы. В свои неполные 70 лет Давид Самойлович передвигается уже с некоторым усилием, поэта сопровождает супруга, поддерживает его под локоть. Он читает лучшие свои стихи: «Сороковые, роковые...», «Перебирая наши даты...», «У зим бывают имена...», «Была туманная луна...». Я захватил с собой книжечку стихов «Линия руки» издательства «Детская литература», 1981. Черной капиллярной ручкой (я таких еще не видел) Давид Самойлович сделал на форзаце лаконичную запись: «На память. Д. Самойлов. 12.05.89».

Я помню...

Слово «*лимон*» (так называли миллион в середине 90-х) содержало в себе явно выраженный модальный компонент. То есть это числительное и в то же время насмешка над таким числительным (осмеяние «миллиона» рублей, на которые мало что можно было купить). А еще – горькая насмешка народа над непутевыми «прорабами» перестройки.

Нет больше Советского Союза. И сразу паника среди эстонских и русских коммунистов: Ельцин своим указом распустил Компартию РСФСР, а прибалтийские политики нового призыва сделали то же самое. Быть коммунистом стало непрестижно. Недавние преданные делу коммунизма партийцы тут же придумали уловку и стали кричать на всех перекрестках:

– Я для того и вступал в ряды КПСС, чтобы разложить эту гнусную партию изнутри...

«Художественный текст всегда авторский. Бытовой язык нередко анонимен: мы походя проговариваем фразы, которые до нас произносили разные люди миллионы раз и которые ушли в *почву языка*...

Никакого конечного понимания текста нет и быть не может – причем как для автора текста, так и для того, кому текст адресован»¹.

Почему-то прежде всего в новоявленной (или возрожденной) Эстонской республике реформировали профсоюзы. У педагогов школ появились сразу два профсоюза: один для учителей, другой – директорский. У преподавателей вузов тоже сформировался свой профсоюз.

Самым сильным, напористым и пробивным оказался учительский профсоюз, который сразу же добился *значительного* повышения зарплаты своих членов. В начале 90-х учителя в эстонских школах получали раза в полтора больше работников высшей школы – кандидатов наук, доцентов.

Мороз, солнце, арабески на окнах... В декабре 1992-го, в самом начале рождественских школьных каникул, Ю.М. Лотман читал лекции учителям-словесникам русских школ города Тарту. Занятия наши проходили в просторном классе на первом этаже тартуской четвертой средней школы. Слушателей собралось немного: кто-то отпросился, чтобы зубы подлечить, кто-то уехал к родственникам, кто-то заболел. Ничего удивительного: человек, живущий на соседней улице, едва ли воспринимается нами как пророк...

Начиная говорить, Лотман намеренно растягивал слова, постепенно подходя к такому темпу речи, при котором артикуляция была бы достаточной (профессор слегка заикался). Прежде всего, он озвучил мысль своего учителя Г.А. Гуковско-го: уметь читать по-русски – это одно, а уметь читать на языке образов русской литературы – совсем другое... И дальше Лотман огласил девиз, которому, по его мнению, должен следовать учитель словесности: «Раскрыть текст!». И начал разговор о гоголевских «Арабесках».

В перерыве я повел Юрмиха в столовую, расположенную в полуподвальном этаже школы. Меню в тот день было такое: макароны по-флотски и тарелка творога, залитого густым киселем из сухофруктов (обычный завтрак в школах Эстонии: второе блюдо плюс десерт). От макарон Лотман отказался, и вездесущая подавальщица тетя Дуся Кузьмина принесла ему сладкое в глубокой суповой тарелке. Мне есть не хотелось, и я сидел напротив, что-то там говорил.

Юрий Михайлович был не в духе – возможно оттого, что малознакомый человек не то чтобы делит с ним трапезу, а просто сидит и наблюдает, как тот ест. А ел он неопрятно. Пышные седые усы то и дело оказывались испачканными то творогом, то киселем. К тому же попадающийся в киселе изюм, как нарочно, оказался с косточками, которые волея-неволей приходилось как-то выплевывать и даже выковыривать из зубов. В общем, у Юрмиха окон-

¹ Гаспаров Борис Михайлович, профессор Стэнфордского, Калифорнийского в Беркли, Колумбийского университетов. Из лекции, прочитанной 11.10.1991 в Тартуском университете.

чательно испортилось настроение, и он, не доев, устремился прочь из столовой...

Меня никогда особенно не тянуло к педагогической деятельности. Я окончил пединститут, потому что в Ульяновске не было других гуманитарных вузов, потом работал в школе согласно *распределению*. И сейчас я – завуч, нет других вариантов. Но вдруг произошло непредвиденное: в Эстонии я встретил людей, которые всецело отдавали себя *любимой* педагогической профессии и – что очень важно – получали от этого удовольствие! Они заразили меня своим энтузиазмом, я понял, что работа с детьми дает большие преимущества: дети мало связаны с *настоящим*, поскольку нацелены в *будущее*.

Эти люди представляли собой «группу товарищей», которые были увлечены идеей создания новой русской школы в Эстонии. Среди них оказались и москвичи, и местные. Нашим несомненным лидером была Эльза Робертовна Гречкина – министр образования ЭССР, кандидат педагогических наук. Она сколотила инициативную группу, добилась открытия Русского института при республиканском министерстве образования. Из Тарту в эту группу входили двое: учитель школы №6 Лилия Алексеевна Алексина и я. Также там были молодые педагоги из Кохтла-Ярве, сотрудники министерства, учителя и руководители таллинских школ...

Став полноправным членом «группы товарищей», я обнаружил, что абсолютно раскованно, без малейшего зажима, стал чувствовать себя в школьном классе. Это привело к тому, что я отказался от строгих пиджаков и стал носить мягкий джемпер. Мне даже ботинки мешали: хотелось ходить по классу в домашних тапочках...

Как-то ночью в корпусе общественных наук Тартуского университета (всего комплекс университетских зданий включал более сотни построек) случилось вероломство: на одной из дверей сняли табличку «Кафедра научного коммунизма» и повесили другую – «Кафедра политологии». Половина преподавателей была предупреждена о грядущем увольнении. На их место пришли другие, в частности на должность доцента был принят бывший второй секретарь Тартуского горкома КПСС.

В 1991/1992 учебном году мы с Лилей Алексиной все школьные каникулы проводим в Москве: конференции, семинары, тренинги. В Тартуском городском отделе образования нам безропотно подписывают заявления на командировки, оплачивают проезд и выдают суточные (как всегда, нищенские).

Поскольку продовольственное снабжение Москвы в этот период резко ухудшилось, мы везем с собой «харчи»: сливочное масло, а также полукопченую колбасу и сыр в вакуумной упаковке для завтраков. Но все равно иногда остаемся голодными: например, осенью 1991-го в московских магазинах не всегда можно было купить даже хлеб...

Согласно «Закону о языке», я, дееспособный житель Эстонии, должен знать государственный язык (эстонский) на категорию В. Их, этих категорий, как

и у автомобилистов, шесть: А, В, С, D, E, F. Иду сдавать... Экзамен проходит в главном здании Тартуского университета. Экзаменатор – профессор Ыун (по-русски – Яблоко). Где-то в глубине его души клокочет адское пламя возмездия: ну наконец-то мы можем взять реванш у этих оккупантов-русских...

Разумеется, на категорию В я не потянул, получаю только А.

В годы перестройки в Эстонии появилась группа «Канада» – своего рода некоммерческая организация, сообщество людей, желающих эмигрировать в Канаду. Туда вошли этнические русские или те, кто говорит на русском языке (евреи, татары, украинцы и др.). Создал группу молодой учитель географии одной из сельских школ Тартуского района. Как специалист по школьному курсу географии, он точно знал основные особенности Канады: огромная территория и низкая плотность населения.

К тому времени в Таллине появились дипломатические представительства различных государств, в том числе открылось консульство Канады. Именно туда обратился наш учитель географии. Там серьезно отнеслись к намерению эмигрировать за океан группы возможных переселенцев, и «процесс пошел».

Помню, что я скептически отнесся к потугам «канадцев», но среди них нашлись люди энергичные и настойчивые. И все у них получилось: в течение двух-трех лет переселенцы компактными группами (там были и одинокие, и семейные) переехали в Канаду. В их числе оказался и знакомый мне Сергей Литвак – математик, доцент Тартуского университета, его дочь Елена была моей ученицей. С последней группой уехал инициатор этого «переселения народов» – учитель географии...

Коллега, учительница математики весьма плотной комплекции, однажды изрекла:

– *Женщина без живота – как комната без абажура.*

Москва, октябрь 1991. Мы с учителями нашей тартуской четвертой школы в гостях у коллег – педагогов и детей из Московского культурологического лицея №1310.

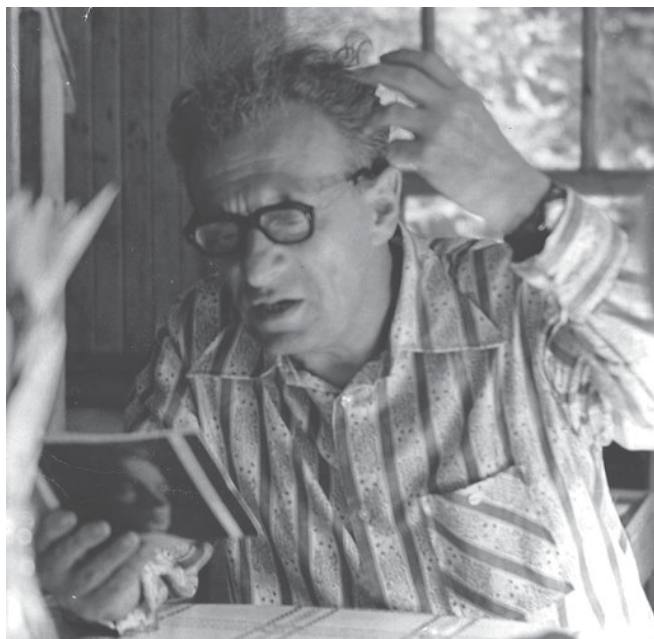
...Я скорым шагом прошел-пробежал по вестибюлю *уже бывшего* Дворца пионеров Перовского района Москвы, в здании которого временно квартировали лицеисты, влетел в просторное помещение мужского туалета и замер: там стоял профессор Библиер.

Это случилось во время так называемых культурологических штудий, в перерыв, незадолго до которого я озадачил Владимира Соломоновича вопросом, спросив примерно вот о чем: «Является ли «Джоконда» Леонардо абсолютным аналогом живописи XX века?» – дурацкий, в сущности, вопрос, который был задан в числе прочих, после длинной, почти двухчасовой лекции Библиера, которую он читал, сидя в одиночестве за полированным столом, стоящем на необъятной сцене актового зала, причём на столе ничего не было: лекция «читалась» без конспекта.

Ответил Библер так: «В общем, да!», и далее последовало долгое и подробное уточнение, из которого я ничего не понял и не запомнил – вероятно, от волнения. Я так долго собирался с духом, чтобы задать нелепый свой вопрос, и так много сил, воли и нервов в него вложил, что был не в состоянии выслушать ответ. И вот теперь мы оказались вдвоем в туалетной комнате.

Помню, что туалет мальчиков был невероятно грязным, водопровод не работал, некоторые унитазы оказались доверху забитыми строительным мусором и засохшими фекалиями. И во всем здании Дворца пионеров пахло сыростью и тленом, чувствовалась разруха, как, впрочем, и в самой Москве, где были очереди за хлебом, на центральных улицах и возле вокзалов тянулись бесконечные ряды самостийных торговцев, продающих водку, упаковки сахара-рафинада, книги, поношенную одежду и обувь, детские игрушки или кухонную утварь. Уходила в прошлое великая эпоха, рушилась империя...

Библер посмотрел на меня довольно долгим взглядом, помня, вероятно, мой вопрос. Казалось, он чего-то ждал. Но я молчал, не зная, что сказать, что спросить...

Философ, культуролог, создатель учения о диалоге культур Владимир Соломонович Библер

В Эстонии люди-билингвы, свободно говорящие по-русски и по-эстонски, когда переходят с эстонского на русский, поначалу говорят с акцентом. Но это продолжается всего несколько секунд – дальше речь нормализуется.

Занятие искусством – это способ увильнуть от занятия сексом. Когда желание уходит в сублимацию, человек обманывает и обделяет себя. А, может быть, превосходит себя...

Весной 1992 года небольшой компанией приезжаем в Москву: сотрудники Министерства образования Эстонии Алла Полева, Антс Эльвик, а еще ди-

ректор школы №26 города Таллина Николай Чурилин и мы с Лилей Алексинной. Добравшись до здания «свежеиспеченного» Министерства образования РФ, забираемся в почти заполненный автобус, размещаемся на предпоследнем ряду кресел. Сзади сидит уже заочно знакомый мне методист по литературе Александр Княжицкий вместе с (как оказалось) Лернером-младшим² и занимаются в общем-то *фигней*: Княжицкий зачитывает курьезные выдержки из сочинений школьников и абитуриентов, при этом оба *ржут* как резаные.

Выезжаем из Москвы, движемся в сторону Химок, и вскоре въезжаем на территорию спорткомплекса «Молодежный», построенного еще к олимпиаде 1980 года и теперь заметно поизносившегося. Под предводительством нашего московского *атамана* Александра Абрамова, бодро дымящего папиросой, входим в холл гостиницы. Нас встречает тучноватый низкорослый мужичонка в коричневом мешковатом костюме, сильно смахивающий фигурой и повадками на председателя колхоза, и, без всяких предисловий, объясняет нам, что тут прежде всего надо получить *талоны на питание*, и лишь потом взять ключи от номера.

Поднимаемся на лифте на свой этаж. Я что-то язвительно говорю про встретившего нас мужичонку, а мне объясняют, что это Василий Васильевич Давыдов, всемирно известный психолог. Ох, как я был сконфужен...

Тут, в спорткомплексе «Молодежный», собралась компания серьезных и заслуженных людей, которым предстояло определить *содержание образования будущей российской школы*, поскольку *советская школа* приказала долго жить. Все члены нашей эстонской делегации имели статус *экспертов*. День прошел в спорах и дискуссиях. После ужина гуляем по заросшим травой беговым дорожкам стадиона. Уже в сумерках я поднимаюсь по неосвещенной лестнице гостиницы и вижу перед собой Давыдова.

– Ну что, мой юный друг, пойдём ко мне, посидим, – говорит Василь Василич. И, не приемля никаких возражений, ведет меня, приобняв за плечи, в свой номер.

Надобно заметить, что Василий Васильевич Давыдов сразу обратил внимание на «эстонцев», но его не интересовали имеющие филологическое образование Алла Полева и Николай Чурилин, потому что они, как он мне потом объяснил, «столичные штучки» (в смысле – из Таллина, столицы Эстонии), а я – *провинциал*. Именно такой человек ему и был нужен, а мне не привыкать быть *провинциалом: я такой с рождения*.

Одноместный номер профессора Давыдова оказался более чем скромным, но с холодильником. Он степенно открыл белоснежную дверцу, вынул запотевшую бутылку «Столичной» и пакет с домашними бутербродами...

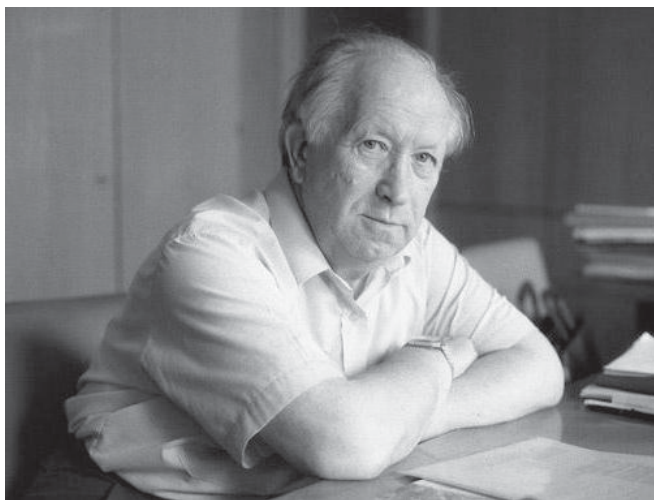
Василий Васильевич не просто так нацелился на меня. Его интересовал вопрос, каков в среднем уровень грамотности на родном языке, присущий *детям-билингвам* из семей местных русских. И мне было что сообщить ему: по моим наблюдениям, в

² Лернер-младший – педагог, сын Исаака Яковлевича Лернера, академика АПН и РАО.

Эстонии дети-билингвы (из смешанных семей, говорящие на двух языках) диктанты по русскому языку пишут в лучшем случае на тройку.

И еще я ему рассказал: у нас в школе предмет «Этика и психология семейной жизни» (была такая учебная дисциплина в советской школе) преподает некто Елена Васильевна, дипломированный психолог, отличный специалист, выпускница факультета психологии Тартуского университета³. Она местная русская, билингва, но на письме в каждой строчке делает по 5-6 ошибок. Я принимал у нее заявления о поступлении на работу и с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться...

Потом мы просидим с Давыдовым до каких-то там петухов и обстоятельно обсудим острейшие проблемы отечественного школьного образования.

Академик АПН СССР (1978), вице-президент РАО (1992) Василий Васильевич Давыдов

Став к сорока годам весьма уважаемым учителем литературы, я однажды понял, что *не умею читать художественную литературу*. А понял я это, когда сидел на уроке в московском культурологическом лицее №1310 и слушал доклад десятиклассника, подготовленный по тексту «Преступления и наказания» Достоевского. Этот мальчик умел читать, а я – нет.

И никто у нас читать не умеет. Ни взрослые. Ни дети. И учителя литературы не умеют, потому что их этому тоже в институте не учили.

Осень, начало ноября. В школе осенние каникулы: я, одетый неофициально, сижу в своем кабинете и уныло проверяю классные журналы. Увы, *рутинны* в работе завуча хоть отбавляй! И мне уже с утра известно: сегодня, 3 ноября, будут хоронить Лотмана.

Прощание было назначено на 12 часов в актовом зале университета. Я опоздал минут на пять, разделся, хотя в гардеробе было не протолкнуться, поднялся на второй этаж и понял, что в *аулу* (актовый зал) мне войти не суждено. По лестнице струилась бесконечная очередь прощающихся с цветами в руках. В открытых дверях стояли. Я тоже встал. Посмотрел вверх голов и увидел через проем двери, что за балюстрадой балкона (или, точнее, галереи)

движутся люди. Поднялся на следующий этаж, тут как раз открыли дверь, ведущую на галерею, но какая-то строгая дама во всем черном решительно никого не пустила.

Спустившись, снова стоял в дверях зала, кое-как протиснулся на полметра внутрь. Через какое-то время движение на верхнем ярусе возобновилось. Я догадался, что открыли вторую дверь, и опять устремился туда. Наконец-то смог сверху обозреть зал. Лотман лежал в широком, просторном черном гробу, изнутри обитом нежной светло-кремовой тканью. Лежал спокойно, умиротворенно, будто спал, его голова с пышной седой шевелюрой была слегка повернута влево. Задорно этак повернута, как у плясуна! Вспомнилось его выражение, которое он неоднократно повторял, когда читал лекции о «Тарасе Бульбе»: «затанцеваться до смерти».

И впрямь, дотанцевался: короткие руки сложены на груди: правая сверху, кисти рук лишь наполовину высывались из длинных рукавов темно-серого пиджака. С каждой стороны гроба стояли по три человека почетного караула. Вероятно, в самой первой смене караула был президент Эстонии Леннарт Мери.

Группы почетного караула сменяли одна другую все быстрее и быстрее и к 13 часам следовали почти безостановочно. Потом публика с балкона потянулась к выходу. Я тоже вышел. Студентки-первокурсницы, филологи, среди которых я узнал недавнюю свою ученицу Ларису Яковлеву, все в черных платьях, с зажженными свечами в руках, образовали на узкой непарадной лестнице живой коридор.

Я оделся, вышел на улицу и в числе других стал ждать. Тут были и VIP-персоны. Президент Эстонской Республики Леннарт Мери, высокий художастый старик, одетый во все черное, прогуливался вдоль тротуара в сопровождении всего лишь одного шофера-охранника.

Наконец в дверях показалась процессия. Передние держали в руках небольшую, размером с компьютерный монитор, черную гранитную плиту, на которой можно было прочитать:

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
ЛОТМАН
1922 – 1993
JURI LOTMAN

Гроб несли шесть человек. По углам шли незнакомые мне крепкого вида мужчины, а посередине – с левой стороны Роман Лейбов, с правой Кирилл Немирович-Данченко (оба ученики Юрмиха): им было тяжело, они оказались ниже ростом, чем остальные, да и хлипковаты были.

Катафалка почему-то не оказалось. Гроб поместили в зеленый «рафик» с белой полосой, и процессия направилась на городское кладбище Раади.

Тарту. Весна, тепло, дождик. Я в новом костюме и под зонтом опять иду сдавать экзамен. Поправки в «Закон о языке» педантичные эстонские депутаты вносят с завидной регулярностью, и вот сейчас, всего лишь год спустя, я, завуч русской школы, должен

³ Кстати, вскоре после восстановления независимости Эстонии ректором Тартуского университета стал профессор Пеэтер Тульвистее, доктор психологических наук. Обе диссертации – кандидатскую и докторскую – он защитил в МГУ.

знать *eesti keel* уже на категорию D. Рядом с главным зданием ТГУ – трехэтажный корпус языков и литератур, именно там проходит экзамен. Состав экзаменационной комиссии тоже другой, председатель – профессор Антидея Мецца, автор многих учебников, русско-эстонских разговорников и методических пособий. Она улыбается, улыбаются ее коллеги, обстановка доброжелательная, но я, конечно же, не тяну на категорию D. Я получаю только C и выхожу в солнечный день. Дождь закончился.

Летом 1994 года я приезжаю, как оказалось, в последний мой отпуск в 4-й средней школе города Тарту в родные края и в газете «Ульяновская правда» нахожу объявление такого примерно содержания: «Гимназии №1 им. В.И. Ленина требуется заместитель директора по научно-методической работе...» Я немедленно звоню из автомата в школу и уже на другой день сижу в кабинете директора Сергея Александровича Ставского. Я соглашаюсь на все условия – у меня нет выхода...

У Анатолия Чеснокова было потрясающее чутье на местонахождение людей, и он всегда знал, когда и где меня искать. В Ульяновске мы остановились в тот раз в квартире тещи в дальнем Засвияжье. В один из дней, рано утром, в дверь позвонили. Я открыл. На лестничной площадке стоял Толян, широко улыбаясь золотыми коронками.

Мы не виделись много лет. Как оказалось, после Молдавии он рванул куда-то на Север, работал в разных газетах, не пил вообще, но и стихов почти не писал, зато на обе челюсти поставил коронки из темного «цыганского» золота. Сейчас живет на съемной квартире в Ульяновске, работает в недавно открывшемся издательстве «Феникс», которое с нуля создал некто Андрей Пчёлкин, поэт и бизнесмен. Только что у Чеснокова вышла первая книжка стихов – он тут же подарил мне экземпляр, сделав размашистую дарственную надпись. На завтра в только что отреставрированном бревенчатом доме на улице Радищева, который горожане называли «теремком», запланирована презентация книги. Еще он успел рассказать, что у Жени Мельникова другая семья, двое новых детей – мальчик и девочка, все они живут в Новом городе в пятикомнатной (!) квартире.

Сборник Анатолия Чеснокова «В сердце России» издательства «Симбирская книга» был отпечатан на дешевой газетной бумаге в Карсунской районной типографии.

По словам Ю.М. Лотмана, Гоголь считал, что всю мировую литературу надо свести к двум книгам: «Библии» и двум поэмам Гомера...

По возвращении в Тарту я увольняюсь из школы, на время оставляю семью в Эстонии и еду в Ульяновск. 15 августа, как когда-то в рабочем поселке Кузоватово, я прихожу в гимназию №1. У директора Ставского срочные дела, меня просят подождать минут тридцать-сорок. Я выхожу на улицу Советскую, вдыхаю полной грудью свежий воздух. Возле южной стены Ленинского мемориала вижу толпу людей, там развеваются красный флаг

СССР и трехцветный флаг России. Подхожу ближе и становлюсь свидетелем агитационной акции партии ЛДПР. Сплоченная группа мужчин прибыла на теплоходе и ведет запись в ряды партии, активисты раздают зевакам флажки и брошюры, а у микрофона неистовствует сам Владимир Вольфович Жириновский...

Меня сразу оформляют на работу невзирая на отсутствие ульяновской прописки: я замдиректора и учитель литературы двух десятых классов. После окончания первой четверти я срываюсь и еду в Эстонию (мой советский паспорт с пропиской в Тарту пока еще позволяет беспрепятственно пересекать границу в обе стороны). Там мы собираем вещи, заказываем два железнодорожных контейнера, оформляем бумаги. На загрузку контейнеров я прошу прийти бывших моих коллег: учителя труда Николая Ивановича Осипова, учителей физкультуры – Вячеслава Ивановича Данилюка и Василия Сергеевича Никишина.

Николай Иванович прощается со мной с тяжелым сердцем: он, военный служащий-отставник, тоже хотел бы вернуться в Россию, но в Тарту у него дочь со своей семьей, на дачном участке стоит вполне благоустроенный дом, в который он вложил много сил и средств, и он не готов вот так все бросить...

Выхожу как-то раз после работы из гимназии и вижу Толяна Чеснокова – меня поджидает. На него больно смотреть: голова опущена, глаза потухшие. Сообщает, что потерял работу. Издательство закрылось в одночасье, никто ничего не понимает, известно лишь, что пропал Андрей Пчёлкин. *Пропал!* Утром вышел из дома и – пропал. А без него нет финансирования, нет доступа к счетам в банке.

У Толяна второе крупное крушение в жизни. Первое – когда развалилась семья, но тогда он уехал в Молдавию, окунулся в работу, и это его спасло. И вот теперь – вторая по счету катастрофа. Молдавия сейчас – за граница, а на родине всё как всегда: «работы нет, пристанища нет...»

«Цель искусства – развлекая, поучать». Квинт Гораций Флакк.

Новый, 1995-й год встречаю в Ульяновске в отдельной квартире – мне помогли устроиться с жильем. Работаю в гимназии №1.

Как-то раз возвращаюсь с урока, и меня окликает учительница английского языка Ольга Алексеевна Акатьева, говорит, что меня спрашивали двое мужчин, и добавляет: «оба в расклеванных брюках».

Расклеванные брюки у нас стали популярны в середине 60-х годов, и мода на них продержалась лет этак десять. А если годы спустя человек ходил в таких штанах, было понятно, что ему больше надевать нечего. Догадываюсь, что приходил Толик Чесноков с каким-нибудь своим бедолагой-приятелем. Выглядываю в окно и вижу: точно, стоят двое в расклеванных брюках.

Я вышел, угостил обоих сигаретами. Заметил, что рот Толяна зияет пеньями от гнилых зубов: золотые коронки исчезли бесследно...

Диалог про штаны:

– Девушка, познакомимся?
 – Нет!
 – Почему?
 – Вы в спортивных штанах!
 – Да не тушуйся, ты, чуви́ха. Тебе такие же купим...

«Вчера на Ишеевском кладбище в Ульяновске состоялись похороны ульяновского поэта и предпринимателя Андрея Пчелкина.

Как мы уже сообщали, 9 февраля этого года 30-летний бизнесмен вышел из дома родителей, предупредив мать, что придет «минут через сорок», и бесследно исчез. Поиски пропавшего без вести долгое время были безуспешны.

25 июня в реке Грязнушке, что протекает в Железнодорожном районе, нашли труп неизвестного. Опознать погибшего не удалось, так как тело долго пролежало в воде. Через два месяца после бесконечных экспертиз, сличений родственники и судмедэксперты сошлись на том, что это Андрей...

Причина смерти окончательно еще не установлена, но родные и близкие Пчелкина уверены, что его убили. Такой же версии придерживаются и правоохранительные органы. По мнению оперативников, скорее всего, загадочное исчезновение и смерть поэта напрямую связаны с коммерческой деятельностью, которой он активно занимался последние годы.

Андрей Пчелкин окончил Ульяновский пединститут в 1986 году, некоторое время учительствовал, потом работал в отделе пропаганды областной писательской организации. Его стихи публиковались в местных альманахах, центральных изданиях. В 1993 году в Ульяновске вышел авторский сборник «Капля сока». В начале 90-х годов Пчелкин основал производственно-коммерческую фирму «Феникс», стал ее генеральным директором. Особое внимание поэт-предприниматель уделял издательскому делу. К примеру, с помощью «Феникса» увидели свет сборники известных ульяновских литераторов Владимира Дворянскова, Льва Фомина, Лидолы Никитиной. Андрей был одним из учредителей ульяновских газет «Виктор», «Дамба», «Кунсткамера».

В последний путь поэта провожали десятки людей, литераторы, работники культуры, коллеги по бизнесу – люди совершенно разные. Но ведь и Андрей был противоречив в своих увлечениях. Его деятельная натура совмещала почти несовместимое – поэзию и предпринимательство. На мой взгляд, точнее всего он выразил себя в строках, венчающих стихотворение «Капля сока»: «И за капелькой сока я падаю капелькой сока, всех моля об одном, – не ловите в ладоши меня».

Сергей Трофимов.

«Симбирские губернские ведомости», 31.08.1995 г.»

Рано утром – звонок в дверь. Так рано может только Чесноков. В смысле, Толик Чесноков:

– Вовик, умираю. Дай десять рублей!

Даю десять рублей, и он уходит. Даже диалога не получилось, сплошной поток сознания...

И дошкольник, и школьник за завтраком теперь слышат по кухонному радио много диковинных слов: *мастопатія, простатіт, мібма мaткi, вiдгpa, импaза* и т. д. Это порождает проблему информационной избирательности: каждый должен слышать только то, что ему необходимо, полезно и что именно ему адресовано.

«Сознание есть обмен сообщениями – от обмена между полушариями большого мозга человека до обмена между культурами. Сознание без коммуникации невозможно. В этом смысле можно сказать, что диалог предшествует языку»⁴.

Так младенец, еще находящийся во чреве матери, пока не способен произнести ни единого слова, но уже обладает способностью сообщать маме о своем благополучии или неблагополучии, и она его понимает: это ли не диалог?..

В декабре 1995 года на улице Льва Толстого встретил Женю Мельникова. Рад был несказанно: сколько лет, сколько зим!..

Первым делом он попросил у меня закурить, а я в то время не курил.

Мы пошли, разговаривая вверх по улице, в сторону центра. Оказалось, что Женя теперь возглавляет местное отделение Союза писателей (теперь уже не ССП, а СПР), но зарплата мизерная и платят нечасто. Горько посетовал: скорей бы на пенсию – хоть какие-то деньги будут. И ни слова про творчество...

Его «офис» располагался в девятиэтажной высотке на перекрестке улиц Льва Толстого и Матросова. Он повел меня показывать свои *хорóмы*. Поднялись на лифте на какой-то этаж, пересекли по диагонали грязную лестничную площадку, вошли в холодную неуютную комнату. Женя сразу направился к письменному столу, выдвинул верхний ящик, достал грязный полиэтиленовый пакетик с *окурками-чинáриками*, вынул один, щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся...

В начале весны мои отношения с директором Ставским не заладились. Соответственно, и дела мои в гимназии №1 становились все хуже и хуже. Когда закончился учебный год, в гороно мне предложили должность завуча в одной из школ Железнодорожного района, но я зашел как-то в областной Институт повышения квалификации работников образования (ИПК), поговорил с людьми, с которыми уже успел познакомиться, и мне предложили ставку старшего научного сотрудника (с.н.с.) во вновь создаваемой лаборатории.

Ректор Михаил Михайлович Балашов не был в восторге от того, что руководители подразделений сами, без его ведома, подбирают себе персонал, но приказ о моем приеме на работу все-таки подписал...

Рано утром – звонок в дверь. Это Толян Чесноков:

– Вовик, умираю. Дай десять рублей.

Даю десять рублей, и он уходит. В то время на всех перекрестках стояли коммерческие киоски –

⁴ Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. – Таллинн: «Александра», 1992. – Т. I. С. 19.

комки, где за червонец можно было купить бутылку пива «Витязь».

Свой первый фотоаппарат ФЭД-3 я купил на две стипендии в начале 1971 года. ФЭД – это *аббревиатура*, расшифровывается так: Феликс Эдмундович Дзержинский.

В последнее время у нас стали популярны люди, имена которых подверглись *аббревиации*:

ЕБН – Ельцин Борис Николаевич,
ЧВС – Черномырдин Виктор Степанович,
БАБ – Борис Абрамович Березовский,
ВВП – Владимир Владимирович Путин.

Этими *трехбуквиями* также можно называть холодильники, пылесосы, стиральные машины, автомобили...

И вот еще, *двухбуквие*: БГ – Борис Гребенщиков.

Следующим утром – опять звонок в дверь. Разумеется, это Чесноков:

– Вовик, умираю. Дай десять рублей.

Так, с этим надо что-то делать... У меня семья, и у нас каждая копейка на счету. Даю десять рублей и прошу больше не приходите. Категорически прошу...

Я начал работать в ИПК в благословенное время, когда институт был на подъеме: подобралось много молодых сотрудников, кто-то писал диссертацию, кто-то уже защищал. У нас имелось два больших подразделения: учебный отдел, включающий десяток кафедр, и научно-исследовательский сектор (НИС). В составе НИСа было несколько лабораторий, я попал в лабораторию *стандартизации образования*.

В российских школах впервые вводились образовательные стандарты, в которых предстояло сформулировать требования к образованному человеку конца XX – начала XXI века. Поначалу работа мне показалась трудной, но интересной: надо было напрягать мозги, много читать, впитывать информацию. Направлял деятельность НИСа проректор по научной работе Андрей Александрович Баранов, молодой кандидат философских наук. Каждое утро, минут за тридцать до начала работы, у него в кабинете стихийно собиралась небольшая толпа людей, в головах которых непрерывно рождались новые идеи и проекты...

На книжных полках в помещении лаборатории нашелся сборник стихов «Дуэт для скрипки и альта». У сборника два автора: Елена Яговкина (ее раздел обозначен как «Партия скрипки») и Андрей Баранов («Партия альта»)⁵. Елена – местная поэтесса, родная сестра нашего проректора, это была их первая книжка, изданная ими на *свои кровные*.

«Так же, как из года в год деревья меняют листья, так и слова меняют свои значения».

Квинт Гораций Флакк.

Когда-то слово *геморрой* было медицинским

Сотрудники научно-исследовательского сектора ИПК ПРО. Первый ряд: Т.С. Тасимова, Т.Б. Табарданова, Л.Ф. Павленко, Н.Ф. Башмакова. Второй ряд: Ю.В. Есенков, А.Д. Барбитова, Н.К. Беленовская, М.И. Лукьянова, В.Н. Янушевский. 2004

термином. Теперь это разговорное словечко, прошедшее через стадию *метафоризации* и означающее вот что: проблема, заноза, головная боль. Или вот слово *подоплёка*: изначально это подкладка из мягкой ткани на груди домотканой мужицкой рубашки, а впоследствии – скрытая причина, основа, сущность чего-либо (механизм тот же: метафорическое содержание вытесняет буквальное значение слова).

Лабораторию стандартизации образования возглавил тридцатилетний кандидат педагогических наук Дмитрий Сергеевич Савельев. Однажды я стал было рассуждать о том, что наука – удел людей образованных, творческих, пытливых, но он с грустным видом, глядя в пустоту, сказал:

– В действительности наукой часто занимаются люди недалекие, ограниченные, линейно мыслящие. Самые успешные в науке – это буквоеды, зубрилы: они быстро пишут диссертации и легко их защищают...

То и дело слышу: «У нынешних подростков «клиповое сознание». Они воспринимают мир фрагментарно!» А как еще можно воспринимать мир? Наша жизнь состоит из прожитых лет, месяцев, недель, дней. Мы засыпаем *сегодня* и просыпаемся *завтра*, начиная новый день. Вспоминая день вчерашний, мы представляем себе отдельные его эпизоды (*пред-ставляем* – как бы ставим перед собой).

Невозможно представить вчерашний день целостно, в совокупности всех его мгновений. А что уж говорить про целую жизнь! Затертая фраза «в его сознании в одно мгновение пронеслась вся прожитая жизнь» – это чушь на постном масле.

Услышал в коридоре нашего института афоризм: «Чем глубже в провинцию, тем толще диссертации». Народная мудрость, однако.

Наша лаборатория получила очень интересное, даже увлекательное задание: подготовить

⁵ Тут слово партия не в политическом, конечно же, смысле, а как часть ансамблевого произведения.

тексты региональных учебников по истории, литературе, истории культуры, биологии и географии. Мне предстояло быть составителем и редактором сразу двух учебных пособий: учебника по литературе Симбирского-Ульяновского края и соответствующей хрестоматии. Главы учебника быстро и толково написали преподаватели-филологи УлГУ и педагогического университета. Хрестоматию я подготовил самостоятельно, включив в нее тексты Ивана Дмитриева, Николая Карамзина, Ивана Гончарова, Николая Языкова, Дмитрия Ознобишина, Дмитрия Садовникова, Дмитрия Минаева, Николая Благова и других авторов, а в последнем разделе «Поэзия 1960-х – 1990-х годов» решено было представить современную поэзию. Подбор имен выглядел так: Владимир Пырков, Александр Бунин, Владимир Дворянсков, Николай Полотнянко, Анатолий Наумов, Петр Мельников, Александр Полежаев, Светлана Матлина, Виктор Малахов, Анатолий Чесноков, Елена Кувшинникова, Александр Шестопалов.

Старые слова с новыми значениями:

- *блин* (эвфемизм);
- *геморрой* (метафора);
- *пост* (омофон).

В издаваемом в Саратове журнале «Волга» №433 за 2000 год напечатан мой рассказ «Фотоаппарат». Разумеется, на безгонорарной основе. В доперестроечные времена этот журнал в разные годы редактировали наши земляки – Николай Благов и Владимир Пырков.

Но сейчас, на рубеже веков, денег на книгоиздание нет совсем. Ситуация не просто тревожная, а отчаянная. Журнал не будет больше издаваться – нет финансирования. Номер открывается соответствующим обращением коллектива редакции к читателям.

Литературный критик Андрей Немзер даже посвятил этому печальному событию статью, где и мое имя было упомянуто... Но, слава Богу, через несколько лет журнал снова стал выходить.

С разделом хрестоматии «Поэзия 1960-х – 1990-х годов» было больше всего возни и мороки. Местное отделение Союза писателей в то время возглавляла Светлана Матлина. Я сразу же позвонил ей домой в надежде, что во вверенной ей конторе найдутся хоть какие-то фотографии названных выше *пиитов*, но Света ответила, что вынуждена судиться с прежним секретарем СПР Юрием Соколовым, тоже поэтом, который не пожелал передавать бразды правления организацией новому руководителю, не отдал ключи от дверей писательской конторы, и когда дверь взломали, то Соколов вызвал милицию и написал исковое заявление, а Света подала встречный иск и т. д. и т. п. В общем, кухонные дразги в доме *любимцев муз*. О боже, из какого коммунального сора растут поэзия, беллетристика и публицистика...

Собственную фотографию Света, «так уж и быть», готова была предоставить во временное пользование, но не может ее мне привезти. Пришлось ехать самому на окраину Железнодорожного района, туда, где заканчивается улица Хрустальная.

Фотографии остальных авторов как-то удалось заполучить. Впрочем, Володя Дворянсков, когда я позвонил ему, решительно заявил, что у него *нет фотографий вообще*. Пришлось перефотографировать его *нетленный образ* из какого-то сборника Приволжского книжного издательства (тогда, в конце 90-х годов прошлого века, в нашем институте еще не было *сканеров*). Не нашлось фотографии и у Чеснокова, что меня несколько не удивило, и тогда выдали ему такую инструкцию: тщательно вымыться, надеть чистую рубашку и прибыть в определенный день, с утра, в офис издательства «Корпорация технологий продвижения». Толян явился в назначенный день и час с чисто промытой «есенинской» гривой рано поседевших волос, одетый в белоснежную футболку в Комсомольский переулок города Ульяновска, где в то время располагалось издательство. Именно там художественный редактор «Корпорации...» Николай Алексеевич Василькин и сфотографировал пока еще диковинной *цифровой камерой* Толика Чеснокова. Цветной версией этой фотографии открывается сборник Анатолия Чеснокова «Росой омытая строка», выпущенный тем же издательством в 2016 году.

Самым доброжелательным, отзывчивым и ответственным автором оказался Виктор Малахов (имя которого по техническим причинам, увы, не попало в оглавление хрестоматии): он не только немедленно приехал в ИПК и привез свою фотографию, но и убедил меня в необходимости включить в состав хрестоматии еще и стихи Александра Шестопалова, рано умершего, с творчеством которого я тогда не был знаком. Тексты стихов и фотографии Александра у него были при себе, и мы быстро вместе отобрали несколько стихотворений Шестопалова для хрестоматии.

Публикатором моего первого напечатанного рассказа был писатель Михаил Иосифович Веллер, я уже писал об этом. А следующий рассказ – «Фотоаппарат» – появился на страницах саратовского журнала «Волга» при содействии Алексея Слаповского, – я это совсем недавно обнаружил, перечитав письмо тогдашнего редактора отдела прозы Аллы Николаевны Кисинной. Она планировала и другие мои рассказы печатать, но, к сожалению, журнал «Волга» закрылся в 2000 году. А когда вновь открылся, в редакции уже работали другие люди.

Честно говоря, сам я не в восторге от прозы Алексея Ивановича Слаповского (возможно, читал не самые удачные его повести).

Любимое *присловье* нашего завлаба Дмитрия Савельева: «Будь проще, и люди потянутся к тебе». Возможно, он и прав, но мне вспоминается другое изречение: «Простота хуже воровства».

Когда-то литература у нас была средством формирования поколений, но все это осталось в XIX веке. Позднее художественная литература не формировала и даже не *де-формировала* личности читателей.

Советская литература (соцреализм) себя быстро дискредитировала. И в *оттепельные* 60-е годы XX века на людей влияла не столько литература,

сколько *не-литература* (Иван Ефремов – биолог, Аркадий Стругацкий переводчик с английского и японского, а Борис – астроном, пишущий по-русски киргиз Чингиз Айтматов – дипломированный ветеринар). В их тестах, особенно в книгах Айтматова, не было *слова* и *стиля* (даже у переведенного на русский язык Хемингуэя их почти не было), зато было *нечто...*

Поэзия периода «оттепели» и *послеоттепели* тоже оказалась во многом лживой, излишне пафосной, самонадеянной («Поэт в России больше чем поэт...»). Поэтому властителями дум стали *барды*. Их тексты были довольно примитивны и наивны, но честны, легко запоминались.

Солженицын пытался быть писателем-стилистом, но тщетно: у него не слово было главным, а его значение (см. в философском словаре понятия: *явление и смысл*).

В наш институт повышения квалификации работников образования иногда приезжают весьма толковые люди из Москвы и других городов, проводят семинары по темам, в которых они являются уникальными специалистами. Например, сотрудники нашей лаборатории бесплатно могли участвовать в семинаре по ТРИЗ (теории решения изобретательских задач), который проводили ученики автора этой теории Генриха Альтшуллера, жителя Петрозаводска. А недавно у нас была возможность посещать занятия д.п.н. Ирины Дмитриевны Демаковой (она так про себя сказала: «можно просто ИДД»), которая выдала следующий афоризм: «Все педагоги делятся на *воспитанцев* и *образованцев*». «Воспитанцы» – это, понятное дело, специалисты по теории и методике воспитания, а «образованцы» специализируются на *практиках* обучения (было бы правильнее назвать их *обучанцами*).

Еще приезжал, чтобы провести семинар, д.п.н. Вячеслав Валерьянович Гузеев, как-то умудрившийся в свои сорок пять лет отрастить весьма выдающийся живот, который открыл для меня «закон Франкла–Куринского». Виктор Франкл – это знаменитый швейцарский психолог, он подробно исследовал понятие *смысл*. Имя Куринского мало кому знакомо, и в интернете немного сведений о нем можно найти.

А вот выведенный ими закон можно так сформулировать: если мы хотим овладеть *чем-либо*, надо это сделать продуктом *побочной деятельности*. Технологически это выглядит так: мы ставим цель и тут же переводим ее в статус *ложной*, а *истинную цель* маскируем под что-нибудь второстепенное. Приближаясь к такой *типа истинной* цели, мы и овладеваем тем, чем хотели. Справедливость такой методической процедуры подтверждает ситуация, в которой находится студент, ведущий подготовку к экзамену. У него цель – хорошо сдать экзамен, он проглатывает большое количество информации, но на экзамене «плавает», и его нередко ждет *фиаско*. Зато тот же самый студент в мельчайших подробностях помнит какое-либо малозначительное событие, произошедшее с ним много лет назад, в раннем детстве. Он потому и запомнил это событие, что наблюдал за ним *не пристально*, а как бы видел *бокoвым зрением...*

Когда хрестоматия по литературному краеведению для школ Ульяновской области, озаглавленная строчкой из Языкова «Край прелестный, это ты...», вышла из печати, и я вручил Анатолию Чеснокову авторский экземпляр, он задал мне странный, на мой взгляд, вопрос:

– А почему ты *свои стихи* в эту книгу не поместил?

Почему-почему... Потому и не поместил, что я – составитель хрестоматии...

Тояня недолго любовался книжкой и тут же ее кому-то подарил, а может быть, продал. На следующий день он пришел в сопровождении какой-то юной девицы, чтобы получить другой экземпляр, но я его разочаровал: все авторские экземпляры были посчитаны и оформлены документально.

В Ульяновске открылся новый вуз – классический университет, УлГУ, пока только в статусе *филиала МГУ*. Там есть кафедра литературы, а на факультете культуры и искусства имеется филологическое отделение, в составе которого всего по одной группе на каждом курсе. Меня принимают на кафедру совместителем, дают предметы методического цикла. Зарплата нищенская, зато работать очень интересно. И поскольку благодаря довольно грамотной раскрутке университет почти сразу приобрел весьма завидное *реноме*, то именно здесь в начале *нулевых* учились лучшие студенты города.

Но мне очень скоро стало ясно, что УлГУ – это мыльный пузырь. И он лопнул, уже в середине *нулевых* стали увольняться профессора. А на моих студентов невозможно смотреть без слез: скоро каждый из них получит диплом, в котором так будет обозначена специальность: «филолог». И где эти филологи могут силы свои приложить? Работать в школе они не хотят – еще свежи воспоминания о собственном школьном «счастлимом детстве». Остается одно: найти *хоть какую-нибудь* работенку.

Года через три филологическое отделение закроеется...

Наш *завлаб* Дмитрий Савельев резко изменил свою судьбу, хотя трансформацию эту он готовил постепенно. Получив в школьные годы музыкальное образование и имея диплом Московского государственного института культуры, он по воскресеньям пел в хоре ближайшего к его дому храма (где-то на Нижней Террасе), за что платили небольшие деньги. Затем стал участвовать в церковной службе, заслужил *рукоположения*, стал священнослужителем. Так он балансировал между церковной и светской жизнью в течение нескольких лет, пока не сделал выбор, чтобы окончательно уйти служить *Господу*. Впрочем, он сохранил старые связи и, если приглашали, приходил (неизменно в церковном облачении) на наши семинары и конференции, регулярно переписывался по электронной почте с Сергеем Вершининым (руководителем лаборатории информационных технологий ИПК, между прочим, прожженным атеистом).

После его ухода лабораторию возглавил Вершинин-старший – Владислав Николаевич, кандидат педагогических наук (он, как у нас было принято было считать, защитил первую в СССР диссертацию...

цию на материале деятельности института усовершенствования учителей – Ульяновского ИУУ, предтечи нашего института).

Поскольку продукция нашей лаборатории исчислялась главным образом *печатными листами* (один лист – 40 тыс. знаков) публикаций – книг, статей и тезисов конференций, а также отчетов о проведенных исследованиях, написанных рецензий и экспертных заключений, то получалось, что мы производим *тексты*, состоящие из *слов*. Владислав Николаевич Вершинин сформулировал простенький вывод:

– Наукой заниматься – это значит правильно слова *рассставить*...

В начале октября 1999 года умер мой отец, Николай Александрович. Ему делали полостную операцию в больнице скорой медицинской помощи (БСМП), хирурги сделали все как надо, но пациент не вышел из анестезии, остановилось сердце.

У нашей семьи в Ульяновске не было родственников, так что близких людей мы никогда не хоронили – не было *такого опыта*, и эту смерть все переживали очень тяжело.

«Райком» и «колхоз» – базовые *пáттерны*, универсальные формы, сформировавшиеся в советскую эпоху и ставшие животворящими *мáтрицами*, определяющими и оформляющими все *институты* (учреждения, конторы, фирмы, *частные лавочки* и т. п.), которые возникали в последующие времена. Именно эти матрицы задают сущность, содержание и структуру всякой вновь нарождающейся деятельности.

Стоит сегодня зайти в какой-нибудь офис – и ты либо в *колхоз* попадешь, либо в *райком*...

Я очень долго числился соискателем звания *кандидата каких-нибудь наук*, прикрепившись к кафедре литературы УлГПУ. Сначала штурмовал филологическую науку, штудировал учебники нового поколения, тексты которых изобиловали неведомыми прежде терминами: *архетип, лирический субъект, нарратив, мотив, центон, фэнтези*... Но что-то пошло не так: мои статьи охотно печатали серьезные журналы, а текст диссертации не складывался. Точнее, не было взаимопонимания с научным руководителем, а встретиться с ученым секретарем диссертационного совета по русской литературе мне вообще ни разу не удалось...

Однажды, в начале 2006 года, после двух пар лекций для студентов-филологов в главном корпусе УлГУ на ул. Льва Толстого (в просторечии – *толстуха*), я по какой-то надобности оказался в кабинете проректора по научной работе Сергея Викторовича Булярского. Закончив свои дела, я раскрыл портфель и подарил ему две своих книжонки. При этом сказал, что книжки написаны вместе со студентами, а имена конкретных моих соавторов были указаны на обложке: Ольга Рождественская и Наталья Вольская.

– А у вас есть аспирантура? – простодушно спросил меня Булярский, быстро пролистав книжечки. Я потупил глаза и признался, что мне самому

не помешало бы обучение в аспирантуре. И вот тут Сергей Викторович преподавал мне *мастер-класс*: показал, как надо в течение пяти-семи минут решать сложные, даже *судьбоносные* вопросы.

Точнее, так: он мгновенно все решил за меня и сказал:

– К черту филологию, мужчина должен заниматься *серьезной наукой*.

И, подхватив мобильную трубку настольного телефона (тогда это была новинка) и расхаживая по просторному кабинету, позвонил домой Ольге Ивановне Дониной, доктору педагогических наук и ученому секретарю диссертационного совета по педагогике одной из кафедр УлГУ. Мы с ней были знакомы, поэтому разговор двух профессоров продолжался недолго.

– Вот Ольга Ивановна и будет вашим научным руководителем, – подытожил Булярский, положив трубку. – На все дела даю вам один год.

Что было делать? Хотя я и считал, что УлГУ – *мыльный пузырь*, но вариантов у меня не было.

Вот что можно прочитать в интернете: «Клиповое сознание» – термин, впервые использованный американским социологом, философом и футурологом Элвином Тоффлером для обозначения восприятия человеком ярких и коротких образов, которые регулярно появляются в новостях, на телевидении, в газетах, видеороликах. Главная особенность *такого типа мышления* (выделено мной. – В.Я.) заключается в том, что человеку при этом приходится обрабатывать большое количество обрывистой и совершенно разнородной информации. Причем обрабатывать поверхностно, не делая глубоких выводов. Со временем данный термин получил более широкое распространение после появления понятия «клиповая культура», стал рассматриваться в качестве составляющей общей информационной культуры, основанной на бесконечном и бесконтрольном мелькании информационных отрезков».

Я думаю, что *такой тип мышления* свойствен абсолютно всем людям, во все эпохи и времена. Любой человек является *мультифрэнной личностью* (термин французского философа Поля Рикёра), в течение одного только дня пребывающей в разных социальных пространствах, созерцающей различные ландшафты, слышащей и читающей многие *тексты, фразы и слова*. И это не приводило к шизофрении, потому что сознание такого человека легко соединяло разнородные контексты в единый текст (или *гипертекст*).

То же самое было и два столетия назад: русский дворянин поочередно мог общаться со своей супругой и детьми, с друзьями, с сослуживцами, со старостой, приехавшим из подмосковной или из *загláзной* деревни, с извозчиком и ямщиком, а вечером – с товарищами по игре в *вист*... И со всеми этими людьми он разговаривал на разных языках (*социальных диалектах*), слышал и произносил слова, принадлежащие различным словарям.

(Продолжение следует)

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – литературы город ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРТ-РЕЗИДЕНЦИЯ В ИЗМАЙЛОВО

С 1 по 7 августа в креативном пространстве «Дом инженеров» в Измайлово прошла «Литературная арт-резиденция», где программа «Ульяновск – литературы город ЮНЕСКО» выступила партнером.

К участию в резиденции приглашались писатели, поэты, копирайтеры, журналисты и все, кто работает с текстом. Участники получили возможность улучшить свои навыки и узнать что-то новое.

Насыщенная программа арт-резиденции включала в себя разнообразные лекции, мастер-классы и консультации. Среди них были мастер-классы и консультации от автора текстов Елены Новичковой, молодого поэта Нерестовской (настоящее имя – Полина Николаева), филолога Ксении Богословской, руководителя школы ораторского мастерства Игоря Рассадина, поэта Анастасии Макаровой и издателя Ирины Лучакиной.

КНИЖНЫЙ КЛУБ «КУЛЬТПРОСВЕТ»

Литература – это не только библиотека и книжный магазин! Наш книжный клуб станет для вас уникальным способом узнать новые интересные места в городе и встретить своих единомышленников.

Собрания клуба проходят раз в месяц, и у каждого из них своя есть своя неповторимая история. Вместе с нами вы познакомитесь с автором книги и его художественным текстом, поучаствуете в увлекательной беседе, а кроме того, сможете попробовать себя в чём-то новом!

Чтобы оставаться в курсе событий, следите за анонсами на нашем сайте.

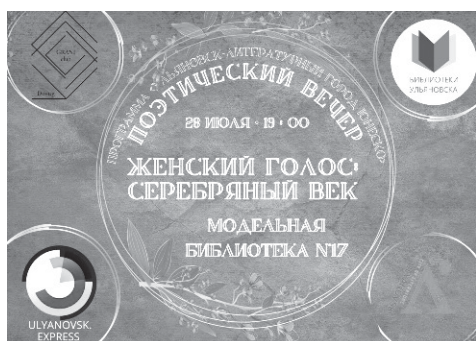
АКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЕ ГАДАНИЕ» В ТРЦ «АКВАМОЛЛ»

В субботу, 30 июля, дирекцию программы «Ульяновск – литературы город ЮНЕСКО» можно было встретить на Дне рождения торгово-развлекательного центра «Аквामолл».

Дирекция программы провела бесплатную акцию «литературное гадание», в рамках которой любой желающий мог подойти к членам дирекции и вытянуть себе предсказание в виде цитаты из классических произведений и узнать о программе чуточку больше. А также познакомиться с книжной полкой городов ЮНЕСКО.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР «ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»

28 июля на площадке модельной библиотеки №17 «Содружество» прошел поэтический вечер «Женский голос: Серебряный век». Мероприятие объединило 10 совершенно разных по роду деятельности девушек и женщин, представивших творчество забытых поэтесс XX века. Участники вечера поделились со зрителями интерес-

ной информацией о своих героинях и зачитали по несколько стихотворений.

Напомним, что в программу вечера вошли такие поэтессы, как Вера Рудич, Вера Гедройц, Вера Аренс, Софья Парнок, Наталья Астафьева, Елизавета Полонская, Маргарита Алигер, Надежда Тэффи, Римма Казакова и Белла Ахмадулина.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ГОРОДОВ ЮНЕСКО: ДЕТЕКТИВ ПО-КОРОЛЕВСКИ

«Книжная полка городов ЮНЕСКО» – проект дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», направленный на знакомство с авторами из креативных городов с разных уголков Земли и их многогранными произведениями, которые взволновали не одно поколение читателей.

В новом выпуске рубрики, постоянный автор, пресс-секретарь и молодой поэт Полина Николаева рассказала о «королеве детектива» Агате Кристи.

Почитать выпуск можно на официальном сайте программы.

КНИЖНЫЙ КЛУБ В DISCORD ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО ПИСАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Книжный клуб в Discord от Национального писательского центра в Великобритании поможет вам открыть для себя новые произведения, познакомит с новыми способами чтения и позволит общаться с читателями. Каждые несколько месяцев мы объявляем новую книгу для чтения и встречаемся в теплой дружеской атмосфере онлайн. Это абсолютно бесплатно, мы рады всем!

В назначенное время мы встречаемся для обсуждения прочитанного в Discord. Мы открыты для тех, кто действительно хочет погрузиться в конкретные темы произведения или стиль. Количество мест в чате ограничено для того, чтобы у каждого была возможность высказаться.

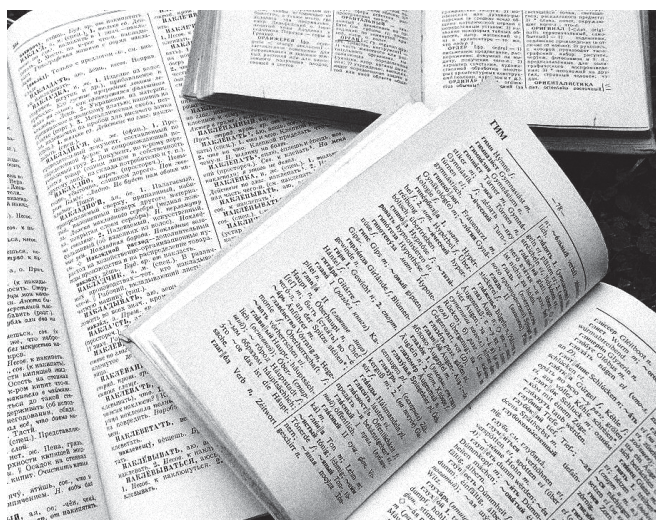
КУРС ОТ АКИ ШИЛЗ, ПИСАТЕЛЬНИЦЫ, РЕДАКТОРА И ПОЭТЕССЫ

Хотите писать суперкороткие стихотворения? Жанры, отличающиеся своей краткостью, дают нам возможность четкой выразительности, возможность немедленно перейти к сути.

Существует множество способов, которыми краткая поэзия разговаривает с читателем.

В этом курсе вы:

- узнаете о происхождении кратких форм поэзии;
- познакомитесь с самыми известными произведениями жанра;
- потренируетесь в написании хайку, ландай, кернал и танка;
- изобретете свою собственную краткую форму стихотворения.

КАК БЫТЬ ЛУЧШЕЙ ВЕРСИЕЙ ПИСАТЕЛЯ?

Бесплатный курс поможет вам проанализировать свои привычки и определить способ работы, который помог бы вам в плодотворном писательском труде. За короткий срок, например выходные – курс был составлен таким образом специально, – вы сможете оживить свое литературное творчество.

Вы всегда хотели писать больше, однако находили себя за другим занятием или заметили, что никогда не можете завершить начатое? Тренер Бен Джонкок направит вас в правильном направлении.

КУРСЫ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Хотите опубликовать свою рукопись? Публикация работы может казаться запутанным и пугающим процессом. Именно поэтому мы нашли для вас крутой курс!

Этот курс – карта навигации по различным путям к публикации, от традиционной «большой пятерки» до самиздата. Попутно вы узнаете о новых способах публикации офлайн и онлайн, и поймете, как выявлять мошенничество и избегать его.

Этот курс абсолютно бесплатный, потому что мы хотим, чтобы все писатели были вооружены основными знаниями, необходимыми для безопасной и плодотворной работы.

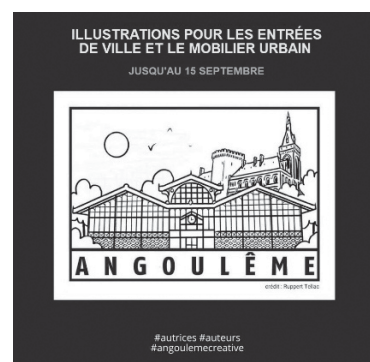

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС: «СОЗДАНИЕ УЛИЧНОЙ МЕБЕЛИ В СТИЛЕ «КОМИКС» ДЛЯ ГОРОДА АНГУЛЕМ»

Город Ангулем (Франция) – мировая столица комиксов – предлагает увеличить присутствие искусства комиксов в общественных местах и объявляет конкурс «Создание уличной мебели в стиле «Комикс» для города Ангулем.

В рамках конкурса «Создание уличной мебели в стиле «Комикс» начинающим и продвинутым художникам предлагается разрабо-

тать оригинальный образец уличной мебели в стиле комиксов, который будет демонстрироваться в общественном месте. На основе анализа местной архитектуры Ангулем предлагает разработать три вида мебели для городского пространства: мебель для сидения, знаки безопасности вокруг начальной школы и мебель для детской площадки.

ОТКРЫТ ПРИЁМ ЗАЯВОК НА УЧАСТИЕ В КОНКУРСЕ «SLAMOVISION 2022»!

Литературный город Ноттингем (Великобритания) приглашает принять участие в конкурсе «SlamOVision 2022»

Конкурс «SlamOVision 2022» – это устная версия Евровидения, где от каждого креативного города ЮНЕСКО отбирается свой поэтический номер. Каждая запись представляет собой слэм-стихотворение продолжительностью не более 5 минут, написанное и исполненное на любом языке.

Ролик должен быть запи-

сан вживую без редактирования. Субтитры приветствуются. Записи публикуются на видеохостинге Vimeo или YouTube и отобража-

ются на веб-сайте SlamOVision. Финалисты конкурса выбираются посредством онлайн голосования.

ВЫСТАВКА ПО ИТОГАМ КОНКУРСА ИЛЛЮСТРАЦИЙ «ОЖИВИ СКАЗКУ!»

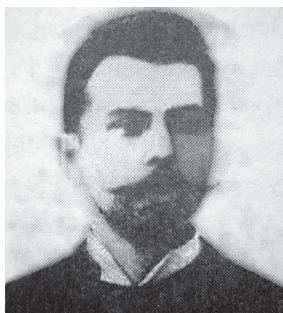

1 августа в областном государственном автономном учреждении культуры «УльяновскКиноФонд» открылась выставка по итогам конкурса иллюстраций «Оживи сказку!»

Конкурс в рамках проекта «Сказки народов Поволжья» проходил в течение двух месяцев и завершился в середине июля. В нем приняли участие ребята в возрасте от 6 до 17 лет, представившие рисунки самой разнообразной техники и форматов на тему народных национальных сказок (татарских, мордовских, русских и чувашских).

В конкурсе приняли участие ребята из общеобразовательных учреждений и учреждений культуры Ульяновской области: Дворец творчества детей и молодежи, гимназия №44 им. В.Н. Деева, гимназия №30 им. Железной дивизии, школа №10 г. Димитровграда, школа №69, школа №72, «Ульяновск – литературный город «ЮНЕСКО», детский сад №142 «Росинка» и «Тополёк» поселка Новая Майна, Детско-юношеский центр р.п. Кузоватово и другие.

Подготовила Полина НИКОЛАЕВА

Николай ГРЕН (1867–1923)

1 октября. 155 лет назад родился поэт Николай Аркадьевич Грен (01.10.1867, г. Москва – 1923, с. Русские Найманы Карсунского у. Симбирской губ., ныне Большеберезниковского р-на Мордовии). Печатал стихи в московских журналах. С 1906 года жил в имении при селе Русские Сайманы. Был почётным блюстителем народных училищ Карсунского уезда, не раз бывал в Карсуне и Симбирске. На свои деньги построил в Русских Найманах школу. Печатался в местных газетах «Трудовой день» и «Симбирянин». Издал в Казани сборник стихотворений (1909). В 1912 году занесён в родословную книгу дворян Симбирской губернии. Романсы на его стихи писали В.Э. Добровольский, В.И. Ребиков, П.П. Шенк и др.

Лев ГУМИЛЁВ (1912–1992)

1 октября. 110 лет со дня рождения учёного, писателя, переводчика Льва Николаевича Гумилёва (01.10.1912, г. С.-Петербург – 15.06.1992, там же). Сын поэта Николая Гумилёва и поэтессы Анны Ахматовой. Имеет симбирские корни: потомок в 10-м поколении Даниила Ахматова, в 1648 году участвовавшего в основании Симбирска; правнук литератора Эразма Стогова, жившего в Симбирске. В 1932 году был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш, Кузоватово. Доктор исторических наук (1961). Автор книг «Хунну» (1960), «Открытие Хазарии» (1966), «Древняя Русь и Великая степь» (1989), «От Руси к России» (1992), «Из истории Евразии» (1993) и др. Лауреат Государственной премии СССР (1990).

1698 ГОД

Мглистый свет очей во мгле не тонет.
 Я смотрю в неё, и ясно мне:
 Видно там, как в пене бьются кони,
 И Москва в трезвоне и огне.
 Да, настало время быть пожарам
 И набагу, как случилось встарь,
 Ибо вере и законам старым
 Наступил на горло буйный царь.
 Но Москва бессильней крымских пленниц
 На коленях плачет пред царём.
 И стоит гигант-преображенец
 Над толпой с кровавым топором.
 Мне от дыбы страшно ломит спину,
 Колет слух несносный скрип подвод,
 Ибо весь я страшно отодвинут
 В сей суровый и мятежный год.
 Православный люд в тоске и страхе
 Смотрит на кровавую струю,

И боярин на высокой плахе
 Отрубает голову мою.
 Панихида, и в лампадном чаде
 Чёрные закрытые гроба.
 То, что я увидел в мглистом взгляде,
 То моя минувшая судьба.

НАСТУПЛЕНИЕ

Мы шли дорогой русской славы,
 Мы шли грозой чужой земле,
 И лик истерзанной Варшавы,
 Мелькнув, исчез в январской мгле.
 А впереди цвели пожары,
 Дрожала чуждая земля,
 Узнали тяжесть русской кары
 Её леса, её поля.
 Но мы навеки будем правы
 Пред вами, прежние века.
 Опять дорогой русской славы
 Прошли славянские войска.

ПУТЬ НА ЗЕМЛЮ

Возьмём любовь путей земных основой
И не увидим в мире пустоты.
И будем все смотреть на землю снова,
К земле приглядываться с высоты.
Мы мало, в сущности, с землёй знакомы,
Земную жизнь скрывают облака.
Мы с ней в гостях у времени пока,
И только в вечности бываем дома.

Старцы помнят, внуки помнят тоже;
Прежде, чем сместился звёздный путь,
Равный с равной спал на брачном ложе,
Равный с равным бился грудь о грудь.
С кем теперь равняться, с кем делиться
И каким завидовать годам?
Воют волки и летают птицы
По холодным, мёртвым городам.

Сергей КОНЧЕВ (р. 1962)

2 октября. 60 лет назад родился поэт Сергей Михайлович Кончев (р. 02.10.1962, с. Папузы Инзенского, ныне Базарносызганского р-на Ульяновской обл.). После окончания средней школы работал механизатором, был стрелком вневедомственной охраны. Окончил Ульяновский сельскохозяйственный институт (1983). Затем переехал в Санкт-Петербург. Первые стихи напечатал в 1993 году. Публиковался в газетах и поэтических сборниках, в альманахе «День русской поэзии». Был участником XXII и XXIII конференций молодых писателей Северо-Запада. Автор поэтических сборников «Рядом с Петербургом» (1993), «Домашний ветер» (1994), «Письмо на родину» (2011). Член Союза писателей России (2000).

Сергей БИРЮКОВ (1912–1994)

4 октября. 110 лет со дня рождения педагога, краеведа, литератора Сергея Емельяновича Бирюкова (04.10.1912, г. Н. Новгород – 30.07.1994, г. Ульяновск). Окончил Казанский педагогический институт (1938). С 1943 года жил и работал в Ульяновске, преподавал географию в средних школах №3, 7 и 31. Читал лекции в институте усовершенствования учителей. Организатор музея природы в школе №31 (1969–1992). Автор многих рассказов, миниатюр и статей о природе, опубликованных в газетах «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец», сборниках УлГПИ, альманахах «Венец» и «Карамзинский сад», журнале «Мономах». Его имя присвоено Ундоровскому палеонтологическому музею (2021).

ЛЕГЕНДА

Это я подслушал у бакенщика в Жигулях, где-то в районе села Ширяево.

– Смотри, что я тебе покажу, – сказал старый волгарь.

В железной коробочке что-то мелкое. По размерам, по форме, да и цвету напоминает ржаные зёрна. Присмотрелся. Вроде каменные. Был я тогда студентом, из геологии уже кое-что понимал, окаменелости узнал, но рассказом заинтересовался.

– Ну и что же это?

– Это «каменный хлеб». А теперь слушай. Ага, хочешь записывать. Ну-ну, пиши... Так значит...

Здесь на Волге редкая легенда не связана с именем, которое будит в груди что-то свободное, но тревожное чувство неудовлетворённости своей жизнью зовёт куда-то к большему. Я предугадывал нечто подобное и не ошибся. Это была красивая, но невесёлая легенда. Повествование шло неторопливым лёгким баском, чувствовался навык, человек не впервые рассказывает это.

– В какое далёкое время произошло такое чудо, сказать не могу. Богатый купец-хлебник гнал свои баржи с хлебом сверху к Астрахани. В низовьях хлеб всегда в цене был. И купец надеялся получить боль-

шой барыш. В обратку норовил нагрузиться либо рыбой, либо солью. Эти товары наверху недёшевы.

А в этих местах два подряд года неурожай, люди мрут от бесклубия. При подходе к Самаре-городку по берегам народ толпами. Протягивают руки. Хлеба просят. Хотя бы немного, хотя бы детям. Не дал купец. Мимо голодных людей плывут баржи, плывёт хлеб.

– У-у! Разина бы на тебя! По-другому бы запел.

И вдруг... как бы в ответ на голодный стон... с захода, со стороны Жигулей, тяжёлая чёрная туча ползёт. Надвинулась и остановилась. Нависла над Волгой. И... разразилась – гром, молния, ветер, дождь! На берегу и на баржах крестятся люди, дрожит и купчишка.

А баржи?.. Баржи стали оседать глубже. Открыли трюмы, смотрят, рожь превратилась в камень, – что ни зёрнышко, то камешек.

Что это? Кара божья? Нет. Кара, да не божья. Народ говорит, что это оттого небо разбушевалось, что косточки Степана Тимофеевича перевернулись в земле от великого гнева, от обиды за простой люд.

Делать нечего, приказал купец, подогнали баржи к берегу, выбросили наскоро ненужный груз. И вот до сих пор на этой стороне, здесь вот, в Жигулях, каменную рожь местами можно брать горстью, а местами можно и лопатой грести...

Первые лучи показались за Волгой. Осветили лес, каменные склоны Жигулей, добрались и до нас. Старикуну понравилось, видно, моё внимание. На прощанье он отсыпал мне небольшую горстку этой «каменной ржи». Вот видите, у меня до сих пор сохранилось несколько зёрен этого удивительного камня (кому же ещё, детям рассказываю, конечно).

– Что же это такое? – спросите вы.

– Триста миллионов лет назад, в каменноугольный геологический период, территория нашего Поволжья была дном моря. В этом море много было животных, в изобилии водились и мелкие продолговатые моллюски-фузулины. Позже условия обитания изменились не в пользу этих организмов, и фузулины вымерли. Известковые раковины их, оста-

ваясь на дне, окаменели, образовали мощные пласты, которые со временем уплотнились и превратились в плотный камень – фузулиновый известняк, отличный строительный материал. А его выветренные россыпи народ и до сих пор именует «каменным хлебом». Легенда о «каменном хлебе» жива.

– Как жаль, что это только легенда!

А между прочим, идите к зданию Городского совета (теперь Дворец бракосочетаний). Этот старинный особняк облицован и опоры его ворот сложены фузулиновым известняком. Внимательнее присмотритесь к плитам, вы различите отдельные окаменелые раковины фузулин. Так что в этом рассказе не всё легенда.

Владимир ПУТИН (р. 1952)

7 октября. 70 лет исполняется государственному и политическому деятелю, публицисту Владимиру Владимировичу Путину (р. 07.10.1952, г. Ленинград). Окончил Ленинградский университет (1975), Высшую школу КГБ СССР (1985). Президент РФ (2000–2008, с 2012 по настоящее время). Посещал Ульяновск с рабочими визитами в 2002, 2008, 2012, 2017 гг. В 2018 году выступил во Дворце спорта «Волга-Спорт-Арена» на форуме «Россия – спортивная держава». Автор книг публицистики «От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным» (2000), «Прямая речь» (2016, в 3 томах), «Мысли о России» (2016), «Патриотизм – национальная идея России» (2017), «Россия, устремлённая в будущее» (2018) и др.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Так получалось, что первое время я сидел на шее у родителей. Студент, денег нет. Вот, допустим, в стройотряде зарабатывали тогда много. А толкуто? Съездил я в стройотряд. В Коми рубили просеку под ЛЭП, ремонтировали дома. Закончили работу, выдали нам пачку денег, где-то тысячу, что ли, рублей. Машина в то время стоила три с половиной – четыре тысячи. А мы за полтора месяца по тысяче получали! Так что деньги немаленькие. Просто огромные, честно говоря.

Итак, получили деньги. Надо же что-то с ними делать. Я с двумя приятелями, не заезжая в Ленинград, поехал в Гагры на отдых.

Приехали. В первый же день напились портвейна, заели его шашлыками и стали думать, что же делать дальше. Куда идти ночевать? Где-то, наверное, были какие-то отели, но мы о них и не мечтали. И уже поздним вечером поселились в частном секторе, какая-то бабка нас подобрала.

Несколько дней мы купались, загорали. Хорошо отдыхали. Потом стало ясно, что придётся как-то выбираться оттуда и домой ехать. А деньги, надо признаться, уже на исходе. Мы думали-думали и нашли самый дешёвый способ проезда – палубные места на теплоходе. Теплоход шёл до Одессы, а дальше – поездом в общем вагоне на третьей полке до Питера. Была раньше такая услуга, называлась «смешанная перевозка».

Посмотрели мы в своих карманах – остались совсем гроши. На оставшиеся деньги решили купить тушёнки. Причём один мой приятель был человек

довольно аккуратный, у него денег побольше осталось, чем у другого приятеля, разгильдяя. Сейчас, кстати, оба в адвокатуре работают.

И вот когда мы экономному дружку сказали, что надо бы скинуться, он задумался, а потом говорит: «Что-то тяжёлая это вещь для желудка – тушёнка. Не очень это правильно будет». Мы говорим: «Ну ладно, хорошо, поехали».

Но ещё оказалось, что надо сесть на паром. Мы подошли к пристани, увидели большую толпу, просто огромную. Правда, и паром был большой. Красивый, белый. Тут нам и рассказывают, что пускают только тех, у кого есть билеты в каюты. Палубных пассажиров пока не пускают.

Приятель, который отказался тушёнку покупать, и говорит: «Что-то не нравится мне всё это. Есть смутные подозрения, что не всё ладно. Давайте попробуем пройти прямо сейчас».

А у нас ведь ещё особенные билеты были, потому что перевозка смешанная. У всех палубных пассажиров маленькие такие талончики из плотного картона, а у нас – большие, как у пассажиров с настоящими местами. Я говорю: «Да неудобно, давайте постоим, подождём». Он говорит: «Вот ты тогда и стой, а мы пошли». Они пошли, а я, конечно, тоже за ними увязался.

Контролёр спрашивает: «У вас какие билеты?» – «Вот, у нас большие». – «А, проходите».

И нас пропустили как приличных людей. И тут боцман или кто-то ещё как закричит: «Есть ещё приличные пассажиры?». Тишина.

Он ещё раз спрашивает: «Остались только палубные пассажиры?» Те, в надежде, что их сейчас

запустят, с радостью кричат: «Да! Только палубные!» – «Поднять трап!»

Резко начали поднимать трап, и тут такое началось! Обманули, в общем, людей. Они же деньги заплатили. Как потом объясняли, с ними перегруз бы был.

Если бы мы не сели, так бы на причале и остались. Потому что денег уже ни копейки не было из тех, что мы в тайге заработали. Последние ушли на тушёнку и билеты. И куда бы мы делись без денег, непонятно.

А так расположились прямо в спасательной шлюпке, она над водой висела. И плыли как в гамаке. Я две ночи в небо смотрел, не мог оторваться. Пароход идёт, а звёзды как будто зависли, понима-

ете? Ну, морякам это хорошо известно. Для меня же это было любопытное открытие.

Вечером разглядывали пассажиров из кают. Почему-то немного было грустно смотреть, какая там красивая жизнь. У нас ведь только шлюпка, звёзды и тушёнка.

У нашего экономного приятеля и тушёнки не было. Он не выдержал и пошёл в ресторан. И там ему такая картина открылась, такие цены, что он очень быстро вернулся и сказал нам довольно безразлично: «Ну, пожалуй, тушёночки я бы махнул». Но другой приятель, человек строгих правил, говорит: «Нет, ты знаешь, мы должны позаботиться о твоём желудке. Ему тяжело будет». Так он у нас и постился ещё сутки. Жёстко, конечно, но справедливо.

Марина ЦВЕТАЕВА (1892–1941)

8 октября. 130 лет назад родилась поэтесса, переводчица, прозаик Марина Ивановна Цветаева (08.10.1892, г. Москва – 31.08.1941, г. Елабуга ТАССР, ныне РТ). В 1896 году была проездом в Симбирской губернии по пути в водолечебницу, куда отправились её родители. Проехала 15 июля 1911 года через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово в кумысолечебный санаторий под Уфой. Выпустила поэтические сборники «Вечерний альбом» (1910), «Волшебный фонарь» (1912), «Из двух книг» (1913), «Вёрсты» (1922) и др. Жила в Чехословакии и Франции, где издала книги «Ремесло» (1923), «Психея» (1923), «Молодец» (1924), «После России» (1928), «Стихи к Чехии» (1939), эссе о поэтах «Мой Пушкин» и др.

СТЕНЬКА РАЗИН (отрывок)

1

Ветры спать ушли – с золотой зарёй,
Ночь подходит – каменной горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.
Молодые плечи в охапку сгрёб,
Да заслушался, запрокинув лоб,
Как гремит над жарким его шатром –
Соловьиный гром.

2

А над Волгой – ночь,
А над Волгой – сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлёт на них атаман с княжной
Персиянкою – брови чёрные.
И не видно звёзд, и не слышно волн,
Только вёсла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов чёлн
Персиянскую душу грешную.
И услышала
Ночь – такую речь:
– Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб –
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

А она – брови насупила,
Брови длинные.
А она – очи потупила
Персиянские.
И из уст её –
Только вздох один:
– Джаль-Эддин!

А над Волгой – заря румяная,
А над Волгой – рай.
И грохочет ватага пьяная:
– Атаман, вставай!
Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!
А она – что смерть,
Рот закушен в кровь. –
Так и ходит атаманова крутая бровь.
– Не поладила ты с нашею постелью,
Так поладь, собака, с нашею купелью!
В небе-то – ясно,
Тёмно – на дне.
Красный один
Башмачок на корме.
И стоит Степан – ровно грозный дуб,
Побелел Степан – аж до самых губ.
Закачался, зашатался. – Ох, томно!
Поддержите, нехристи, – в очах тёмно!
Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка...

Николай ХМЕЛЁВ (1917–?)

10 октября. 105 лет со дня рождения поэта Николая Михайловича Хмелёва (10.10.1917, г. Симбирск – ?), поэт. Детство провёл в Симбирске. В конце 1920-х годов переехал с родителями в Белоруссию. Окончил среднюю школу, получил высшее образование, был журналистом. Во время Великой Отечественной войны работал в подполье. Во время одной из облав в Минске был схвачен гитлеровцами, избит и вывезен в Германию, в концлагерь Бухенвальд. Освободился в 1945 году, вернулся в Белоруссию. Несколько лет скитался по Советскому Союзу, перебивался случайными заработками. Работал на Урале журналистом в районной газете, собкором областной газеты «Звезда» в Перми. Публиковал стихи в периодических изданиях.

НОЧЬЮ

Ночь.
Концлагерь тревожно спит.
Вплоть с оградой надсадно гудит,
С лязгом стали, военный завод,
Что фашистам оружие куёт.

Болен думкой пленённый солдат:
«Тем оружием убит мой брат.
Тем оружием убита жена...
О, когда же придёт тишина?!»

Вдруг ворвался грозящий гул.
Пленник тотчас же вверх взглянул,
Словно он сквозь двойной потолок
Небо гулкое видеть мог.

Вспыхнул радостью пленника взгляд:
«Это наши, наши летят!..»
Эх, из сердца бы высечь огня,
Дать сигнал им: «Бомби на меня!..»

Иван АНДРЕЕВ (1912–1999)

11 октября. 110 лет назад родился геофизик, мемуарист Иван Дмитриевич Андреев (11.10.1912, г. Илуксте Курляндской губ., ныне Латвии – 24.07.1999, г. С.-Петербург). С 1919 года жил с семьёй в Симбирске, на родине матери. Окончил школу имени К. Маркса в Ульяновске (1930). Летом работал кочегаром на волжских пароходах, зимой – на патронном заводе. Окончил Ленинградский университет. Не раз приезжал в Ульяновск во время отпусков; поддерживал связь с гимназией №1. Написал мемуарные «Записки марксёнка» о школьных годах в Симбирске-Ульяновске и зимовках на Памире. Автор книги «Город моего детства: воспоминания о жизни в Симбирске-Ульяновске» (2020, составитель В.В. Ястребов).

ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА (отрывок из воспоминаний)

Прежде чем начать рассказ о жизни ученика первой пролетарской школы имени Карла Маркса, хочется сделать небольшую оговорку.

Мы, ребята 20-х годов, были воспитаны на романтике больших социальных потрясений, отложивших в наших детских душах и сердцах неизгладимый след. Отзвуки Великой Октябрьской революции, Гражданской войны, прокатившейся через Симбирск, – вот та почва, на которой происходило наше становление.

Сейчас, когда я побывал на выпускном вечере в Ульяновской школе имени В.И. Ленина и мысленно просматриваю пройденный путь, думаю, что всю жизнь я был неисправимым романтиком.

Школа имени Карла Маркса первой ступени, когда я пришел в неё учеником первой группы, помещалась в небольшом двухэтажном доме на Новоказанской улице (ныне ул. Гагарина). Ребят в школе было мало, параллельных групп не было.

Помню свою первую учительницу – Софью Николаевну Грязнову. Она учила нас всему, даже таким экзотическим по тем временам вещам, как пластика вместо физкультуры, пение и начатки французского языка. Нас надо было занять, и она это делала,

как могла. Мы приходили в школу на целый день. Питались в школе.

В 1919–1921 годах на Волге голод, голод и разруха по всей стране. Нас кормят американцы. АРА – организация помощи голодающим Поволжья, организованная Ф. Нансеном. Так впервые я узнал имя известного полярного исследователя.

Приходили мы в школу рано утром, завтракали, потом уроки. Обед, внеклассные занятия и игры на большом дворе позади школы. На двор выходят фасады двух разрушенных мельниц, адресованных по параллельной улице. Краснокирпичные здания с выбитыми стёклами, мрачными подвалами пугают своей темнотой и пустотой. Но мы, ребята, их быстро освоили и сделали ареной игры в «красных и белых».

Вечером ужин, – и по домам. Все мы по очереди дежурили на кухне, по столовой, чистили картофель, мыли посуду под руководством единственной поварихи, обслуживавшей школьную кухню.

Домой бежали по тёмным улицам, на которых иногда натыкались на трупы голодных, замёрзших людей. По Симбирску ходили слухи о людоедстве, о пропавших детях, о колбасе, купленной на базаре,

в которой попадались человечьи ногти... В суде рассматриваются дела об убийствах, людоедстве. Отчёты о судебных заседаниях печатаются в «Симбирской правде».

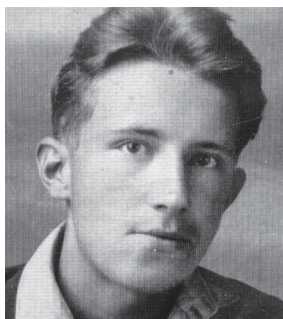
Мы с моей старшей сестрой, которая училась на год старше меня, бежим по Хлебной улице (ул. Орлова), через Маришку, по Смоленской улице (ул. Рылеева) к себе домой. За пазухой прячем по куску хлеба, оставленного от ужина для матери и младшей сестры, которые с нетерпением ждут и изводятся от страха за нас, бегущих по пустынным и тёмным улицам и, конечно, голодных. Кроме хлеба ничего не принесёшь, навывнос из столовой ничего не выдавалось, и уносить домой даже кусок хлеба, оставленный от ужина, приходилось тайком от дежурных.

Лето 1921 года. В школе каникулы. Я с товарищами по улице на Волге. По всей Волге эпидемия холеры. Напротив Симбирска, у острова Середыш, на якоре стоит баржа, куда из города и окрестных деревень везут больных, изолируя их от здоровой части населения. Нам, ребятам, всё нипочем. Пьем воду из Волги, купаемся, вперегонки плаваем «на бревно» – эдакий упор, которым удерживались пристани от прижимания к берегу, когда к ним причаливал пароход.

Катались на лодках, которые не всегда законным путём попадали к нам в руки. Надо заметить, что, накатавшись и накупавшись, лодки мы всегда ставили на место. Очевидно поэтому их хозяева не очень нас преследовали за использование принадлежащих им «плавсредств». Волга закаляла, Волга кормила – рыбка ловилась хорошо.

В 1921–1922 учебном году школа имени Карла Маркса первой ступени переехала в казавшийся тогда нам роскошным и очень большим дом на Покровской улице (ул. Л. Толстого). В настоящее время в этом доме на втором этаже выставка работ художника Пластова, на первом – художественная Лениана.

Школа имела проходной двор на Московскую улицу (ул. Ленина), общий с нынешним мемориальным музеем В.И. Ленина. Тогда музея ещё не было. Он открыт значительно позднее, когда в Симбирск приезжала, после смерти В.И. Ленина, его жена Н.К. Крупская. В этом дворе мы, мальчишки, поднимая тучи пыли, с азартом играли тряпичным мячом в футбол. Воротами служили два старых вяза, их сейчас нет, весь двор перепланирован и имеет совсем другой вид, чем в те годы...

Виктор БАГРОВ (1912–1938)

12 октября. 110 лет со дня рождения поэта, переводчика Виктора Александровича Багрова, настоящая фамилия – Бестеменников (12.10.1912, с. Екатериновка, ныне Безенчукского р-на Самарской обл. – 15.03.1938, г. Куйбышев, ныне Самара). Делегат Первого съезда советских писателей (1934). Был ответственным секретарём литературного альманаха «Волжская новь» в Самаре. Автор книг «Разведка» (1934), «Стихи и поэмы» (1936), «Емельян Пугачёв» (1978). В 1930-е гг. не раз приезжал в Ульяновск; встречался здесь с писателями Елизаром Мальцевым и Арсением Рутько. В 1937 году был арестован как «член антисоветской террористической организации»; расстрелян вместе с Артёмом Весёлым. Реабилитирован в 1960-е гг.

Если я задумал о высоком,
Ты меня обратно позови,
И опять вернёмся мы к истокам
Нашей неисчерпанной любви.

Здесь огни случайного ночлега,
Ширь степная на сто вёрст кругом,
Здесь она впервые из-под снега
Выбивает звонким родником.

Здесь ещё мы верим и не верим,
В полоне сугробов снеговых,
Но уже отдёрнуты апрелем
Полога метелей круговых.

По лесам, по луговым угольям,
Молодая, светлая до дна,
Мчит она весенним половодьем,
Вся в заре, от зорюшки пьяна.

Только паводок стоит недолго,
Зазвенит пырей на берегу.
Синим летом приласкает Волга
Луговую малую реку.

Приласкает, понесёт с собою
В медном звоне зорь и якорей.
Мы ещё докатимся с тобою
До солёных ветровых морей!

Опять, опять дорога, здравствуй!
Сухим сенцом набит возок,
Луной подкован чёрт гривастый,
Открыта степь – и путь далёк.

Опять нестись под волчьим солнцем,
Под замороженной луной,
Опять кивать прохожим сонсам,
С твоей прощаясь стороной.

Но и сквозь думы путевые,
Сквозь снежный ветер и мороз –
Глаза, как молнии, живые
И кольца чёрные волос.

Ты, может, спросишь: где брожу я,
В каком непройденном краю?
Вспоманешь молодость чужую,
Двадцатилетнюю мою.

Ты погрузи о ней немного –
Ушедшей в снежную страну.
И вкатит ночь в большие окна
Мою дорожную луну.

Не бредни ль это путевые?
Ведь для меня – твой звонкий смех,
Глаза, как молнии, живые
И зубы белые как снег,

И всё, что кровь будила в жилах,
Чем ночь дорожная полна, –
Всё это мне наворожила
Степная старая луна.

Моя луна в бессонных пятнах,
И на снегу её огни.
Так что же – повернуть обратно
Иль дальше гнать? Давай, гони!

Пётр РЫЧКОВ (1712–1777)

12 октября. 310 лет назад родился учёный, автор трудов по истории Пётр Иванович Рычков (12.10.1712, г. Вологда Архангельской губ. – 26.10.1777, г. Екатеринбург). В 1735 году впервые прибыл в Симбирскую провинцию. В 1752-м женился на дочери симбирского помещика А.Д. Чириковой. Первый член-корреспондент Петербургской Академии наук (1759). Дважды приезжал в Симбирск зимой 1769 года в поисках удобных пристаней для перевозки соли. В 1774-м беседовал в Симбирске с пленённым Е.И. Пугачёвым. Автор сочинений «Краткое известие о татарах» (1745), «История Оренбургская» (1759), «Опыт казанской истории древних и средних времён» (1767), «Астраханский бунт Стеньки Разина» (1774) и др.

ИСТОРИЯ ОРЕНБУРГСКАЯ (отрывок из сочинения)

По прибытии Кирилова в город Самару бывшие с ним команды в надлежащие команды расположены и яицкие казаки в дома их отпущены, и отсюда ж, о всём том, что в бытность его, Кирилова, в Башкирии и в Сакмарске и в следовании его по Самарреке происходило, послав в кабинет обстоятельные рапорты, отправился в Симбирск. И, там будучи, учиня учреждение о переезде всей бывшей тут команды его в город Самару, сам отправился налегке в Мензелинск к бригадиру Хрущову для совета к конечному прекращению башкирских замешаний. И прибыв, учинили о всём том согласное определение и план, как и с которых сторон против бунтовщиков действовать, с которого для апробации отправили копию в кабинет от 23 декабря, и притом просили, чтоб с сибирской стороны над военными людьми главную команду поручить действительному статскому советнику Татищеву, объявляя, сколь рассматрительно он с начала другого бунта, т. е. в 1736 году, поступал и сам в малолетстве едва с одними крестьянами, вступая с сибирской дороги в Башкирию, к спокойствию их привёл и две крепости в нужных к содержанию их местах сделал, и что в тамошнем отдалённом краю лучшая надежда на него имеется.

Впрочем, бунтовщики башкирцы в сем году несколько раззорили мешчеряцких и других иноверческих, также и в Кунгурском уезде, деревень. Однако сами несравненно против того пострадали и от комиссии башкирской, в бытность уже при оной бригадира Хрущова, такой успех происходил, что многое число пришедших с повинною к присяге приведено, из которых лучшие во образе аманатов удержи-

ваны, кои потом все за их злодейство смерти преданы, а иные из них, сидя под караулом, померли. Со стороны сибирской вступлением действительного статского советника Татищева и разными от него чинёнными порядками вся зауральская башкирь в спокойность приведена, и у бывшего там с командою полковника Тевкелева около 4000 зауральских башкирцев с повинною явилось и в верности купно с главным их предводителем и зачинщиком тамошнего замешания Юсупом батыром Арыковым (кой на провиантский обоз нападение чинил) куран целовали, и взятые ими в Верхояицкой пристани пушки и солдатские ружья отдали. Причём, помянутый зачинщик бунта Юсуп и с ним главный его товарищ и такой же предводитель Сабак, прозванием безрукий, означенным Тевкелевым под крепкий караул взяты и удержаны при новопоселённой Чебаркульской крепости, отколь они во всю зауральскую башкирь письма от себя разослали, чтоб все башкирцы от бунта унялись и шли с повинною. И тако тогда зауральцы и все на сибирской дороге живущие башкирцы успокоились.

Статский советник Кирилов, отправясь из Мензелинска в последних числах декабря, чрез закамскую линию возвратился в Самару в первых числах января 1737 года, куда в том же январе и вся команда его из Симбирска переведена и расположена до весны в обывательские квартиры в таком намерении, чтоб с первым вешним временем переселиться в оный Красносамарск. Оттоль бы ему, Кирилову, следовать к Оренбургу для утверждения сего города и всей назначенной им по рекам Самаре и Яику

линии. К чему он всевозможное чинил приготовление, а особенно для снабжения Оренбурга и всей линии провиантом достаточные и надёжные контракты с купцами и яицкими казаками заключил. К поселению ж в новых крепостях принимал из разных людей охотников, а больше бродящих и объявляющих о себе, что прописные от подушного оклада, коих тогда немалое число им, Кириловым, записано и в те крепости с надлежащею ссудою деньгами и провиантом на поселение отправлено.

При том же имел он, Кирилов, и такое намерение, чтоб для основания азиатской коммерции отправить весною до города Ташкента, отколь ещё прошлого лета несколько купцов чрез Оренбург с их товарищами в Самару приехали и, в Казани исторговавшись, весны ожидали в Самаре, обретающегося тогда в службе при экспедиции его, Кирилова, для математических обсерваций англичанина, морского капитана Элтона, под видом купца, а в самой

вещи – о всех бы тамошних обстоятельствах, так же и об Аральском море, на котором по данной ему инструкции судовую пристань завести повелено, совершенно уведомиться, к чему от него, Кирилова, и потребные инструменты тогда ж были приготовлены. Но случившаяся ему головная болезнь все его государству полезные и суще беспристрастные намерения в действо произвести не допустила, ибо он, Кирилов, приездом и пользованием из Екатеринбургского доктора Грифа в феврале месяце от той болезни хотя и получил было некоторое облегчение, но как от него помянутый доктор отъехал, а другой, от двора его императорского величества нарочно для него присланный, ещё не прибыл, оная болезнь столько в нём умножилась, что он 14 апреля и жизнь свою христиански окончил, и 16-го в городе Самаре в церкви Николая Чудотворца с надлежащею церемонией погребён.

Семён КРАСНОВ (р. 1962)

13 октября. 60-летний юбилей отмечает поэт Семён Васильевич Краснов (р. 13.10.1962, г. Ставрополь-на-Волге, ныне г. Тольятти Самарской обл.). В детстве приезжал к бабушке в Ульяновск; позже писал об этом: «Меня крестила бабушка тайком / В Ульяновске, на Куликовке в храме...». Позже не раз бывал в Ульяновске. Сотрудничал с журналом «Мономах» и альманахом «Карамзинский сад». Учился в Литературном институте имени А.М. Горького. С 2006 года заведует лабораторией литературного творчества Тольяттинского университета. Член Союза писателей России (2007). Автор поэтических сборников «Печали свет» (2003), «Я живу, как умею» (2004), «Поединок серых глаз» (2005), «Девочка поёт на клиросе» (2008), «Последний из сторожевых» (2009), «Дело десятое» (2010), «Шёпот слышнее крика» (2014) и др.

Меня крестила бабушка тайком
В Ульяновске, на Куликовке в храме;
Ни слова не сказав отцу и маме,
Ушла под утро из дому пешком.

Рассветный большевистский Вифлеем
Смотрел вослед стремительной старушке,
И звук шагов – судьбинный счёт кукушки –
Дробил в осколки суть безбожных схем.

А бабушки всем миром, всей землёй
Спасли любовь и сохранили веру.
...В Успенской деревянной новой церкви
Крестил детей я солнечной весной...

Веет древними поверьями
Свежий ветер в Жигулях.
Снег послушный хрустко стелется,
Путник в розвальнях-санях.

Торный путь по-над утёсами;
Волга, в панцирном плену
Льда, бугристыми торосами
Оттеняет белизну.

Схоронён в глухой расселине
Город-призрак, город-дым,
Засыпаемый металемами
Ладоград-Ерусалим.

Там меня мои родители
Ждут уж много лет и зим,
Ждёт всех путников в обители
Светлый ангел Серафим.

Соотношение поэта и Христа
В слепом пространстве чистого листа.
На перепутьях троп, избитых строк,
Платя судьбе немислимый оброк
Разбитой жизнью, сломанной судьбой...
Забывтый сон, душевный непокой.
...На перекрестье взорванных сердец
Искать любви незапертый ларец.

Не пишите стихи про запас:
Богу – богово, вольному – воля.
Чистый лист – как широкое поле,
Наша жизнь – как печальный рассказ.

Наша жизнь без вранья и прикрас –
Светлый миг от рожденья до смерти,
Белый цвет на небесном мольберте,
Тишина недосказанных фраз.

Суета недописанных строк –
Сотни слов в нераскрытом конверте:
«Полюбите,
 познайте,
 поверьте,
Преступите незримый порог...»

Василий ИВАШЕВ (1797–1841)

14 октября. 225 лет со дня рождения декабриста, литератора Василия Петровича Ивашева (14.10.1797, с. Ундоры, ныне Ульяновского р-на Ульяновской обл. – 09.01.1841, г. Туринск Тобольской губ., ныне Свердловской обл.). Внук симбирского губернатора Александра Васильевича Толстого. В день восстания декабристов находился в Симбирске. В 1826 году был приговорён к 20 годам каторжных работ и отправлен в Читинский острог, затем на Петровский завод. В ссылке занимался музыкой, живописью, поэзией, написал поэму «Стенька Разин», сатирическую песню о походе в Польшу «Дибич слово царю дал...». По просьбе отца перевёл с немецкого записки Ф. Антинга о военных походах Суворова.

Илья ИЛЬФ (1897–1937)

15 октября. 125 лет назад родился писатель-сатирик Илья Арнольдович Файнзильберг, творческий псевдоним – Илья Ильф (15.10.1897, г. Одесса – 13.04.1937, г. Москва). В июле 1924 года с Юрием Олешей был проездом в Ульяновской губернии по пути в Самару, а летом 1925-го плывал на пароходе «Герцен» по Волге и останавливался в Сенгилее, о чём оставил фразу в «Записных книжках». В соавторстве с Евгением Петровым написал романы «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой телёнок» (1931), новеллу «1001 день, или Новая Шахерезада» (1929), повести «Светлая личность» (1928), «Одноэтажная Америка» (1937) и др. Писал фельетоны для газеты «Правда», «Литературной газеты» и журнала «Крокодил».

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ (отрывок)

В 10.20 выехал из Москвы в Нижний. Огненный Курский вокзал. Ревущие дачники садятся в последний поезд. Они бегут от марсиан. Поезд проходит бревенчатый Рогожский район и погружается в ночь. Тепло и темно, как между ладонями.

Утро. На станции Сейша машинист хватается тонкий жезл, как шпагу.

В трамвае кондуктор ужасно завопил «прости-те, граждане».

Нижний Новгород. Белоснежный, вышедший из ремонта в первый свой рейс, «Герцен». Украшен плакатами, транспарантами. 22-аршинная надпись «4 тираж крестьянского займа». Выставка НКФ в салоне 1-го класса. Электрические тиражные колёса в зале 3-го класса. Сегодня первый день тиража. Звенят медные трубы, созывая всех на розыгрыш. Походные штаты Наркомфина – машинистки. Выставка исторически показывает развитие и ход денежной системы СССР от тряпочек самоуправления до блестящих червонцев.

Начинается тираж. За столом председателя радиоусилитель.

Комиссия приступает к свёртыванию билетов. Пакет с печатанными билетами имеет пять комплектов, от ноля до девяти. Кроме миллионов, они от ноля до четырёх. Желающие проверить технику непрерывной цепью тянутся перед столом. На пароходе бойко торгуют облигациями. Рослый бородач приходит как в трактир: «Дайте парочку».

Пристань Нефторга. Чёрное Сормово. Нефтеналивные баржи. Собрались с пионерами на горке, засыпанной щепками и мусором. Сормово – город пролетариев. В пыли под наклонёнными лучами солнца бегут к «Герцену» пионеры.

Когда начинается «да здравствует», то музыканты уже надувают щёки. Читается не резолюция, а текст, годный для конституции республики средних размеров.

Выступление Синей блузы на второй палубе перед народом, собравшимся разноцветной толпой на берегу и на пристани, с знамёнами. Киноаппарат работает. Идёт под аккомпанемент гармони. Пришла с иконой садиться в паром. Прощаемся и отваливаем. Ребятышки плещутся в воде и орут: «Снимаю меня».

Бармино. Толпа на берегу. Большое село. На деревянной пристани полно ног и рук. Нас обгоняет из Нижнего теплоход «Карл Либкнехт».

Юрино. Труба зовёт из села. С лесного берега пришли черемисы. Замок Шереметьева. Кирпичная безвкусица...

Козьмодемьянск стоит на высоченном горном берегу.

Село Ильинка. Председатель Госбанка углубился в дебри. Велосипед, лежащий на земле, похож на большие очки в стальной оправе. Из разрозненных изб выходят правильные отряды. По-русски – Ильинка, по-чувашки – Илинка.

Чебоксары. Чуваши. Вывески на двух языках. Пароход «Парижская коммуна», полный нежности и москвичей. При подходе с его шканцев тяжело бухается вниз корзина с фруктами. Немедленно с берега понеслись лодки с волгарами на поимку...

– На том свете за красненькую не увидишь, что тебе здесь покажут! – уговаривает старушку.

Приходит барышня, спрашивает, нельзя ли вклады класть тайно от мужа, он пьёт и курит.

Казанский мост проезжали на закате солнца.

Казань. Луна над лесным гребнем. Чёрная и жёлтая волжская вода. Кремль и аккуратная Сумбек-башня. Этнографический музей и буддийские молитвенные мельницы. (Обстановка реки, знаки на перекатах.) Зародыши с лягушачьими лапками. Клуб деревянный. Великое безмолвие библиотеки-читальни.

Собрание в саду «Эрмитаж». Мягко звучащее дыхание медных труб.

Шлёпнется на твою облигацию тысяча, вот и поднял хозяйство.

С высоченного крутого берега по тропкам и зигзагообразной лестнице спускаются делегации. Знамёна реют на дорогах. Первыми на «Герцен» проникают пионеры.

Тетюши. Лесенка в 840 ступеней. Зелёный и розовый берег.

Сенгилей. К маленькой пристани бегут в розовых рубашках дети и медленно идут из-за зелёной рощи взрослые. Оркестр уходит в город собирать на митинг...

Вилли СКУЛЬТИН (1897 – не ранее 1977)

16 октября. 125 лет со дня рождения поэта, публициста Вилли Яновича Скультина (16.10.1897, с. Чекалино, ныне с. Красная Балтия Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – не ранее 1977, г. Бендеры, ныне Приднестровской Молдавской Республики). Был депутатом Симбирского губернского совета. В 1918–1920-х гг. жил в Симбирске; работал секретарём газеты «Пролетарий», заместителем губернского комиссара просвещения, секретарём губкома РКП(б). Печатался в газете «Пролетарий». В 1920 году опубликовал стихи «В безумстве стихии...», «Вперёд», «Рабочему Коллективу» в сборнике стихов с предисловием И.М. Варейкиса. Автор воспоминаний «В первом губисполкоме» (1967, Саратов).

В ПЕРВОМ ГУБИСПОЛКОМЕ (отрывок из воспоминаний)

С апреля по октябрь 1917 года я находился в Смоленске, в 163-м запасном сапёрном полку, сначала рядовым солдатом, потом – курсантом учебной команды. Там вступил на партийный путь. В начале октября был отпущен домой.

Вернувшись в родное село Красная Балтия Кузоватовского района (бывшее Чекалино, Латышский выселок), я застал свою мать в чрезвычайно бедственном положении, пришлось срочно искать работу. Пока я был занят поисками заработка, произошла Октябрьская революция. Я устроился на Лесно-Матюнинской суконной фабрике, тогда ещё принадлежавшей Кузнецову, где включился в политико-массовую работу.

От фабрики в Симбирский совет был послан один товарищ. Но он оказался шкурником и трусом, вернулся домой, заявив, что депутатом совета оставаться не хочет. У меня сложилось впечатление, что он просто испугался той сложной и трудной политической обстановки, которая сложилась в городе и губернии в конце 1917 года. Вопрос об этом дезертире был поставлен на общем собрании рабочих фабрики. После короткого обсуждения собрание решило просьбу об отставке депутата удовлетворить и на его место послать другого. Была предложена моя кандидатура. Собрание проголосовало за меня единогласно, и я был (точно не помню, то ли в конце января, то ли в начале февраля) отправлен с полномочиями от коллектива фабрики в Симбирск, где получил мандат депутата губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Январь – март 1918 года был периодом, когда создавались и укреплялись губернские комиссариаты и их отделы, создавался и налаживался аппарат Советской власти в губернии и на местах. Возглавляла комиссариаты в основном большевики. Так, например, председателем президиума Совета был избран широко известный и уважаемый в губернии большевик, рабочий-металлист М.А. Гимов. Комиссариат торговли и промышленности возглавил стойкий коммунист В.Н. Фрейман. Организовать комиссариат труда было поручено члену партии И.Х. Иванову. Во главе комиссариата просвещения стал коммунист А.М. Измайлов. Вопросами суконных фабрик занимался любимец текстильщиков губернии П.Х. Гладышев.

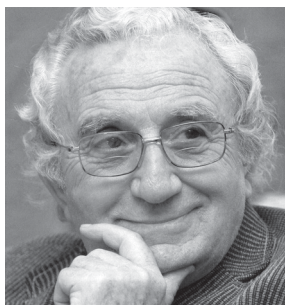
Это был очень трудный период. Людей, преданных делу социалистической революции и в то же время более или менее опытных в делах управления, было слишком мало. А те, кто мог бы нам помочь в деле налаживания советского аппарата, в основной своей массе отказывались сотрудничать с

советской властью, или если и становились на работу, то сплошь и рядом занимались саботажем и извращением наших распоряжений. Приходилось идти на смелое выдвижение рабочих на руководящие посты. Взять хотя бы меня, молодого парня, 1897 года рождения, не получившего даже среднего образования. Как депутат совета, я был выдвинут в заместители губернского комиссара народного просвещения. Принимал участие в создании единой трудовой школы в губернии.

Трудности того периода заключались и в том, что местная буржуазия была ещё достаточно сильна экономически, имела значительные связи и опору среди запятанного по закоулкам старого офицерства, плела всякие козни и заговоры, влияла на значительную часть населения города и деревни. Для того, чтобы лишить местную буржуазию экономической силы и возможности активизироваться, приходилось не раз накладывать на неё контрибуцию, держать под наблюдением все очаги возможных антисоветских выступлений, а предприятия поставить под строгий рабочий контроль и постепенно национализировать.

В Симбирске существовал кадетский корпус. Это был один из потенциальных серьёзных очагов антисоветских выступлений. Надо было его ликвидировать. Когда возникло решение о ликвидации корпуса, выполнение его было возложено на губернский комиссариат просвещения. Мне, как заместителю главы этого учреждения, был выдан мандат о том, что я являюсь комиссаром по ликвидации кадетского корпуса. Я направился к корпусному начальству с этим заданием. Не помню, как назывался тогда начальник корпуса, но он со мной, «мальчишкой», и разговаривать на эту тему не стал, заявив, что будет иметь дело с Москвой.

Я всё же настоял на том, чтобы созвать весь коллектив корпуса на совещание, надеясь на то, что если не преподаватели, то другой обслуживающий персонал поддержит распоряжение революционной власти. Но этого не произошло. Один только фельдшер, молодой человек, поддержал меня. Особенно злобно был настроен преподаватель Краснов, позднее бежавший с белыми в Самару. Мне ничего не оставалось, как обратиться в президиум Симбирского совета. Там я встретил комиссара труда И.Х. Иванова. Он меня успокоил, сказав, что меры будут приняты. В чём же выразились эти меры? В том, что ночью заявился в корпус отряд красногвардейцев, изъял всё хранившееся якобы для учебных целей оружие, кое-кто был арестован, и дальше всё пошло гладко, без всяких эксцессов...

Анжел ВАГЕНШТАЙН (р. 1922)

17 октября. 100-летний юбилей отмечает болгарский писатель, кинорежиссёр, сценарист Анжел Раймонд Вагенштайн (р. 17.10.1922, г. Пловдив, Болгария). Окончил ВГИК в Москве (1950). Жил, учился и работал в Софии, Париже, Берлине, Москве и Вене. Автор более 50 сценариев фильмов, снятых в разных странах, и нескольких романов. Посетил Ульяновск 26 сентября 2013 года в рамках III Международного культурного форума; провёл в Доме-музее И.А. Гончарова творческую встречу, где представил изданную на русском языке трилогию «Пятикнижие Исааково», «Прощай, Шанхай!», «Вдали от Толедо (Жизнь Аврама Гуляки)» (2013). Заслуженный деятель культуры Болгарии. Награждён медалью Пушкина (2013).

ВДАЛИ ОТ ТОЛЕДО (отрывок из романа)

Она снова мелькнула, как молния, – яркий проблеск на долю секунды, и я почувствовал её раньше, чем увидел. Может быть, взгляд просто скользнул – бегло и рассеянно, не задержавшись на женском силуэте у сводчатого окошка, затерявшегося среди прочих слушателей. Уже потом сознание, как исправный компьютер, без моего участия, открыло файл, в котором сохранилось знакомое лицо, выделяющееся в безликой толпе.

На этот раз я уже медленно обратил взгляд в ту сторону, не доверяя первому впечатлению. Ведь если эта женщина действительно та, за которую я её принимаю, то это не более, чем галлюцинация, порождённая волнением, которое я испытал, неожиданно вернувшись в страну моего детства.

Или следствие усталости после бессонной ночи.

Предыдущая ночь прошла в самолётах и неприлично тихих аэропортах, где дремали в пластмассовых креслах-горшках незнакомые пассажиры, погружённые в тревожные, обрывочные сновидения. Они, как мне казалось, прибыли из ниоткуда и направлялись в никуда. Ничего не значащие встречи галактических пылинок, которые никогда впредь, в ближайшие миллиарды веков, не сойдутся в одном и том же месте в одно и то же время.

За моей спиной – абсида, где простёрла руки, словно желая нас защитить, Божия Мать – покровительница монастыря, названного в её честь монастырём Успения Пресвятой Богородицы. А рядом с этой расписной абсидой, в сводчатой нише, выставлена чудотворная грузинская икона – одна из загадок этого монастыря. Я продолжал говорить, это профессиональная университетская привычка – изрекать слова, которые заранее приготовился сказать или уже не раз произносил, но думать о другом. Я даже не отдаю себе отчёта, что говорю механически и повторяю фразы, которые, может быть, произносил ранее по другому поводу, потому что взгляд мой устремлён на другую сторону длинного мраморного стола, над головами слушателей – туда, где стоит женщина.

Та самая, невозможная.

– Всмотритесь внимательно в эту икону. Постарайтесь поймать взгляд Богоматери! Нечасто иконописное произведение раннего христианства с такой силой и глубиной внушает идею материнства,

проникнуто её жизнеутверждающей философией. Мариам, или Мария. Мистерия, унаследованная от древних верований Востока, быть может, пришедшая из далёких времен матриархата. Ибо в этой иконе мы можем прочесть закодированное древнее восточное дохристианское послание об изначальной Богине-матери. Мадонне, дарующей жизнь и являющейся символом её нескончаемого круговорота, временной смерти Солнца и его воскрешения. Нашей общей древней азиатской Ма.

Ма! Мать!

Откуда-то издали, из самых тайных глубин сознания, но чётко и нежно долетела фортепьянная музыка. Иоганн Себастьян Бах. Токката и фуга. Молнией блеснуло воспоминание.

Мать Аракси, прелестная госпожа Вартамян!.. Её пальцы с удивительной лёгкостью касаются клавиш. Задумчивая, чуть заметная улыбка дрожит в уголках её губ, она бросает на меня добрый взгляд – на зачарованного очкастого мальчика, попавшего в другие, незнакомые миры, внука жестянщика Аврама, называемого Эль Борачон, то есть Гуляка.

Отчётливо сознаю, что по прошествии стольких лет она не может быть такой, как прежде, какой я её запомнил до того как их семья выехала на постоянное место жительства во Францию. Молодая мадам Вартамян, наша учительница французского, благородная образованная армянка, с тёмными мечтательными глазами и волосами медного оттенка, излучавшая физическую и душевную чистоту!

Может, это просто её подобие, почему бы и нет, – думаю я, продолжая говорить о другом.

Почему бы и нет?! Да просто потому, что реальная или воображаемая – это она и никто другой. Об этом буквально кричат все мои подсознательные – метафизические и недоказуемые – инстинкты, пренебрегающие нормальной логикой относительно необратимости времени, в котором люди неминуемо стареют и меняются. А может, это просто зрительный обман, случайная схожесть, вызванная скудным освещением и мистической атмосферой этой средневековой монашеской трапезной, где потоки света проникают снаружи, пронзая своими стрелами голубоватый туман, клубящийся над горящими свечами...

Капитолина НАЗАРЬЕВА (1847–1900)

18 октября. 175 лет назад родилась прозаик, драматург Капитолина Валериановна Назарьева (18.10.1847, г. С.-Петербург – 26.12.1900, там же). В 1868 году вышла замуж за литератора В.Н. Назарьева и переехала в его родовое имение в с. Новое Никулино (ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.), жила на хуторе Назарьевка. В марте 1874-го брак был расторгнут из-за её прелюбодеяния с воспитанником мужа. Вела переписку с Ф.М. Достоевским, подарила ему свою книгу «Иллюстрированные рассказы из природы и жизни» (1877). Автор романов и повестей «Кривой дорогой» (1883), «В когтях нищеты» (1884), «Из огня да в полымя» (1884), «Тревожное счастье» (1884), «Скорбный путь» (1885), «Чёртово гнездо» (1890) и др.

НАШ САДИК (отрывок из рассказа)

Переезд Васи и Кати на дачу – это был настоящий праздник. Пока мама с маленьким братишкой Петей на руках распоряжалась по хозяйству, Катя и Вася побежали в сад. Здесь они увидели садовника Антона, который копал землю, приготавливая клумбы для цветов. Дети остановились и долго смотрели, как быстро и ловко работает Антон. Им захотелось помогать садовнику и вместе с ним сажать цветы, поливать их и ухаживать за клумбами.

– Антон, дай мне, пожалуйста, лопату, я тоже буду садовником! – сказал Вася, мальчуган лет семи.

– А мне грабли! – подхватила Катя. – Я стану тебе помогать. Я хорошо умею сено сгребать, я даже раз свезла на своей тачке много-много травы.

– Нет, барышня, не могу я вам дать грабли... Силы у вас не хватит с ними работать, а бариночку молодому и лопаты не поднять... Сперва силы подкапывать надо.

– Я могу! Я сильная! – уверяла восьмилетняя Катя. – Дай, Антон, пожалуйста, дай, ну я так прошу...

Вася тоже повторил свою просьбу дать ему лопатку, но Антон решительно отказался.

– Некогда мне с вами заниматься, – возразил он. – Мне работать надо, а вам поиграть да пошалить хочется.

Дети отошли от садовника и, пошептавшись, решили обратиться к маме.

Сказано – сделано.

– Мама, мамочка, у меня к тебе большая просьба!

– Ты позволишь, мама? Да? Позволишь, скажи? – кричали дети, бросаясь навстречу к матери.

– Чего вы хотите, детки мои родные? Вот как набегались... Не простудитесь только, – сказала мама, обнимая малюток и замечая, что им жарко в тёплых пальто.

– Позволь нам быть садовниками! Мы хотим цветы сажать, поливать! Мы хотим работать...

Слово «работать» заставило улыбнуться маму, но она всегда говорила, что самый маленький человек может приносить пользу, если захочет аккуратно и прилежно относиться к делу.

– Хорошо, – отвечала Ольга Егоровна (так звали маму), – я вам отведу место, дам лопаты, грабли, тачку, семена цветов, всё, что нужно, а вы работайте как следует. Чего не знаете, спросите у Антона, а всего лучше присматривайтесь, как он делает гряды и клумбы, как сеет цветы. Вы можете устроить себе собственный садик.

– И яблоки у нас будут свои! – радостно вскричал Вася, большой любитель фруктов. – И груши! И вишни!

Катя была старше брата. Она уже знала, что яблони и грушевые деревья не растут так скоро, как цветы, и возразила, улыбаясь:

– Вот о чём ты мечтаешь! Нет, Вася, яблок можно дожидаться через два-три года, а вот клубника – та скоро вырастает.

– Клубнику будем садить на будущий год, а теперь займитесь лучше цветами. Привыкните к одному делу, потом за другое...

Дети согласились, находя, что так действительно будет лучше.

Серьёзно и старательно начали Вася и Катя вскапывать землю на том месте, которое отвела им мама.

Они встали очень рано, умылись, оделись, помолились, всё как следует, напились молока и побежали в сад. Когда мама пришла звать их домой, к завтраку, они успели уже приготовить порядочную площадку.

– Смотри, мама, смотри, – говорил Вася, радостно прижимаясь к матери, – мы здесь устроили ограду, чтобы кто-нибудь не разрушил нашего сада.

– А кругом ограды посадим кусты, так же, как возле дома. Хорошо? – вторила Катя. – Здесь будет цветник. У нас будет много-много цветов!..

София БУТОРОВА (1862–1940)

19 октября. 160 лет со дня рождения мемуаристки Софии Николаевны Буторовой (19.10.1862, с. Верхняя Маза, ныне Радищевского р-на Ульяновской обл. – ?01.1940, г. Париж, Франция). Внучка поэта Дениса Давыдова. Жила с семьёй в своей усадьбе на хуторе Вязовой (ныне пос. Октябрьский Радищевского р-на), владела стадом коров бестужевской породы. Часто гостила у родителей в Верхней Мазе, имела квартиру в Петербурге. После революции эмигрировала во Францию, зарабатывала на жизнь рукоделием. Написала мемуары, охватившие период от рождения до 1922 года. Похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Книга мемуаров «Мои воспоминания. 1862–1917» издана в Париже (1999).

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ (отрывки из мемуаров)

Я родилась 7 октября 1862 года в селе Верхняя Маза... Назвали меня Софией в угоду и честь бабушки Давыдовой, стараясь загладить вину в названии старшей моей сестры – Марии... Мой отец, Николай Денисович Давыдов, родился 27 января 1825 года, был вторым сыном Дениса Васильевича Давыдова и его жены Софии Николаевны. В 10 лет его отдали в школу подпрапорщиков. Женившись, поселился в Мазе.

...Однажды, во время отдыха Д. Давыдова после кампании в Мазе, появился тогда в Атмалах (лес, принадлежащий тогда к Мазе) разбойник по имени Пигарев. Он делал набеги на сёла и помещичьи усадьбы, но ни разу не тронул мазенских крестьян, тогда крепостных дедушки; а посланных в Сызрань за поручениями деда, если останавливал, то велел низко кланяться генералу и передать ему его преданность и уважение.

...Приезды бабушки в Мазу были событием, к которому задолго готовились. Обклеивались комнаты новыми обоями, мы выучивали стихи приветствия на разных языках... отец покупал фонари для иллюминации подъезда, клеились транспаранты для ворот с гербом или с её вензелями. В Сызрань её встречать выезжал отец в карете шестериком с форейтором.

...Мы поехали на Ярославль, а оттуда по Волге до Сызрани. Волга была в полном разливе и во всей красоте, и я с гордостью показывала её своему мужу... В Мазе нас встретили с триумфальными арками, на которых было написано: «Добро пожаловать!»; на подъезде – мой отец с хлебом-солью и все служащие с образом.

...В 1900 году я начала постройку второго этажа нашего дома на Вязовом. Дети выросли, и он становился тесен. Совершенно случайно мой брат Пётр Николаевич мне купил старый дом дворян Закревских в Сухой Терешке Хвалынского уезда в имении, проданном Крестьянскому банку за 500 рублей. Летом этого года я перевезла его на Вязовое и понемногу начала постройку. Лес оказался очень хорошим, а некоторые балки плохие, я их заменила своими, выбранными в моём лесу. На следующий год верх штукатурили и клали печи, потом обшивали и красили полы, двери и подоконники, и он был совершенно готов к июню 1902 года. Моей старшей дочери в этом году минуло 16 лет, и мы решили праздновать новоселье и её день рождения танцами и собранием на Вязовом молодёжи.

...В этот день большевики взяли верх, захватили типографию газет и выпустили первый номер, призывающий к погромам помещичьих усадеб и к грабёжам. С тревогой в сердце я села в поезд и уехала в Петроград... В начале ноября разграбили мой большой дом на Вязовом. Приехали на 18 подводах и увезли всё, что могли; комнаты осквернили... приезжали крестьяне и, ссорясь и бранясь, с озлобленными лицами... тащили всё: сельскохозяйственные орудия, машины и даже кадушки и всю мелочь с ледника... Ни Мазы, ни Вязового больше не существует... всю усадьбу разобрали по бревну и кирпичику... Мой брат... был арестован три раза и увезён из Сызрани... он умер от разрыва сердца 4/17 октября 1920 года в Сызрани.

Иван САРАНЦЕВ (1937–2020)

19 октября. 85 лет назад родился краевед, литератор Иван Петрович Саранцев, псевдоним – Иван Пашкин (19.10.1937, с. Юлово, ныне Инзенского р-на Ульяновской обл. – 02.07.2020, г. Ульяновск). Работал заместителем начальника и начальником Ульяновского областного управления профтехобразования, директором Ленинского мемориала (1971–1988). Преподавал в Ульяновском профессиональном лицее, где создал историко-технический музей. Автор краеведческих изданий «Симбирск-Ульяновск–350: основные даты и события» (1998), «Очерки истории профессионального образования Симбирского-Ульяновского края» (2007), поэтических сборников «Очень личное» (2015, 2016), «Я вспоминаю...» (2017) и др.

Юрий ШЕРСТНЁВ (р. 1962)

20 октября. 60-летний юбилей отмечает поэт, прозаик Юрий Иванович Шерстнёв (р. 20.10.1962, р. п. Старая Майна Ульяновской обл.). Детство и юность провёл в р. п. Павловка. С 2000 года живёт и работает в Димитровграде. Член Союза журналистов и Союза писателей России (2018). Руководитель городской писательской организации «Слово» (2012–2018 и с 2021). Публиковался в периодике Поволжья и России. Автор-составитель книг «Крылья материнской заботы» (2012), «Нам не забыть Афганистан!» (2014). Награждён медалью Года литературы «За особый вклад в книжное дело» (2016). Автор диалогии «И только ветер...» (2008), поэтического сборника «101-й блюз» (2013, дополненное издание 2020), сборника «Орденские планки» (2018).

ПРЕДЗИМЬЯ СНЕГ

...и сад печально закрыл глаза,
встречая первый предзимний снег.
А кто-то с неба ему сказал:
«Растают скоро и снег, и век».
И тот, кто в небе, обратно прав, –
растаял снег, и по снегу след,
и тот, и этот, водою став,
смешались вновь с чередою лет...

Я БУДУ СЧАСТЛИВ

Я снова появлюсь на этом свете,
Когда иного света не найду.
Когда никто не сможет мне ответить,
Как всё познать и не познать беду?

Я вновь и вновь пойду по тем дорогам,
Которых за сто жизней не пройти,
Чтоб день и ночь бросались мне под ноги
Пусть трудные, но новые пути.

Я буду счастлив поиском ответа,
И даже если вечность впереди,
Приму её грядущие рассветы,
И грозы, и пробоины в груди.

ПЬЯНЫЙ МЕСЯЦ

Зацепился пьяный месяц
За лоскут моей души.
Покатился с нею вместе
В замороженной глуши.
А ночной бродяга ветер
Осушил глаза мои,
Расплескав печаль на сердце,
Что осталась от любви...
Через небо, исчезая,
Словно крылья журавля,
Улетает, замерзая,
Тень уставшая моя...
А за сердцем, за душою,
Вместо боли и обид,
Что-то очень небольшое,
Что-то горькое лежит...
Ночь, как девка-недотрога,
Тихо просит: «Отпусти»,
И кружится у порога,
И в руках моих грустит.
И качается с полыньёю,
И томится в тишине,
То ли снегом, то ли пылью
Бьётся слабо в окна мне.

БЫТЬ ДОЖДЁМ

Научи меня жить не-пра-виль-но.
Научи меня быть дождём.
Научи, как порвать не-ча-ян-но
Всё, что кажется вечным сном.

Подскажи, как доплыть до бе-ре-га,
Если хочется не доплыть?
Подскажи, как лелеять бе-реж-но,
Если можно до дна испить?

Как улыбкой скользнуть по ра-ду-ге,
Если радуга отцвела?
Подскажи, как вернуться ра-до-сти,
Если вместо неё зола?

Джон РИД (1887–1920)

22 октября. 135 лет назад родился деятель американского рабочего движения, писатель, публицист Джон Сайлас Рид (22.10.1887, г. Портленд, США – 17.10.1920, г. Москва). В качестве военного корреспондента в 1917 году приехал в Россию; приветствовал Октябрьскую революцию. Один из организаторов Коммунистической рабочей партии Америки. Неоднократно встречался с В.И. Лениным. Много ездил по России, посетил Симбирск. Автор очерка «Война в Колорадо» (1914), книг «Восставшая Мексика» (1914), «Война в Восточной Европе» (1916), «Десять дней, которые потрясли мир» (1919) и др. Был членом исполкома Коминтерна. Похоронен на Красной площади у Кремлёвской стены.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЕЯЛИ МИР (отрывок из книги)

В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с прикинутыми штыками.

«Вы чьи? – спросил я. – Вы за правительство?»

«Нет больше правительства! – с улыбкой ответил солдат. – Слава богу!» Это было всё, что мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их повисли мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне. За ночь стены покрылись новыми прокламациями и призывами, предостерегавшими против восстания. Они обращались к крестьянам, к фронтовым солдатам, к петроградским рабочим. Одна из прокламаций гласила:

«От Петроградской городской думы.»

Городская дума доводит до сведения граждан, что ею в чрезвычайном заседании 24 октября образован Комитет общественной безопасности в составе гласных центральной и районных дум и представителей революционных демократических организаций: Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета профессионального союза и др. Дежурства членов Комитета общественной безопасности – в здании городской думы. Телефоны для справок №15-40, 223-77, 138-36».

В тот момент я ещё не понимал, что эта думская прокламация была формальным объявлением войны большевикам.

Я купил номер «Рабочего Пути», единственной, казалось, газеты, которая была в продаже, немного позже удалось купить у солдата за полтинник уже прочитанный номер «Дня». Большевицкая газета, отпечатанная на огромных листах в захваченной типографии «Русской Воли», начиналась крупно напечатанным заголовком «*Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян! – Мира! хлеба! земли!*».

Передовая статья была подписана Зиновьевым, который был вынужден скрываться, как и Ленин.

Вот её начало: «Всякий солдат, всякий рабочий, всякий истинный социалист, всякий честный демократ не могут не видеть, что созревшее революционное столкновение упёрлось в немедленное разрешение. Или – или. Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки, и тогда это означает... кровавую всероссийскую карательную экспедицию, которая... кровью солдат и матросов, крестьян и рабочих залёт всю страну. Тогда это – продолжение опустылевшей войны, тогда это – неизбежные смерть и голод. Или власть перейдёт в руки революционных рабочих, солдат и крестьян, и тогда это означает полное уничтожение помещичьей кабалы, немедленное обуздание капиталистов, немедленное предложение справедливого мира. Тогда земля обеспечена крестьянам, тогда контроль обеспечен над фабриками, тогда хлеб обеспечен голодающим, тогда конец бессмысленной бойне...».

«День» давал отрывочные сведения о событиях бурной ночи. Большевики захватили телефонную станцию, Балтийский вокзал и телеграф; петергофские юнкера не могут пробраться в Петроград; казаки колеблются; арестовано несколько министров; убит начальник городской милиции Мейер; аресты, контраресты, стычки между солдатскими патрулями, юнкерами и красногвардейцами...

На углу Морской я встретил меньшевика-оборонца капитана Гомберга, секретаря военной секции своей партии. Когда я спросил его, действительно ли произошло восстание, он только устало пожал плечами: «Чорт его знает!... Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трёх дней им не удержать её. У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше всего дать им попробовать: на этом они сорвутся...».

Военная гостиница на углу Исаакиевской площади оцеплена вооружёнными матросами. В вестибюле собралось довольно много щеголеватых молодых офицеров. Они бродили взад и вперёд и перешёптывались между собой. Матросы не выпускали их на улицу.

Вдруг на улице раздался громкий выстрел, и началась частая перестрелка. Я выбежал наружу. Вокруг Мариинского дворца, где заседал Совет Российской республики, творилось что-то необычайное...

Ли́рон ХАМИДУЛЛИ́Н (р. 1932)

22 октября. 90 лет исполняется татарскому писателю Ли́рону Хайдаровичу Хамидуллину (р. 22.10.1932, с. Старая Тюгальбуга, ныне Новомалыклинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Орский филиал Всесоюзного заочного политехнического института (1960). Заслуженный работник культуры ТАССР (1982). Работал директором Татарского отделения Литфонда СССР (1967–1983), редактором Татарского книжного издательства (1985–1994), сотрудником Института Татарской энциклопедии АНРТ (1998–2005). Член Союза писателей ТАССР (1977). Автор книг прозы «В пути» (1960), «Степь пробуждается» (1971), «Миражи» (1990), «Белые ночи памяти» (2002), «Раздумья» (2007), «Вечерняя зоря» (2009) и др.

ЗАРНИЦЫ НА ГОРИЗОНТЕ (отрывок из книги)

Так случилось и в том году. Уже шёл третий год войны. Все запасы у сельчан иссякли. К весне стало совсем невмоготу. И тогда бригадир решил нам выдать возок ржаной соломы.

– Поезжайте и подберите одонья на дальнем клину, за бывшим хазратовым садом, – сказал он матери. – Зимой мы солому от того скирда полностью вывезли. Снег-то сейчас осел, солома, наверное, выступила. – И завтра же он обещал выделить подводу.

Небольшой клин пашни, находившейся за бывшим садовым участком бывшего сельского мурлы, являлся самым дальним полем колхоза. Но всё равно мы обрадовались словам бригадира и с вечера упросили соседа Бадук-абый поехать на его подводе.

Вот он, выполнив основную работу на ферме, подъехал к нам на своём круторогом «коне» и, не доезжая до наших ворот, позвал меня:

– Айда быстрее, джигит! До ночи надо вернуться нам...

Я уже ждал его. Быстренько плюхнулся на подстилку соломы рядом с ним. И для успокоения говорю:

– Какой ясный, солнечный день...

– Не надейся ты, Айдар, на такую погоду весной. Сейчас солнечно, а через часок может и забурнать... Говорят же, что у марта месяца характер – как у капризной барышни...

Когда отъезжали от дома, мать вдогонку крикнула:

– Не перегружайте воз, а то вол как ляжет – не поднимете, замучаетесь...

Вот и деревня осталась позади, прижавшись к подножию Комтау. Шумливые галки, клевавшие осыпь следом за нами, тоже стали потихонечку отставать, будто им не хотелось на ночь глядя пускаться в дальний путь по голой и безмолвной равнине. Кругом белое море снега с обледенелыми гребнями застывших волн. Иногда, при поворотах дороги, над ледяными корками снега поблёскивают отражённые лучи солнца. Чуть вдали от дороги, на меже, слегка колышутся засохшие стебли прошлогодней травы. Кругом тишина. И Бадук-абый замолк. Лежит себе на охалке пожелтевшей соломы – хотя бы словом обмолвился. Что с ним такое нынче? Он ведь всегда любил с нами, мальчишками, позабавиться,

поговорить. А сегодня его как будто подменили: ни шуток, ни забавных рассказов. Всё думает о чём-то своём. А может, задремал? Нет, не дремлет. Время от времени, когда тяжёлая санка на горбинках скользкой дороги катится из стороны в сторону, он поднимает голову и поглядывает, равномерно ли шагает наш вол. А неприхотливая скотина, с утра запряжённая в ярмо, не спеша перебирает ногами по зимней, уже обледеневшей от воздействия весеннего солнца дороге. Приняв привычку бывалых возчиков, время от времени я подгоняю вола словами «цоб, цобе!..». Видимо, эти заученные слова означают по нашему «шагай быстрее!». Доехать бы нам побыстрее и вернуться домой до заката солнца!

Иногда наш вол спотыкается, при этом на коленке у него что-то пощёлкивает, похрустывает. А временами он настороженно водит ушами. И мне становится не по себе, одиноко в этом безмолвии.

А Бадук улётся бочком на примятой соломе и забылся, ушёл в себя. То ли вспоминает, как беспечным отроком носился по горам и этим полям на своих самодельных дубовых лыжах. Только он, Бадук, шустрый и смелый, мог проложить первую лыжню по самым крутым склонам окрестных гор. Первым прыгнуть в глубокие, омутные озёрки, образующиеся на крутых поворотах речки Иртык. Он был не только смелым, но и сильным, мускулистым парнем. За что его и уважал я. Он был мне как старший брат. И умел при необходимости защищать от нападков сверстников. Единственным своим недостатком Бадук считал свой малый рост. Чуть округлённая его фигура действительно была вроде бы ниже фигур своих сверстников. Но по силе и мощи он не уступал им. Об этом знали в Байтирякове все.

А может, он сейчас молча, униженно переживает то, что все его сверстники давно уже в армии, а лишь одного его туда не призвали, указав на недостаточный рост. Его одноклассники Абдулькарам, Тухват, Джигангир ещё осенью были призваны в армию. Теперь они пишут письма из неведомых краёв своим родным и девушкам. Хвалятся, что научились хорошо стрелять и скакать на резвых конях. Присылают фотокарточки, где сняты в шинелях, с длинными саблями на боку. Вся деревня сходится на них поглядеть. А девушки только о них и говорят. А Бадук по-прежнему скотник на ферме. Привёз воз соломы, роздал коровам, и день вроде бы прошёл...

Ольга СЛАВНИКОВА (р. 1957)

23 октября. 65-летний юбилей отмечает прозаик, литературный критик Ольга Александровна Славникова (р. 23.10.1957, г. Свердловск, ныне Екатеринбург). Окончила Уральский университет (1981). Была главным редактором газеты «Книжный клуб». С 2003 года живёт в Москве. Член Союза российских писателей (1997). Автор книг прозы «Один в зеркале» (1999), «Бессмертный» (2001), «2017» (2006), «Лёгкая голова» (2010), «Прыжок в длину» (2018) и др. Лауреат премии «Русский Букер» (2006). Приезжала в Ульяновск осенью 2018 года на XVIII Международный форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья; провела 19 сентября во Дворце книги творческую встречу с читателями.

ОДИН В ЗЕРКАЛЕ (отрывок из романа)

Служебная пьянка была щедра, и перед крепышом в его служебном закутке тоже стояли тарелка со снедью и тяжёлый, как боксёрская груша, баллон с коричневой пепси-колой, грузно бултыхавшейся, когда охранник наполнял мягчевший и темневший изнутри пластмассовый стакан. Парень жевал и прихлёбывал, вздувая жилы на висках, и не отрывал совершенно прозрачного взгляда от маленького экрана, испускавшего синий свет и являвшего скошенное, как бы зимнее крыльцо: там, в синеватой искусственной зиме, мёрзло двигались по белому асфальту голорукие прохожие. Праздновали чей-то день рождения – Антонов думал, что сухопарой дамы в алом мохнатом платье с висячими блёстками, что-то говорившей, нелепо вспыхивая, круглому, как совёнок, исполнительному директору фирмы.

Исполнительный директор – очень грешный перед шефом, но незаменимый, по сообщениям Вики, в иных деликатных ситуациях, когда требовалось изыскать приемлемые формы участия в прибылях для некоторых нужных для фирмы персон, – вежливо кивал и скашивал глаза в свою коньячную рюмку, которую грел и кругообразно покачивал в ладони, как бы ожидая от содержимого сосуда результатов какого-то химического опыта. Сухопарая дама (кажется, это была супруга владельца компании) мученически улыбалась, перетаптываясь и наступая на собеседника, а собеседник пятился на Антонова неряшливой, со ссадиной мела, толстенькой спиной, и отсиженные хвосты директорского пиджака, выдавая трудолюбие владельца, были заскоружлы, точно сапожные стельки.

Если бы Антонов был совсем посторонний, он бы решил, что чествуют именно Вику, с которой они расстались, едва переступив порог. Словно в подзорную трубу, он видел жену в перспективе двух раскрытых кабинетов: она сидела, слегка подкручиваясь на высоком кресле, и юбка её лежала мягко, будто рукоделие на коленях у примерной девочки. Запрокинутое лицо с полузакрытыми глазами было спокойно, будто Вика загорала на пляже, руки расслабленно стекали с подлокотников, едва не теряя своих потупленных колец, – и Антонов знал, что контраст между этой ручьистой расслабленностью и напряжением кривой чертою поставленных ног есть сильнейшее Викино оружие, против которого не устоит ни один мужчина.

Сколько он мог разглядеть, общество дальней комнаты и состояло из одних мужчин: они разгуливали там вразвалку, плечистые, с маленькими рюмками, чинно беседовали, обратив друг к другу сложные профили, напоминавшие резьбу различных, к разным замкам подходящих ключей. Некто важный, лысый, будто осьминог, – между прочим, шеф и владелец конторы собственной персоной, – медленно склонился к Викиной руке, коснулся ртом и носом безвольных пальцев, и по морщинам шефа, резко сдвинутым выше на лоб, Антонов догадался, что он глядит туда, где у Вики в нежной дышащей ложбинке играет кулон. У траурно-внимательного шефа, чьё опьянение всегда выражалось в чрезвычайно пристальном рассматривании вещей, было всё написано на лбу, – а другой, в подбритой, словно тушью нарисованной бородке и в острых лацканах, изображавших вместе с галстуком орла, распластанного на узенькой груди, держался около, качаясь с пятки на носок и приподымаясь так высоко, что его голова выскакивала над прочими, будто поплавок над мелкими волнами.

Антонов знал, что этот, в чертячьей бородке, – какой-то средний чин из деятельной, украшенной крупными дамами районной администрации и что он получает от фирмы регулярное вознаграждение за какой-то интеллектуальный вклад. Он и ещё один представитель не то комитета, не то комиссии – рыжий молоденький толстячок в курчавой шевелюре, похожей на женскую шапку, на которую он в холодное время года сверху, обеими руками, торжественно и осторожно опускал свою мужскую, – неуловимо отличались и от химерически улыбчивых сквозь самый мутный алкоголь сотрудников фирмы, и от настоящих партнёров по бизнесу, неизменно являвшихся на вечеринки в окружении собственных химер. Эти, богатые самостоятельно, обладали некой общей недостоверностью облика, не очень заметной издали, но нараставшей по мере сближения до полной невозможности стоять вплотную около субъекта. Странная коротконогость в сочетании с благородными лебедиными линиями пиджаков; сочетание плотных, неуловимо инсектицидных мужских парфюмов и ненатурально ярких галстуков, словно как раз и источавших в пространство эти дурные ароматы...

Надежда РАЗУМОВСКАЯ (р. 1952)

25 октября. 70 лет исполняется поэтессе Надежде Петровне Разумовской (р. 25.10.1952, г. Инза Ульяновской обл.). Стихи пишет с детства; в школьные годы печаталась в районной газете «Вперёд» (Инза). Окончила Инзенскую школу №2, Куйбышевский железнодорожный техникум. Работала начальником станции и поездным диспетчером на железной дороге; руководила движением поездов в Ульяновском отделении ОАО «РЖД». Живёт в Ульяновске. Была экономистом и инженером-технологом на моторном заводе, преподавала в Ульяновском техникуме железнодорожного транспорта. Стихи и рассказы публиковались в журналах «Мономах», «Карамзинский сад», «Симбирскъ», в антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века». Основная тема творчества – духовная лирика. Автор книги «Via Долороза» (2012).

Я СЧАСТЛИВА...

Я счастлива, я очень счастлива,
Когда в тиши наедине
Приходят мысли и участливо
Помочь стремятся в рифме мне.

Когда часы не электронные
Бомбят ночами полумрак,
А месяц рожки золочёные
За штору прячет до утра.

Когда за окнами беснуется
Природа-мать, вселяя страх,
Мной Пушкин со стены любит,ся,
Ласкает слух волшебный Бах

Органной мессой, под шуршание
Пластинки старой и свечи.
Укроюсь пледом или шалью я,
Качаясь в кресле средь ночи...

И пусть мерцает свет загадочно
В камине изразцовом мне,
Я счастлива безумно, сказочно
Сама с собой наедине.

Распушу из-под яркой заколки
Прядь волос, чтобы глубже вздохнуть.
Укачайте меня, перепёлки,
Мне сегодня без вас не уснуть.

Мне сегодня от счастья неймётся,
Мои чувства в полёте парят,
Ветер вместе со мною смеётся,
Звёзды вместе со мной говорят.

Улыбается ночь за окошком,
Топчут тропку вдоль туи ежи.
Задержишься во мне, счастье, немножко
И оставить меня не спеши.

В белой комнате пахнет свечами,
В белой комнате много икон.
Солнце балует, нежит лучами,
Здесь окно – больше всех из окон.

Здесь воркуют голубки и смиренно
Смотрят прямо в глаза, сквозь стекло –
Символ Духа Святого над миром,
И от взгляда их мило, тепло.

Здесь узнала я: было вначале
Слово «Бог» с Ним и Божий Закон...
В белой комнате пахнет свечами,
В белой комнате много икон.

НАГРАДА

Перепёлка ссорится с кукушкой,
Дятел их грозит наказать,
На лужайку – травную подушку –
Синева ложится отдыхать.

И в душе какая-то отрада,
Ощущенье – бабочкой лечу...
И за что такая мне награда?
Боже мой, Тебя спросить хочу.

Владимир СЕЛЯНКИН (1947–2011)

26 октября. 75 лет назад родился поэт и прозаик Владимир Михайлович Селянкин, творческий псевдоним – Иван Рогожин (26.10.1947, с. Большая Кандарать Карсунского р-на Ульяновской обл. – 24.09.2011, р. п. Карсун). Окончил школу в селе Вальдиватское, работал в районной газете, редактором на радио. В качестве электрослесаря и строителя объехал полстраны. С 1990 года жил в Карсуне. Первые стихи опубликовал в газете «За Родину». Автор поэтического сборника «Письмо в нашу местность» (2007), сборника рассказов «Что растёт на окошке» (2009), книги стихов и поэм «Иван Морозов» (2011). Готовил к печати сборники «Кленовый лист», «Крестьянская судьба», «Славное слово – Родина».

ПУШКИНСКИЙ ДЕНЬ

Не барский дом, а тлен и только тени
Достались нам с преклонных тех времён,
Где гостем Пушкин преклонил колени,
Даруя ель потомкам на поклон.

Здесь тишина такая над прудами,
Что слышно, как растёт в воде куга.
Плеснуло нежно озеро кругами
И зеркалами встряло в берега.

Дремотный воздух волхованьем манит.
Аллеи парка – нега и покой.
Сойди на травы, утони в дурмане,
Их ароматом душу успокой.

Раздумья нас, как в старину, находят,
Где время – ртуть, сомнения тихи;
И пятна солнца по тропинкам – вроде,
Нечаянно рассыпались стихи.

Всё узнаю. И мнится, будто речи
Там, на горе, куда уводит склон...
Спешу вперёд, поэтов вижу встречи –
Восторг объятий, вычурный поклон.

Здесь прошлое готово объявиться
Знакомо-незнакомой стороной;
Недаром каждый год сюда стремится
Народ на встречу яви с стариной.

ОТЗОВИСЬ

Затерялся я в равнине белой.
Оседая, сыпятся снега.
Повстречаться мне б с тобой, несмелой.
Отзовись. И приезжай сюда.

Позабыла, как встречали вьюги?
Отзовись! Иль не было любви?
В тёплом доме нет и дум о друге...
Белый снег мои ласкает руки,
Словно кудри трогаю твои.

Не придёшь! Один я брошен свету?!
Отзовись! Отчаянно реши:
Пусть зима! Не будь подвластна лету...
Снег идёт, глаза прикрыв рассвету
Белизной мерцающей души.

ПОЭТУ

Ползём мы дымкой по стеклу.
Самодовольно тонем в лести.
Поэт! Подобен будь клинку
И в нужный миг, и в нужном месте.

На перевал, на перехват,
Под слов шрапнель и споров рубку,
И пусть злословия летят:
Твой штык – глагол! Бронёю – шутка.

Поэт! Тогда лишь он Поэт,
Когда погиб и затоптали,
А стих на ветер разбросали,
Но тот... пророс сквозь толщу лет!

Галина БЕСПАЛОВА (р. 1957)

26 октября. 65 лет исполняется поэтессе и прозаику Галине Леонидовне Беспаловой (р. 26.10.1957, д. Аврала Мелекесского р-на Ульяновской обл.). Окончила Ульяновский педагогический институт (1979), около 20 лет работала учителем в родной школе. С 2008 года живёт в Москве. Возглавляла книгоиздательский отдел столичной типографии; трудилась в информационно-издательском отделе правительства Москвы, в журнале «Новое время». Автор поэтических сборников «Осенние грёзы» (2005), «Осенние цветы» (2009), «Осенний монолог» (2011). Стихи в переводе на польский язык опубликованы в альманахе *Roezia* (2011, Варшава). Член Московской городской организации Союза писателей России.

ЭКСПРОМТ

К презентации антологии
«Ульяновская словесность: начало XXI века»

Бывает, нахлынет – и мчит меня память
сквозь толщу былого, как снежную замать,
на волжский откос, в мой искрящийся город –
туда, где в излучке полощутся зори,
где юность моя в модном платьице алом
по плитам Венца каблучками стучала.
Она и сегодня (так хочется верить!)
порхает в тени Карамзинского сквера,
и ловят прохожих случайные взгляды
её силуэт за ажуром ограды.
Возможно, она – никому не знакома –
в читалке Дворца над языковским томом
у створки оконной сидит потихоньку,
и ветер отечески треплет ей чёлку.
А может быть даже... вот в эти минуты
(чего не бывает и чем чёрт не шутит!),
открыв наугад синий сборник, уткнулась
в мой нынешний стих моя дальняя юность.

Стихи свои не жгите – ведь сгорят.
И не губите вязь словесных кружев,
как беззащитных слепеньких котят
хозяин хмурый топтит в грязной луже.

Разгладьте ровно мятые листы,
Сложите на коленях оригами...
Журавликом несбывшейся мечты
пусть воспарят стихи над облаками.

В СТАРОМ ДОМЕ

В старом доме – позаброшенном –
пусто и темно,
мебель пылью запорошена,
тусклое окно.
В очаге – давно остывшие
пепел и зола.
Отражения сокрывшие,
меркнут зеркала.
Лепестки гортензий крошевом,
тронешь, облетят.
Вещи силуэтом прошлого
на гвозде висят:
обнимает джемпер ношенный
выцветший халат.
На простенке перекошенный
дремлет циферблат.
Спальня наглухо закрытая –
заржавел засов...
Там, не нами ли забытая,
умерла любовь.

Алексей ЛАНЦОВ (р. 1972)

26 октября. 50-летний юбилей отмечает поэт, художник, литературовед Алексей Сергеевич Ланцов (р. 26.10.1972, пос. Нижняя Пойма Нижнеингашского р-на Красноярского края). Окончил филологический факультет и аспирантуру Ульяновского педагогического университета. Преподавал в ульяновских вузах (1997–2006). Посещал литературные объединения «Парус», «Стрежень», «Надежда». С 2006 года живёт в Финляндии. Автор поэтических сборников «Русская тоска» (2003) и «Бесстрашные глаза» (2018); монографии «Будут все как дети Божи...»: Традиции житийной литературы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (2011). Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии.

СИМБИРСК

Мысль навеяло волжскою ширью:
Пресный Запад и пряный Восток
Никогда, сколько их ни микшируй,
Не сольются в единый поток.

И темны они – книжные толки.
Мир ловившие сетью ума,
Вы теперь – барельефы у Волги,
Неосвоенные тома.

ЛЕС

Лес по-осеннему красив
И летаргично-поэтичен.
Самозабвение Руси,
Джоконда русского величья.

Лес пишет тихие стихи,
Слова рифмует: лисья – листья...
В нём даже горсточка трухи
Блестит, как бисер чьих-то истин.

И даже небо с рук долой
Сюда бросает звёзды-перстни,
И солнце с львиной головой
С ним ищет царских соответствий.

Лес выше мелочных услуг,
И пейзажисты в нём нелепы.
Стихи его читают вслух,
И им любуются кометы.

А лес смиренно-целомудр,
Один он чист перед Россией.
Он – русский дух, он – русский Лувр!
Слова теряются в бессилье...

РОССИЯ

А ты всё та же...
А. Блок

Дом, колокольня, старый двор,
Бомж неизменный у помойки
Живут всему наперекор –
Застою, смуте, перестройке.

Куда страну ни повернёшь,
Какое знамя ни поднимешь, –
Россия та же – Бог да бомж,
Да остальные между ними.

И Рюрик знал её такой,
И после Рюрика знавали,
И злой правитель, и святой...
А изменили что? Едва ли.

И только листья каждый год
Ждут не напрасно всей оравой,
Что им сентябрь принесёт
Отмену крепостного права.

Граница... «Кодак» свой достань,
Русь позади: поля, дорога
И в небе облако, как Бога
Благословляющая длань...

Нина НИКИТИНА (1922–2004)

28 октября. 100 лет со дня рождения библиографа, краеведа Нины Ивановны Никитиной (28.10.1922, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 23.08.2004, там же). Окончила Московский библиотечный институт (1949). С 1945 года работала в Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина; возглавляла библиографический отдел, была создателем отдела краеведческой литературы. Автор изданий «Их именами названы улицы нашего города» (1974), «И.Н. Ульянов – педагог, просветитель, отец» (1981), «Н.М. Карамзин» (1990, соавтор В.А. Сукайло), «Владимир Андреевич Никонов» (1992) и др. Заслуженный работник культуры РСФСР (1966). Почётный гражданин Ульяновской области. С мая 2019 года во Дворце книги регулярно проводятся Никитинские чтения.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Весна 1942 года. Шли дни, в институт я ходила от случая к случаю. А между тем в армию тоже не брали. Мне нравилось являться в аудиторию к 3-4-му часу свежей, румяной с улицы, беззаботной, весёлой. Девчата за эти три часа занятий в подвале синели и с завистью смотрели на нас, будущих фронтовиков. Хоть это-то меня успокаивало, заглашало немного бешеную зависть – я так хотела учиться!

Поболтав с девчатами в перерыв, я перед носом преподавателя, шмыгнув в дверь, отправлялась в читалку или домой. Так с неделю. А потом снова взялась за ум.

Часто бывали в госпитале. 19-е, воскресенье, тёплый весенний день. Я впервые надела летнее пальто и пошла к Зое. Там я услышала, что девчата «годны», уже пришли повестки, помрачнел день...

Уговорила Зою идти домой. Бегу к дому с замирающим сердцем. Повестки ещё нет. Только вошла – несут. «Завтра являться». Вошла в комнату, легла на

кушетку и немного поплакала. Услышала мамочкины шаги. Подошла к окну и высунулась в форточку. Лицо обдуло ветерком, и всё в порядке.

Пошла в госпиталь. Там у меня несколько книг. Ребята удивлялись, сердечно прощались. Когда проходила мимо второго этажа – там пели «Прощальную комсомольскую». Её же пели и на Гоголевской площади, и ещё где-то на улице. Мне показалось это необычным. Дома уже ждали. Мамочка пекла. Разговаривали, советовались, что взять на дорогу. Потом легла спать. Подумала, что сплю дома последний раз, и тотчас же уснула. И не догадывалась тогда, что больше трёх лет не буду я спать на своей узкой, жестковатой кровати. И сколько раз за эти три года буду совсем не спать или спать кое-как.

Утром собрались. Мамаши пошли на пересыльный, а я и Тая в институт. Было ещё рано, директора не было. В коридоре столкнулась с Щербатюком, поговорили полшутя, полусерьёзно. Он сомневался, что из меня получится воин: «Хотя, впрочем, у

тебя курносый нос, может быть и получится солдат. Курносые задиристые». Это правда, иногда я бываю боевая: когда я в хорошем коллективе и всем трудно, тогда я задираю нос, и мне делается нетрудно и интересно. Тогда бывает две меня – одна со всеми переживает трудности, но переживает весело, т. к. знает, что второе «я» смотрит со стороны, всё запоминает и потом будет вспоминать это время с весёлым смехом. Гораздо интереснее вспоминать комичное, чем совсем ничего не вспоминать, ведь хорошее проходит быстро и бесследно.

В армии я хандрила месяц-полтора, а в остальное время только часами и днями.

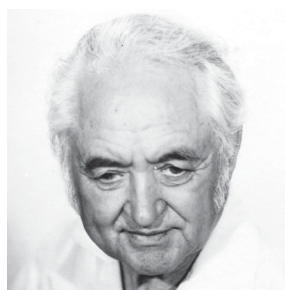
Начало 1943 года. Приближался День Красной армии. Всё было как обычно. Поверка боевой и политической подготовки. Комбат устраивал поголовный опрос по всем дисциплинам. Днём проверяли огневую и матчасть, а вечером силуэты, стрелковую и матчасть на схемах. Огневую и матчасть проверял и техник по приборам из дивизиона...

23 февраля решили отпраздновать в столовой: электрифицировали, поскоблили со стен лёд, устроили сцену, из одеял занавес. Играли какую-то пьесу. Играли Шаров, Лишанин, а вот кто играл девушку – не помню. Пришли к нам гости из дивизиона. Зам по политической части и девушки. Среди них радистка, поклонница Колесникова.

Этот вечер прошёл довольно весело, играли в почту, танцевали. Правда, я не танцевала, хотя Колесников не раз тащил меня танцевать. Я отбрыкивалась. Потом прицепились Аська и Пётр Фёдорович (артмастер) – один из моих приятелей. Пётр Фёдорович предложил мне пива, а Аська схватила стакан и выпила его за меня, произнесла пышный тост. И сразу опьянела. Потом П.Ф. признался мне, что смешал пиво с водкой, так как знал, что я много не пью. Получилось, что Аська, сама того не зная, выручила меня.

Приказом по полку присвоили мне звание младшего сержанта и всякие благодарности от командира дивизиона. А нам с Валькой Шаровым ещё и от командира дивизионного района. На другой день утром собрали сержантов и проинструктировали, а потом ребята торжественно вручили мне треугольнички. Комбат в виде награды выписал мне увольнительную в город. Ребята нацепили мне треугольнички на петлички шинели, и я побежала в город.

Изю всего похода запомнился лишь один факт: на Куйбышевской улице, там, где скверик с Лениным и комендатура, встретился мне очень пожилой красноармеец и первый поприветствовал меня, да по всем правилам – три шага строевым, поворот головы и т. д. Я так растерялась, что и поздоровалась, и поприветствовалась...

Анатолий ЮМАН (1932–2018)

28 октября. 90 лет назад родился чувашский поэт, публицист, переводчик Анатолий Фёдорович Ермилов, творческий псевдоним – Анатолий Юман (28.10.1932, д. Средние Алгаши, ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 13.11.2018, с. Большое Нагаткино Ульяновской обл.). Работал в газетах «Коллективный труд» (1952–1989) и «Канаш» (1989–1994). Автор около 40 книг стихов и прозы: «Колыбель счастья» (1972), «Бесшабашные» (1986), «Синий след» (1992), «Сонеты» (2003), «Маринне» (2005), «Пчёлка» (2011) и др. Член Союза писателей СССР (1983). Заслуженный работник культуры РФ (1993). Лауреат литературной премии им. П.П. Хузангая. Почётный гражданин Цильнинского района (1997).

ПРИСЛОНИХА

Аркадию Пластову

Талант твой крепко был сколочен.
Ты край родной любил и знал,
Сюжет и краски для полотен
В далёких странах не искал.

В деревню русскую влюблённый,
Ты с нею горести делил,
Знал земляков всех поимённо
И в вечность их переселил.

Ты ставил их с собою рядом
И в светлых помыслах был чист:
Глядит с холста спокойным взглядом
Усталый сельский тракторист.

Сметливый ум в глазах подпaska,
Соседка встала у крыльца...
Да разве будут блекнуть краски
Полотен доброго творца!

То сенокосный полдень тихий,
То март прозрачный у ворот.
И светлый образ Прислониха,
Нам душу радуя, живёт.

В этом мире тот и жив поныне,
Кто раздвинул времени предел.
Позабыты те, кто Паганини
Дать приют в земле не захотел.

Он творил. Рукоплескали залы.
Бешено пульсировал висок.
Наливались злобой кардиналы –
Гений был свободен и высок!

Мир изменчив – он текучий, зыбкий,
 Зло проснулось – и талант затих:
 Там, где глупость, умолкают скрипки,
 Там, где чванство, умирает стих.

Властолюбец просто так не сгинет:
 Волю дай – и подомнёт народ,
 Отлучит от скрипки Паганини,
 Сто талантов походя затрёт.

Настигает царская немилость –
 Как былинка, гибнет человек.
 Скрипка Паганини... ты пробилась
 Неслучайно – в наш враждебный век?

СЕЛО

Государством лежит на увале село:
 Сколько судеб оно воедино сплело!

Деревенская улица – ровной строкой,
 Огороды прорезаны чистой рекой.

Каждый дом,
 словно кладезь народных примет,
 И совсем не похож на соседа сосед.

Этот в пляске – орёл,
 тот в работе – мастак,
 Ну а этот – лентяй и поспать не дурак!

Тот – душа, неразменная совесть сельчан,
 Ну а этот – чванлив, пустослов, грубиян.

Но не зла, а добра больше в нашем селе,
 Потому и живём мы на этой земле!

Перевёл Лев Бурдин

Валентин ОРЛОВ (1937–2017)

28 октября. 85 лет со дня рождения поэта Валентина Сергеевича Орлова (28.10.1937, с. Кадышево Карсунского р-на Куйбышевской, ныне Ульяновской обл. – 13.06.2017, г. Москва). Окончил Ульяновский сельскохозяйственный институт. Работал в партийных органах; служил в органах государственной безопасности, генерал-майор. Жил в Москве. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Ярче солнца» (2001), «У открытого окна» (2002), «Родник души» (2003), «Островок неповторимый» (2006), «Ещё душа не оскудела» (2008), «Избранное» (2010), «Белая память времён» (2012). Лауреат Всероссийской премии имени Н.А. Некрасова (2012). В 2013–2017 гг. был секретарём Союза писателей России.

КАРСУН

Мне часто снится этот город
 И в парке звон гитарных струн.
 Он, как и я, совсем не молод,
 Далёкой юности Карсун.

Рассвет встречает по-над речкой,
 У тихой омутной воды...
 И провожает в тёплый вечер
 Дома и старые сады.

Ряды торговые всё те же,
 Прижавшись к школьному двору,
 Благоухая краской свежей,
 Стоят безмолвно на ветру...

Пройдёшь по улицам зелёным
 Среди акаций, лип, дубов,
 И сединою убелённой
 Вдруг встретишь первую любовь.

И грусть в глазах её заметишь –
 Шемящий отблеск давних лет.
 И в них укор безмолвный встретишь,
 И затаившийся ответ...

Я не забуду город вечный,
 Где пахнет юной стариной,
 Где по лугам – туман заречный,
 В лесу – клубящийся, грибной.

ГРАНАТОВЫЙ СОК

Вот и кончилось лето

Огневое в душе...

Та любовь – до рассвета –

Поостыла уже.

Поцелуй у моря

В дрожь не вводят меня:

Трудно с чувствами спорить,

Если нет в них огня.

Только в памяти где-то

Жилка бьётся, стучит...

Но не жду я ответа.

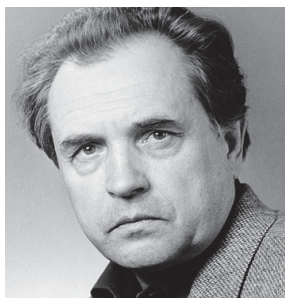
Сердце стихло – молчит.

И не просится в лето,

В тот сыпучий песок,

Где любовь до рассвета

Пьёт гранатовый сок.

Александр ЗИНОВЬЕВ (1922–2006)

29 октября. 100 лет назад родился философ, прозаик, публицист Александр Александрович Зиновьев (29.10.1922, д. Пахтино, ныне Чухломского р-на Костромской обл. – 10.05.2006, г. Москва). В 1942–1944 гг. учился в Ульяновской военной авиационной школе пилотов (ныне здание автомеханического техникума). До 1951 года не раз бывал в Ульяновске, навещая жену и сына. В 1978 году лишён гражданства, эмигрировал в ФРГ, жил в Мюнхене. В 1990-м восстановил гражданство СССР. Автор книг «Гомо советикус» (1982), «Зияющие высоты» (1976), «Горбачевизм» (1988), «Катастрофка» (1988), «Русская судьба. Исповедь отщепенца» (1990), «Рогатый заяц» (2002), «Распутье» (2005) и др. Член Союза писателей России.

РУССКАЯ СУДЬБА. ИСПОВЕДЬ ОТЩЕПЕНЦА (отрывок из воспоминаний)

Я выпускал, повторяю, «боевые листки». Помимо сатирических стихов для них и фельетонов, я сочинял шуточные и иногда совсем не шуточные стихи просто так, от нечего делать и для развлечения. Всё это куда-то потом пропадало. В 1942–1943 годы я сочинил большую «Балладу об авиационном курсанте». Тогда в школе по рукам ходила другая «Баллада», не знаю кем сочинённая. Она была сплошь из мата и скабрёзных выражений. Я несколько отредактировал её, но устранить скабрёзности полностью было невозможно. Тогда-то я и сочинил свою «Балладу». Сочинил я её одним махом, т. е. за одну ночь в карауле. Она получилась вполне приличной с точки зрения свободы от мата и скабрёзности, но зато явно политической. Я прочитал её своим друзьям, которым мог доверять. Они посоветовали уничтожить её во избежание недоразумений. В 1975 году я переписал её заново, припомнив кое-что из первичного варианта. Отрывки из неё были опубликованы в книге «Зияющие высоты», а полный текст в книге «В преддверии рая».

«Баллада» была написана в духе народного творчества, которое оживилось в войну. Образцом её была поэма А. Твардовского «Василий Тёркин». В 1942–1943 годы в нашей авиационной школе циркулировала стихотворная поэма, написанная в подражание поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Поэма называлась «Кому в УВАШП жить хорошо» (УВАШП – Ульяновская военная авиационная школа пилотов). Кто был её автор, не знаю. Может быть, тот же парень, который сочинил хулиганскую «Балладу». Эта поэма была сочинена великолепно. Сюжет её был такой. На лестнице в учебно-лётном отделе встретились семь курсантов и решили выяснить, кому хорошо живётся в УВАШП. Они обошли военнослужащих всех категорий, начиная от моториста и кончая начальником школы. Оказалось, что у всех было на что жаловаться. Отчаявшись, курсанты пришли в казарму. И тут они увидели, что, спрятавшись под матрац, прямо на железной сетке спал курсант – сачок Иванов. Увидев его, курсанты поняли, что нашли того, кого искали, – человека, которому действительно хорошо, привольно и весело жилось в УВАШП.

В той замечательной поэме был создан образ армейского сачка. Но это явление стало обычным в советском обществе в послевоенные годы и вне армии. Сачок возник как наследник дореволюционного Обломова, но уже в специфически советских условиях. В моей книге «Жёлтый дом» есть такой

персонаж – младший научно-технический сотрудник Добронравов, ухитрявшийся хорошо (с его точки зрения) жить на самой низшей должности в институте. Это был сачок более высокого уровня, чем тот армейский Иванов.

Я много занимался спортом. Некоторое время – боксом. В школе была боксёрская секция. Тренером был мастер спорта по боксу. Однажды я стоял в группе зевак, смотревших на тренировку команды школы, готовившейся к соревнованиям. Тренер предложил мне попробовать побоксировать. Я надел перчатки первый раз в жизни. Тренер приказал мне ударить его. Неожиданно для меня самого я ударил его левой рукой и нокаутировал. Он не ожидал этого и не успел защититься. После этого меня приказом по школе включили в команду, освободили от полётов и приказали готовиться к соревнованиям. Я быстро освоил основы боксёрской техники и на соревнованиях гарнизона занял первое место: мои противники были такие же «мастера», как и я. Но потом начальник команды приказал мне сражаться с парнем из танкового училища, который на две весовых категории был тяжелее меня, рассчитывая на мою «техничность». И тот парень, конечно, побил меня, хотя техникой бокса владел ещё хуже, чем я. После этого я боксом заниматься бросил. Меня за это не наказали, так как наш тренер попал в штрафной батальон за воровство и наша команда распалась.

А главное – я научился ценить реальные блага жизни и пользоваться ими. Спать на посту, наворачивать картошки и испечь её в печурке в караульном помещении, ускользнуть в самовольную отлучку к девчонкам, ухитриться получить дополнительную порцию еды, достать выпить какой-нибудь одуряющей дряни, что ещё нужно солдату?!

Пустяковые на первый взгляд явления бытовой жизни давали мне для понимания реального коммунизма неизмеримо больше, чем толстые и заумные тома сочинений теоретиков. Приведу несколько примеров. Один курсант совершил вынужденную посадку – «обрезал» мотор. Чтобы охранять самолёт, создали особый трёхсменный пост. Часовые продавали местным жителям бензин, масло, обшивку самолёта. Последняя шла на кастрюли, ложки и вилки. Таким путём за несколько дней буквально ободрали самолёт до каркаса. Судили тех, кто стоял последним на этом посту...

Степан МАКСИМОВ (1892–1951)

30 октября. 130 лет со дня рождения чувашского композитора, фольклориста, поэта Степана Максимовича Максимова (30.10.1892, с. Яншихово-Норваши, ныне Янтиковского р-на Чувашии – 26.08.1951, г. Чебоксары). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1911), преподавал здесь музыку. Издал сборник «Чувашские народные песни» (1918). Заведовал школой в с. Средние Тимерсяны (1919–1923). В 1925 году переехал в Чебоксары. Издал книги «Чувашские мелодии» (1924), «Школьные песни» (1928), «Песни верховых чуваш» (1932), «13 чувашских песен нового быта» (1934), «Чувашская народная песня. Опыт исследования» (1964) и др. Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР (1934).

Александр АЛЕХИН (1892–1946)

31 октября. 130 лет назад родился шахматист, литератор Александр Александрович Алехин (31.10.1892, г. Москва – 24.03.1946, Эшторил, Португалия, похоронен в Париже). Научился играть в шахматы в 7 лет от матери, которая была дочерью богатого текстильного фабриканта. По приглашению владельца Языковской суконной фабрики, мецената М.Ф. Степанова, приезжал в село Языково Симбирской губернии (ныне Карсунский р-н Ульяновской обл.). Чемпион мира по шахматам (1927–1935, 1937–1946). Автор книг «Шахматная жизнь в Советской России» (1921), «Мои лучшие партии» (1927), «На путях к высшим шахматным достижениям» (1932), «Арийские и еврейские шахматы» (2009) и др.

Вячеслав СУСПИЦЫН (1947–2012)

31 октября. 75 лет со дня рождения поэта Вячеслава Петровича Суспицына (31.10.1947, Алтайский край – 06.03.2012, с. Рязановка Радищевского р-на Ульяновской обл.). Окончил литературный институт имени А.М. Горького (1981). Член Союза писателей СССР (1984). Работал геологом, энергетиком, журналистом в Средней Азии. С 1995 года жил в с. Вязовка Радищевского района, в последние годы жизни – в с. Рязановка. Был председателем районного клуба поэзии и авторской песни. Стихи публиковались в газетах и журналах Ульяновской области, Сызрани и Москвы, в местном сборнике «Поэзия лазоревого края». Автор сборников стихов «Малой Родины песня негромкая» (2008), «Я в России родился» (2008).

И БОЛЬШЕГО НЕ НАДО

Россия. Ростепель. Рассвет.
Сугробы грузно оплывают.
До ростани дороги нет,
Да и куда идти – кто знает?

Да и зачем? На волжском льду
Позёмка тянется на запад.
Дорогой снежной я пойду
Туда, где в доме хлеба запах.

Вот где-то звякнуло ведро,
Проехал трактор переулком,
Сосед пронёс охапку дров –
Село проснулось. Мир проснулся.

В глухом тоннеле дальний свет –
Моя последняя отрада:
Россия. Паньшино. Рассвет.
И большего душе не надо.

МНОГО ЛЬ?

Запашок махорки крепкой
И огарочек свечи:
Знать, душа твоя не слеpla
В одиночестве ночи.
Знать, сидел ты до рассвета
Да кропал свои стихи.
Много ль надо для поэта
На границе двух стихий:
Света-тьмы, тепла и хлада,
Мысли чёткой и тоски?
Только главное – не надо,

Не ломай своей строки!
Много ль? Печка чтоб топилась,
Коли вьюга, коли дождь,
Чтоб нечаянно приснилась
Та, которую ты ждёшь.
Чтоб без всякой заморочки
На газетной полосе
Появлялись твои строчки,
Пусть хоть изредка, не все...
Чтоб текла неторопливо,
Как уже который век,
Та река у старой ивы –
Матерь всех российских рек.
Вот и всё. Так много ль это?
Только то, что проросло
В сердце русского поэта,
Одного на всё село.

СОСНА

Проглядел я, наверно, весну,
Сразу в лето вошёл суматошное.
Пишет брат, что срубили сосну.
Стало жаль мне её по-хорошему.

Возле отчего дома сосна,
Ранней юности взлётная смелость!
Говорят, что скрипела она,
Слишком громко ночами скрипела.

Пишет брат, что искрился топор,
Отсекая столетние мышцы,
Что сосна не скрипит с этих пор,
Но и птиц стало тоже не слышно.

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО (р. 1967)

31 октября. 55-летний юбилей отмечает художник, литератор Геннадий Михайлович Генераленко (р. 31.10.1967, г. Шахты Ростовской обл.). Окончил Калининградскую школу МВД СССР (1991). Несколько лет жил в Димитровграде. Публиковался в газетах «Ленинское знамя», «Димитровград-панорама», «Соцгород 2000», «Народная газета», в журнале «Черемшан». Картины выставлялись во Франции, в Москве, Тольятти, Самаре, Ульяновске, Ижевске; работы хранятся в музеях Димитровграда, Ульяновска, Москвы и др. Автор повести «Между ангелом и бесом», рассказов «Ежевика и музыка», «Даная», «Клуб бесплатной еды», «Похороны Луга», «Есть искус» и др. Живёт в Анапе, занимается виноделием.

Я – ИСТРЕБИТЕЛЬ АНГЕЛОВ (миниатюра)

Густой туман и противный мелкий дождь. Так начинается утро. Впрочем, какое, к дьяволу, утро. Наверное, часов этак десять – десять с половиною. Почти обед. Смена скоро. Замёрз как цуцик. Капли дождя попадают за воротник плащ-палатки.

Это хорошо, что туман. Сутки как нет стрельбы. Сутки. Вернее, двадцать часов. Это точно, как два пальца об асфальт... Почти сутки назад... Мы распылили ангела. Второй наряд тоже.

Мы шли вдоль дороги. По обочине. Так надёжней. Я прикрываю спину. Он впереди, ишь, не разговаривает, ну и хрен с тобой, не разговаривай. Я продал свой аспирин маркитанту, а где он шаблался, я спрашиваю... Ну где тебя искать? Не позвал, не позвал, не позвал...

– Ты где там?
– Кто?
– Конь в пальто. Да ты спишь на посту, охренел, что ли.

– Да не спал я, задумался. Сколько время?
– Задумался, полдень. Топай, обедай.

Обалдеть, полдень. Где они шлялись, сменные? Наверное, там же, где и мы днём и вечером. Особо не разгуляешься. Между двумя небольшими сёлами с давно отселёнными жителями – пятно (ходили смутные слухи, что его распылили за сотрудничество с НИМИ) два на три километра, линия противостояния. Эрогенная зона планеты. ОНИ появляются здесь и ещё в четырёх местах планеты. Здесь посты наблюдения, вроде того на котором стою сейчас я.

Уже не стою, иду обедать.

То был ангел, или нет, не ангел, мужик в безразмерных резиновых сапогах и ватнике. Это на него среагировал прибор. Так, не особенно сильно, на четыре – пять пунктов от нормы. Впервые за последние два месяца.

– Стой.

– Ребята, я не... не надо, ребята. Я прибудил здесь, коровку ишу, сбился с дороги. Я, может, пойду? – пробормотал мужик.

– Стой. Проверь его, – сплюнул Семён.

– Нет ничего.

– И то ладно, бумаги не нужно переводить. Отойди-ка, – Семён передёрнул затвор.

– Не похож на ангела, юродивый или целитель, – сказала я.

– Курсант. Отойдите от задержанного, – приказал официальным тоном, не предвещающим ничего хорошего задержанному, старший теолог Семён Тайнин.

Я отошёл и снял оружие с плеча. Где-то далеко грохнул выстрел.

– Слышал? ОНИ ПРИШЛИ.

– Я с вестью, благой вестью. Вы прощены. Прощены, – упал на колени мужик-ангел.

– Не надо унижаться, – сказал старший теолог, и два выстрела слились в один. Вспышка энергии разметала ангела на протоны.

– Быстро, дезинфекция по второму уровню сложности.

– Есть, – ответил я.

Мавр сделал своё дело, мавр может уходить. Мы шли по обочине дороги. Так безопаснее.

– Думаешь, ОН врал про благою весть? – спросил я.

– «Второй ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнём, низверглась в море, и третья часть моря сделалась кровью. И умерла третья часть одушевлённых тварей, живущих в море. И третья часть судов погибла». Продолжать? – спросил Семён.

Я промолчал. Я знаю «Откровение» наизусть, боевой устав тоже. Все теологи знают древние слова слово в слово. Первый пункт Боевого устава теологов гласит: «ВСЕ АНГЕЛЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНЫ, ВСЕ ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ».

Я – курсант школы теологов. Я – истребитель ангелов.

Александр БЕСТУЖЕВ (1797–1837)

3 ноября. 225 лет назад родился прозаик, критик, поэт, декабрист Александр Александрович Бестужев, псевдоним – Александр Марлинский (03.11.1797, г. Санкт-Петербург – 19.06.1837, форт Святого Духа, ныне Адлер, г. Сочи). Публиковал переводы Д.П. Ознобишина, вёл переписку с А.С. Пушкиным. После восстания декабристов (1825) приговорён к смертной казни, заменённой ссылкой в Якутск. В июле 1829 года, по пути из Сибири на Кавказ, был проездом в Симбирске; до города несколько недель скакал верхом, а в Симбирске пересел на телегу. Автор многих рассказов, повестей и романов: «Испытание» (1830), «Аммалат-Бек» (1832), «Фрегат «Надежда» (1833), «Мулла-Нур» (1836) и др. Был убит в стычке с горцами.

К ОБЛАКУ

Куда столь быстро и легко,
И гордо, и прелестно,
Ты пролетаешь, облачко,
Скиталец поднебесной?

Земли бездомное дитя,
Игралище погоды,
Напрасно, радугой блестя,
Ты, радостью природы!

Завоет вихрь, взметая прах –
И ты из лона звездна
Дождём растаешь на степях
Бесславно, бесполезно!..

Блести, лети на ветерке,
Подобно нашей доле –
И я погибну вдалеке
От родины и воли!

ОТВЕТ

Литература наша – сетка
На ловлю иноморских рыб;
Чужих яиц она наседка;
То ранний плод, то поздний гриб;
Чужой хандры, чужого смеха
Всеповторяющее эхо!

ПРЕСЫЩЕНИЕ

Ты пьёшь любви коварный мёд,
От чаши уст не отнимая,
И в сердце юное течёт
Струя восторгов огневая;

И упоён, и утомлён,
Ты ниспадаешь в тихий сон.
Мечтаний рой тебя лелеет,
Кропя рососою сладких слёз.
Так с жадных крыл прохладу веет
На жертву неги кровосос;
Так в цвете истлевают силы
От пресыщенья в пыль могилы.
Ты скажешь: «Мил заветный плод,
Не дважды молодость цветёт
И без желаний волны Леты
Шумят всегда у наших стоп!»
Но ты и сердцу прежде меты
Готовишь гибельный озноб
И поздний плач, и ранний гроб.

ЭПИГРАММЫ

1
Люблю я критика Василья –
Он не хватает с неба звёзд.
Потеха мне его усилья
Могучих дум замедлить рост:
Вороне мил павлиний хвост,
Но страшны соколины крылья!

2
Клим зёрнами идей стихи свои назвал;
И точно, все, как зёрна, их лелеют:
Заключены в хранительный подвал,
Пускай они до новой жизни тлеют!

3
Да, да, в стихах моих знакомых
Собранье мыслей – насекомых!

Самуил МАРШАК (1887–1964)

3 ноября. 135 лет со дня рождения детского писателя, поэта, переводчика Самуила Яковлевича Маршака (03.11.1887, г. Воронеж – 04.07.1964, г. Москва). Автор стихов и сказок «Дом, который построил Джек», «Детки в клетке», «Двенадцать месяцев», «Пожар» и др. Отправившись с юными ленинградскими литераторами из Москвы в Куйбышев (ныне Самара), 12 июля 1936 года проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Во время войны был проездом в Ульяновской области по дороге в Алма-Ату. Автор книг «Мистер Твистер» (1933), «Рассказ о неизвестном герое» (1938), «Быль-небылица» (1947), «Круглый год» (1948), автобиографической повести «В начале жизни» (1960) и др.

СТИХИ О ВЕСНЕ

Снег теперь уже не тот –
Потемнел он в поле,
На озёрах треснул лёд,
Будто раскололи.

Облака бегут быстрей,
Небо стало выше,
Зачирикал воробей
Веселей на крыше.

Всё чернее с каждым днём
Стёжки и дорожки,
И на вербах серебром
Светятся серёжки.

Разбегайтесь, ручьи!
Растекайтесь, лужи!
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!

Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник,
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник.

ЛАНДЫШ

Чернеет лес, теплом разбуженный,
Весенней сыростью объят.
А уж на ниточках жемчужины
От ветра каждого дрожат.

Бутонов круглые бубенчики
Ещё закрыты и плотны,
Но солнце раскрывает венчики
У колокольчиков весны.

Природой бережно спелёнутый,
Завёрнутый в зелёный лист,
Растёт цветок в глуши нетронутой,
Прохладен, хрупок и душист.

Томится лес весною раннею,
И всю счастливую тоску,
И всё свое благоухание
Он отдал горькому цветку.

Цветная осень – вечер года –
Мне улыбается светло.
Но между мною и природой
Возникло тонкое стекло.

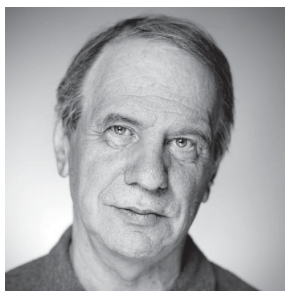
Весь этот мир – как на ладони,
Но мне обратно не идти.
Ещё я с Вами, но в вагоне,
Ещё я дома, но в пути.

ЛЕНИН

У Кремля в гранитном Мавзолее
Он лежит меж флагов, недвижим.
А над миром, как заря алея,
Плещет знамя, поднятое им.

То оно огромное – без меры,
То углом простого кумача
Обнимает шею пионера,
Маленького внука Ильича.

Константин КЕДРОВ (р. 1942)

12 ноября. 80-летний юбилей отмечает поэт, философ, литературный критик Константин Александрович Кедров (р. 12.11.1942, г. Рыбинск Ярославской обл.). Окончил Казанский университет, аспирантуру Литературного института имени А.М. Горького. Член Союза писателей СССР (1988). Был в Ульяновске 16-20 сентября 2019 года на XIX Международном форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья; провёл творческие встречи в библиотеке №4, областном Дворце книги, Центральной городской библиотеке и селе Новые Тимерсяны. Автор книг «Поэтический космос» (1989), «Компьютер любви» (1990), «Гамма тел Гамлета» (1994), «Параллельные миры» (2001), «Метакод» (2005) и др. Живёт в Москве.

Земля летела
по законам тела
а бабочка летела
как хотела

В этой небесной игре
брошены кости планет
выпало мне в ноябре
здесь появиться на свет

и непонятно как мысль
может над всем воспарить
и непонятно как смерть
думает жизнь победить

и непонятно как страсть
может весь мир захлестнуть
целое меньше чем часть
если в обнимку уснуть

Молитва – это корабль
плывущий сквозь наготу
молитвенная луна
и солнце из поцелуя
молитва – это корабль
с младенцами на борту
когда он плывет в любовь
кормой океан целуя
Всемирная тишина

не может всё заглушить
нам кажется что мы есть
и этого очень много
у Шивы есть много рук
но он не умеет шить
у Бога есть много ног
но наша любовь двунога
Двуногая нагота
распахнута в горизонт
никто нигде не живёт
все временно проживают
и только корабль любви
плывет через Геллеспонт
живые давно мертвы
но мёртвые оживают

Разбросав по всему интернету
Свои мысли слова и дела
Я доверил вам музыку эту
Чтоб она бесконечно была

Я доверил вам всю партитуру
Чтобы вечный межзвёздный хорал
Сквозь нездешнюю аппаратуру
Хор Архангелов переорал

Чтоб творения звук изначальный
В каждом слове и букве звучал
Чтоб вселенная вечно звучала
В том что было в начале начал

Дмитрий МИНАЕВ (1807–1876)

13 ноября. 215 лет назад родился поэт, переводчик, публицист Дмитрий Иванович Минаев (13.11.1807, г. Симбирск – 13.10.1876, там же). Отец поэта-сатирика Д.Д. Минаева. Окончил Симбирскую мужскую гимназию. С 1839 года печатал стихи в столичных журналах и альманахах. Перевёл и опубликовал «Слово о полку Игореве» (1846), «Слово о вещем Олеге» (1847). Собирал фольклор в Симбирской губернии, издал двухтомник «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях» (1857). Автор стихотворений «Упрёк Кавказу» (1840), «Баянка. Три Ивана» (1846), «Жигулёвские горы» (1846), «Русской на берегах Роны» (1846), «Первая мумия» (1846), «Потоп» (1847) и др. Был обижен на сына, умер в бедности и одиночестве.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ (отрывок из перевода)

Начнём, други, складом старинных людей,
Рассказ про святыя былины:
Как Игорь костыми положил средь степей
Свои удалые дружины.

У правды народной одна сторона,
У вымысла граням нет счёта:
Так речь у Баяна восторгов полна,
Ярка у неё позолота!

Он звучную-ль песню кому запоёт,
Раскинется в ветви мыслями,
Он волком по чёрной земле протечёт,
Орлом пролетит под звездами.

Как в прежние брани могучих отцов,
Баян, богатства в отраду,
На волю всех десять пускал соколов
В угон к лебединому стаду:
И дивные песни гремели, лились
В почёт старика Ярослава,
Причудливо хмелем кудрявым вились
Вкруг лат и по шлему Мстислава,
Мстислава, который Редедю сломил,
Один, пред Косожской ордою;
Он красного в бранях Романа хвалил.
И песни те живы молвою!..

Не соколов десять в охоте славян
Несли в лебедей, как перуны,
То вещи персты свободный Баян

Спускал на покорные струны,
И звуки вставали, и пел соловей
Про битвы и славу великих князей!

Так мы, други, начнём
От Владимира, старого князя, как были
Разносил славы гром,
И соседи чело перед Русью клонили;
Так и Игорь в войне
Не боялся ни стрел, ни ударов булата:
Верен был старине,
И высоким умом побеждал супостата!

И когда наш орёл
Рать-дружину повёл
В Половецкую землю войною,
А по солнышку днём
Тьма чугунным щитом
Проходила зловещей бедою;
Не смотрел он, что мглой
Небо с чёрной землёй
Закрывалось незримо тенями;
И на борзом коне,
В воронёной броне,
Говорил меж своими полками:
– Други! лучше умрём
Под аварским мечом,
Чем в позорный полон отдадимся!
Мой последний закон:
На коня, да на Дон
Мы, как вихри степные, помчимся!..

Андрей КУРЯЕВ (р. 1962)

14 ноября. 60-летний юбилей отмечает поэт, композитор и автор-исполнитель Андрей Владимирович Куряев (р. 14.11.1962, г. Ульяновск). Окончил в Ульяновске музыкальную школу по классу аккордеона, Политехнический институт. Играл в студенческом театре «Дамба». Работал в конструкторском бюро Ульяновского механического завода, в студенческом клубе УлПИ, руководил шоу-группой «Карнавал любви». Затем переехал в Москву. Выпустил музыкальные альбомы «Шорниковское лето», «Встреча», «Любовь живёт», «О весёлом и беспечном», «Любовь-судьба», «Огонёк нашей дружбы» и др. Написал песню «Не воюйте с русскими». Автор поэтического сборника «Три женщины» (2016).

ПУШКИН

Прими, брат Пушкин, дань подарков;
Добра и зла не кончен бой:
Харкнул в тебя старинный Харьков
Слюною жёлто-голубой...

И вот, стоишь ты в краске, грустный,
Вокруг в ругательствах асфальт, –
За то, что ты по роду русский,
За то, что ты душой – москаль!

В твой день рождения, в июне,
Врагам твой ненавистен лик:
Ведь это и за тебя воюет
Родной Донбасс, за твой язык!

Тобой воспетая Одесса
Сгорела в пламени костра:
Реинкарнация Дантеса
Корёжит берега Днепра...

Горит Славянск – невольник чести!
Льёт кровь дантесовский десант,
Спустя века желая мести
За твой блистательный талант!

Всё так же пагубны интриги
Вельмож монаршего двора,
Всё так же их пугают книги
И гений твоего пера!

Боясь схлестнуться в рукопашной,
Они жеманно морщат нос:
Здесь Русский дух, здесь Русью пахнет!
И ржут, и кашляют до слёз.

И заправляют ядра в пушки,
Но так не взять нас на испуг:
У нас и пушки есть, и Пушкин,
И Путин – парадоксов друг!

Найди себя в своей стране,
В своей семье, в своём народе,
В грядущем дне и в старине,
В своём закате и восходе!

Найди себя в своём дворе,
В своём углу, в своей квартире;
В своём дожде, в своей хандре,
В своей неповторимой лире!

Найди себя в своей судьбе,
В своей мечте, в своей дороге,
Найди себя в самом себе,
В своей надежде и тревоге...

В своём саду благослови
Осенний праздник урожая,
Найди себя в своей любви,
Всего себя ей отдавая!

Найди себя в своём лице,
Как зеркала б тебе ни врали,
Найди себя в своём конце,
Найди себя в своём начале!

Николай ГРИЦЕНКО (1912–?)

15 ноября. 110 лет назад родился историк, литератор, краевед Николай Павлович Гриценко (15.11.1912, с. Писаревка, ныне Сумского р-на Сумской обл. Украины – не ранее 1971, г. Грозный). Окончил Московский индустриально-педагогический институт (1938). Заведовал кафедрой истории Ульяновского пединститута (1943–1953). Был заместителем главного редактора альманаха «Литературный Ульяновск». Автор научных работ «Пугачёв и Симбирск», «Село Тургенево», «Декабрист Ивашев», «Грибоедов и Симбирск». Издал монографии «Очерки по истории Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области» (1948), «Удельные крестьяне Среднего Поволжья» (1959). С 1953 года жил в городе Грозный.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СИМБИРСКА–УЛЬЯНОВСКА И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (отрывок из книги)

Сенгилеевский помещик Татаринов отличался исключительной жестокостью и распутством. Жутко жилось крепостным этого изверга. Как-то крестьянин Татаринова, Самуил Егоров, потерял свой собственный топор и жестоко поплатился за это. Татаринов бил его кулаками по зубам, таскал за волосы, драл ремённой плетью, толщиной в полувершка. Того же Егорова Татаринов избил только за то, что плохо кузнец подковал лошадей. «Егоров, не могший вынести тяжких жестоких побоев... бросил своё семейство и бежал».

Другого крестьянина, Степана Егорова, Татаринов вызвал к себе, приказал дворовому человеку держать дверь комнаты, а сам принялся бить Степана и бил до тех пор, пока Егоров не упал. После избиения Егоров остался инвалидом на всю жизнь. Крестьянин Степанов, отказавшийся идти за плетью для наказания своей же матери, был избит так, что долго у него гнила спина. В имении не было ни одного не избитого, не наказанного человека: у этого исполосована спина, у того выбит зуб, у третьего выдрана борода, четвёртый после порки еле ходил. Драли и били всех – стариков, молодых, женщин и детей.

Особенно тяжело жилось крепостным девушкам. Много обид и горя перенесли они от своего барина. Девушку Лукерью Николаеву Татаринов принудил жить с ним, а когда она родила от него ребёнка, то он продал её в замужество в село Волжанку. Обесчестив одну, Татаринов принимался за другую, третью, десятую. Девушка Викторова скрывалась от барина, обращалась за защитой к священнику. Но Татаринов своего добился, и она забеременела. Тогда Татаринов решил выдать Викторovu замуж за своего же крестьянина Якова Иванова. За слушание Иванова отправили в каретный сарай и жестоко выпороли, а через несколько дней порку повторили. Яков женился.

Татаринов – не исключение. Помещик села Коромысловки Василий Баюшев брал в свой дом 12-14-летних и насиловал их. Жаловались отцы девушек губернатору, но безуспешно. За такие же дела помещик села Васильевки Сенгилеевского уезда, Сергей Полочанинов, попал даже под суд. Улики были налицо. Симбирская же палата уголовного суда определила: «Отставного корнета Сергея По-

лочанинова в растлении дворовой девки Натальи Афанасьевой оставить в сильнейшем подозрении».

Не уступали помещикам в своей жестокости и помещицы.

В Симбирске жила помещица Малахова. 3 мая 1817 года она уехала в село Нагаткино, а вернувшись домой, заподозрила своих дворовых девушек Пелагею Павлову и Прасковью Никифорову в непристойном поведении. Заперла их в разные чуланы, а затем вызвала домашнего палача, приказала ему наказывать девушек в бане. Прасковье привязали руки к жердям, ноги и голову держали помощники палача и истязали девушку до потери сознания.

Узнала Пелагея, что и её ждёт такая же участь, нашла тупой нож и, решив покончить с собой, порезала себе горло и без чувства была доставлена в больницу. Истерзанных девушек помещицы Малаховой освидетельствовал врач и заключил, что «у девки Прасковьи весь зад ... до колен... совершенно представляет оные обезображенными... А посему предположить не менее пятьсот ударов». Дело о Малаховой всё же дошло до сената, но большинство господ-сенаторов высказалось за то лишь, чтобы обязать её подписью, дабы она без ведома властей «служащих при ней людей не наказывала».

Ставропольская помещица Шиошина своих дворовых и крепостных крестьян «за самые малые вины» секла розгами, двухвостой плетью или двумя кнутами с обеих сторон «так жестоко, что наказываемый часто лишался чувств». Главным оружием наказания помещица избрала так называемые «железные рога» – два железных полукруга, к которым были приделаны четыре железных рога. Наказуемому на шею одевали круги, прикрепляли один к другому винтами, после чего нельзя было ни лечь, ни сесть, прислонившись к стене. Виноватого в железных рогах запирали в чулан на сутки. «Рога» вызывали сильную боль в плечах и опухоль на шее.

Симбирский губернатор изъяс «рога» у владелицы и препроводил их в 1850 году министру внутренних дел. Вскоре они были возвращены обратно в Симбирск. Симбирский предводитель дворянства жаловался на губернатора, что он допустил неправильное следствие, когда крепостным устраивали очные ставки с помещицей, что «унижало дворянское сословие» и «роняло власть помещиков».

Владимир БОНДАРЕНКО (1932–2001)

15 ноября. 90 лет со дня рождения сказочника, поэта Владимира Никифоровича Бондаренко (15.11.1932, с. Преображенка Безенчукского р-на, ныне Самарской обл. – 23.03.2001, г. Чапаевск Самарской обл.). Окончил Саратовский юридический институт (1954). Работал корреспондентом в газете «Ульяновский комсомолец», учителем истории в с. Бригадировка Мелекесского р-на Ульяновской обл. (1954–1956). Выпустил в Ульяновске книги «Сказки бабушки Матвея» (1955), «Хрум-хрум» (1956), «Песня скрипки» (1957). Член Союза писателей СССР (1966). Автор сборников сказок «Кремешки» (1964), «Кому снился ёжик» (1966), «Горицвет» (1968), «Три весёлых зайца» (1974), «Сказки Гореловской рощи» (1977) и др.

ПРАВИЛЬНЫЙ ЗАЯЦ (отрывок из сказки)

Побежал заяц Андропка по роще, попрятался ото всех и понял: сила у сильных. И если хочешь, чтобы они не обижали тебя, держись к ним поближе, войди в доверие. А самый сильный в лесу – медведь, к нему и решил Андропка поближе держаться, понравиться ему решил. Чуть что, бежит, бывало, к нему за советом. Лето на порог, заяц – в берлогу к медведю.

– Помоги, Михайло Иваныч, наставь на путь верный. Кроме тебя никому задачи моей не решить. Только твоему великому разуму под силу она.

Обовьёт медведя словами липучими, польстит ему, он и подбредет, разнежится.

– Чего тебе? – спрашивает.

– Да вот посоветоваться пришёл к тебе, Михайло Иваныч: пора ли мне морковку рыть.

А откуда медведю знать – пора зайцу морковку рыть или нет. Он морковью не живёт... Но приятно медведю, что Андропка за советом к нему пришёл. Другие зайцы, даже когда позовёт он их, в кусты кидаются, а Андропка сам, без зова пришёл. Разве можно его без совета оставить?

И спрашивал медведь у зайца:

– А сам-то ты как мыслишь?

– Да вроде рановато. Тощенькая она ещё, Михайло Иваныч, слабосильная какая-то.

– Тогда погоди, – решительно советовал ему медведь. – Поспешишь, всех насмешишь, а тебе за чем на смеху быть?

Идёт Андропка от медведя домой, рассказывает всем:

– У Михаила Иваныча был сейчас. Вот голова! Недюжинного ума медведь. Совет с ним держал: пора или не пора морковку рыть. «Погоди, говорит. Спешить в таком деле не надо». Всё знает. Как советует он, так и сделаю – спешить не буду.

А ступит, бывало, осень на порог – опять заяц к медведю бежит.

– Помоги, Михайло Иваныч, наставь на путь верный. У тебя голова – другой такой не найти: разумнейшая из умнейших.

Польстит медведю, и отмякнет у того сердце.

– Чего тебе? – спрашивает.

– Посоветоваться, Михайло Иваныч, пришёл к

тебе, ума твоего набраться: пора или не пора капусту на деревенских огородах зубрить.

А откуда медведю знать: пора или не пора зайцу капусту зубрить? Он капустой не живёт... Но приятно медведю, что Андропка за советом к нему пришёл. Другие зайцы бегут от него; даже когда он позовёт их, в кусты кидаются, а Андропка сам, без зова пришёл. Особый, правильный заяц. Разве можно его без совета оставить?

И спрашивал медведь у зайца:

– А сам-то ты как мыслишь?

– Да вроде пора, Михайло Иваныч. Морозцем её уже попржижало. В самый раз вроде. Чуть дотронешься и брызнет.

– Тогда беги и зубри, – решительно советовал ему медведь. – Упустишь время – потом не наверстаешь.

Шёл опять заяц домой, хвастался:

– У Михаила Иваныча был сейчас. Ну голова! Недюжинного ума медведище, всё знает. Совет с ним держал: не пора ли капусту на огородах зубрить. Говорит: «Пора, Андропка, беги, а то опоздаешь». Побегу сейчас. Как он советует, так и сделаю. Я всегда по его совету живу.

Встретил однажды весной Андропка зайчиху на просеке. Глянул на неё – и забыл, куда и за чем шёл. Всплеснулся ушами, помчался со всех ног к медведю.

– Помоги, пожалуйста, Михайло Иваныч.

– Чего тебе? – прогудел медведь с печи: на печи лежал, грелся.

– Посоветуй скорее, – приплясывал от нетерпения заяц, – пора или не пора мне жениться?

А откуда медведю знать: пора зайцу жениться или нет. Тут каждый сам для себя время определяет. Но и без совета Андропку оставить не хочется. Он один только со всей рощи и ходит к нему за умом его великим. Полежал, покряхтел, спросил:

– А сам-то ты как думаешь?

– Думаю, что пора, – припрыгивал заяц. – Очень хочется.

– Тогда женись, – решительно посоветовал ему медведь с печки. – Только и жениться, пока молодой. Составишься, кто за тебя пойдёт?..

Валентина КОРКИНА (р. 1942)

15 ноября. 80-летний юбилей отмечает поэтесса Валентина Михайловна Коркина (р. 15.11.1942, с. Никулино Николаевского р-на Пензенской, ныне Ульяновской обл.). Училась в Никулинской семилетней школе. Окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1970). Автор сборников стихотворений «Спасибо, день...» (1978), «Все-му живому в лад» (1983), «Предзимний сад» (1992), «Земные токи» (1996), «Но день придёт...» (2002), «Открытая даль» (2007), «В слове любом – сердце» (2014) и др. Член Союза писателей СССР (1984). Лауреат литературной премии имени Е.И. Носова (2011). С 1975 года живёт в Курске. Многие годы трудилась корреспондентом и заведующей отделом в газете «Курская правда».

ОТЧИЙ ДОМ

Этот дом в три окна и сад
Всё глядят на меня, глядят...

Их на свете и нет давно,
А глядят они всё равно.

Словно взглядом хотят сберечь
Средь людей – от недобрых встреч,

От кривого пути, меча,
От нетрудного калача,

От развёрстых небес огня,
От безверья, пустого дня,

От потухшей в душе звезды,
Вообще – от любой беды...

Этот дом в три окна и сад
Всё глядят на меня, глядят...

Если покажется: жизнь проворонена,
Счастье оплакано и похоронено,
Эхо в лесу затерялось густом, –
Значит, подумать пора о простом:
Хлебе насущном, звезде над дорогою...

Крестик нательный рукою потрогаю:
Господи, мне показалось, прости!

Хлеб – на столе... И звезда – на пути...

НАЧАЛО ГРОЗЫ

Какая вздыбленная жизнь
Во мгле небесного колодца! –
Темно и грозно смотрит высь:
Вот-вот сверкнёт, вот-вот взорвётся.

...И в клочья – мрак! И вот он – дождь!
И небо всё – такая правда,
Что сразу даже не поймёшь,
Чему, как в праздник, сердце радо.

Безмолвствует душа. Не жизнь, а злая шутка.
Отчаянный покой. Богатство нищеты.
Окликни же меня! Пусть выпадет минутка
Оттаять и ожить средь вечной мерзлоты.

Окликни! Прозвучи! И музыки сиянье
Собой заполнит мир среди немого дня.
И ливень прошумит и смоев расстоянье
Меж мною и тобой... Окликни же меня!

ГОЛОС

Я думала: зима – и ветер, и мороз...
Я слышала в метель звенящий санный полоз
И чей-то тихий зов невдалеке от слёз...
А это голос был, а это был мой голос.

Он так взлететь хотел! Но складывал крыла
Испуганным птенцом,
томясь невнятным словом...
И я его нашла, согрела и спасла.
И он, взлетев, поёт на деревце вишнёвом.

Габдельжаббар КАНДАЛЫЙ (1797–1860)

16 ноября. 225 лет назад родился татарский поэт Габдельжаббар Кандальи (16.11.1797, д. Старый Кандал Симбирской губ., ныне с. Ертуганово Старомайнского р-на Ульяновской обл. – ?05.1860, там же). Был имам-хатыбом в родной деревне, преподавал в медресе при мечети. Писал на татарском и арабском языках. Автор поэм «Книга наставлений на праведный путь» (1816), «Сказание об Ибрагиме Адгаме», «Фархи», «Сахибджамал»; цикла сатирических стихов «Мулла и его жена» и др. При жизни стихи распространялись в рукописном виде. Позже изданы в сборниках «Книга влюблённых» (1881), «Плоды бесед» (1884), «Стихотворения» (1960), «Стихотворения и поэмы» (1988), «Сахибджамал» (1999).

САХИБДЖАМАЛ (отрывок из поэмы)

Так матери своей должна
Сахибджамал сказать моя:
«Меня ты выдай за муллу,
так суждено, о мать моя!
Не на засол, не на убой
я предназначена судьбой,
Ведь буду отдана тобой
я всё равно, о мать моя!
Не обрекай же на позор,
впуская неуча в наш двор,
Чтоб не лежало с этих пор
на мне пятно, о мать моя!
Попробуй он меня задень
рукою грубой, как кетмень,
Умру я лучше в тот же день,
мне всё равно, о мать моя!
Мулла абзый – любви родник,
благочестив его язык.
Он письма мне писать привык
уже давно, о мать моя!»
Об этой слышали любви
Казань, Ижевск, Симбирск, Уфа.
Печальной славою её
здесь дышит каждая строфа.
Об этой слышали любви
Саратов, Нижний – и навек
Баиты звучные о ней
запомнит каждый человек.
Об этой слышали любви
Самара, Сызрань, Жигули,
И как Юсуф и Зулейха,
в мир наши имена вошли.

Об этой слышали любви
Буинск, Сарапул, Тетюши,
Прославилась Сахибджамал,
как образ любящей души.
Об этой слышали любви
Курмыш, Малмыж и Мамадыш;
Везде баиты о любви
шумят, как над рекой камыш.
Об этой слышали любви
в краю обоих Черемшан,
Узнали там Сахибджамал:
прекрасен лик и гибок стан.
Об этой слышали любви
и Оренбург, и Каргалы.
Шумят купцы и мужики,
медвежьи пробудив углы.
Об этой слышали любви
станец уральских казаки,
И Белебей. На пристанях
о ней болтают бурлаки.
Об этой слышали любви
ногайцы, к Юрьеву спеша,
Баитов страстных красота
для старших тоже хороша.
Об этой слышали любви
Хвалынск, Свяжск – по всей стране!
Читай баиты о любви
с «Мухаммедией» наравне.

Перевёл Р.Д. Моран

Михаил МИХАЙЛОВ (1922–1991)

17 ноября. 100 лет со дня рождения литератора, журналиста Михаила Григорьевича Михайлова (17.11.1922, пос. Харик Куйтунского р-на Иркутской обл. – 10.06.1991, г. Ульяновск). В 1941 году был арестован как «сын врага народа». Член Союза журналистов СССР (1960). С 1974-го был лишён возможности печататься; вынужденно переехал в Ульяновск, работал в котельной областной больницы. Вёл переписку с Ф.А. Искандером, М.А. Лифшицем, Г.Х. Шахназаровым и др. Автор статей и очерков «Интеллигентность сегодня», «Об условиях отмирания религии», «Мы должны знать человеческую природу», «Выращивать каждого философски мыслящим», «Социалистов великая ересь» и др.

ВОСПОМИНАНИЯ О М.А. ЛИФШИЦЕ (отрывок)

В начале октября 1983 года, возвращаясь через Москву домой, я, созвонившись с Лидией Яковлевной, зашёл к ней. Вся атмосфера вещей в квартире и состояние самой Лидии Яковлевны говорили, что новая жизнь – жизнь без Михаила Александровича – здесь ещё не началась. Не было уже жизни с ним, но ещё не было и жизни без него. Лидия Яковлевна говорила тихо, будто опасаясь разбудить спящего больного. Она поила меня чаем и рассказывала об обстоятельствах смерти, провела в другую комнату, где на маленьком столике сняла белое покрывало, и я увидел маску, гипсовую маску. Почему-то эта голова мне показалась меньше действительной головы покойного. И уж совсем несвойственное ему, каким я его знал, – едва уловимый штришок обиды в уголках губ.

А потом она провела меня в первую комнату и обратила внимание на то, чего я сам, увлечшись чаем, не заметил: со стены, из портретной рамы смотрел на меня сплошным, яростным излучением молодости, лукавства, доброты и света живой Михаил Александрович, каким я его видел и знал. Я не мог оторваться от этого портрета, от этого свидания с живым в его лучшую минуту. Оторвавшись, наконец, от портрета, отвернувшись от него, я опять упёрся взглядом в картины на противоположной стене. Меня и при первой встрече с М.А. удивило присутствие этих портретов и пейзажей на стене в квартире философа, но – «я люблю Вас за то, что Вы не задаёте вопросов», – говорил мне один писатель. Не задал тогда я вопроса и о картинах. А сейчас почему-то не мог не задать.

– Что это за картины, почему они здесь?

– Это работы Михаила Александровича. Портрет молодого Твардовского, Маршака, портрет автора «Дикой собаки Динго» и пейзажи.

Расспросив о моих делах, Л.Я., прощаясь со мной, отдала мне «на память» добротные валенки М.А. и так и не успевшую «побыть в деле», новую «спецодежду живописца» – чёрную куртку. Да, существенным моментом нашей встречи была просьба Лидии Яковлевны сделать ей копии писем Мих. Ал. ко мне и написать свои воспоминания о нём.

Как свела меня судьба с ним? Э.В. Ильенков, прочитав мою рукопись, сказал, что мне надо прочесть недавно вышедшую книгу Лифшица «Маркс об искусстве и общественном идеале» и тогда, после прочтения, познакомиться с ним. Я уехал к себе в

Орёл, раздобыл книгу и ушёл в неё, буквально ушёл. Читал страшно медленно и потому довольно долго для этой не очень большой книги. Прочитав, написал ему письмо – не меньше 10 страниц. В ответ получил празднично-остроумное письмо на двух страницах, приглашавшее меня навестить автора. Письмо не сохранилось, сейчас помню лишь некоторые фразы: о необходимости напряжённой работы по осмыслению действительности в её связи со всей культурой человечества, «чтобы всегда быть в состоянии готовности номер один». Я писал в первом письме, что читал книгу очень медленно, но зато продвинулся от своего первобытного состояния далеко вперёд, но что этого завоевания мне не удержать: жизнь давит в противоположном направлении, и я боюсь, что под её давлением не устою, «упаду назад». Он отвечал: «если Вы действительно продвинулись вперёд, то опасности упасть назад не существует. Судя по горячности Вашей головы, боюсь, как бы Вы не упали вперёд».

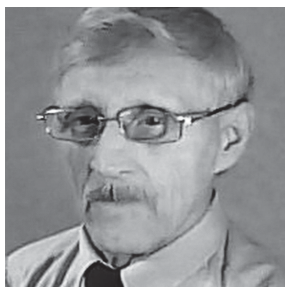
Я засел за статью «Социалистов великая ересь» (заглавие взято из Маяковского: «днесь сбывается небывалою бльью социалистов великая ересь») и внутренне стал готовиться к встрече как к вступлению в новую жизнь, как к началу новой её страницы. Недели через две – открытка от М.А. – ещё раз приглашает приехать. Не помню, ответил ли я, но выехать раньше окончания статьи не мог.

В Москву я поехал на неделю. Свидание было неприятным для меня. Прежде всего, тем, что М.А. принимал меня не один, а вместе с сорокалетним сыном своим от первого брака. А во-вторых, – мне пришлось рассказать свою биографию, так сказать, подробно перечислить её факты – занятие для меня всегда тягостнейшее (из-за того, что биография моя – сплошная цепь тягостнейших фактов и результатов). Тягостное и какое-то (как мне показалось) кошмарно-отрезвляющее впечатление она произвела и на моих слушателей.

– Вы умудрились прожить жизнь, ничего не сделав для себя, – сказал М.А. после довольно долгого «всеобщего молчания».

Он забрал у меня рукопись и обещал вернуть через три дня (в рукописи было страниц 40 через один интервал). Второе наше свидание (через три дня) уже не было для меня столь невыносимо-тягостным и неинтересным...

Виктор МОРОЗОВ (1937–2017)

17 ноября. 85 лет назад родился поэт Виктор Александрович Морозов (17.11.1937, г. Дзержинск Горьковской, ныне Нижегородской обл. – 23.03.2017, с. Большая Уса Куединского р-на Пермского края). Детство и юность провёл в селе Адоевщина Радищевского района Ульяновской области. Окончил Радищевскую среднюю школу, заочно Пермский педагогический институт. Работал учителем физики в школе. Бывал в Ульяновске, о чём писал в своих стихах: «Венец на Волге днём и ночью снится». Автор поэтических сборников «Любовь земная» (2016), «Моя душа в стихах живёт» (2018). Книги изданы стараниями поэтов В.С. Варламова и Л.А. Гребенниковой; переданы в библиотеки Радищевского района.

НА ВЕНЦЕ

Всё думал, не споткнусь на ровном месте
И обойду развратную молву,
Не совершу поспешных путешествий
Из Петербурга в старую Москву.

А дни бегут. Воспоминанья – пытки.
На памяти вращающийся диск
Озвучивает письма и открытки
И зывает в ветреный Симбирск.

Венец на Волге днём и ночью снится.
Откуда столько милых, добрых слов?
Мечта-синица выросла жар-птицей
И унесла в края семи ветров.

Я там любил, и встречи были долги.
История? Да, это те места,
Когда прохладный ветер из-за Волги
Приносит запах прелого листа.

Тебя, прощающейся в странной спешке,
Где всё ещё близки и ты, и я,
Где грань светила желтизной усмешки
Не понятых материй бытия.

И горькое предчувствие разлуки
Там, у перил изящного литья,
Последний раз от стужи грело руки
У плеч моих под лоскутком белья.

ЕВГЕНИЙ ЛАРИН

Хранится в блёстках старческих седин,
В моей судьбе, чем я ей благодарен,
Певец земли родной, защитник, гражданин,
Учитель, друг, поэт Евгений Ларин.

ЗАСВИАЖЬЕ

Не могу заставить напрочь позабыть,
Что зима прошедшая теплее,
У ветров нещадных не такая прыть
В бешеных набегах на аллеи.

Не стучали в окна крошкой ледяной
Гости из седого океана...
Миллионоглазый снежный город твой
Спал себе, зализывая раны.

Не пилося, не елось, думалось уйти
К дому номер пять на Засвияжье,
Только чем же было выстилать пути?
Не было для стлани прочной пряжи.

Поутихнут ветры будущей зимой,
Я не стану ждать, что жизнь покажет,
И найду пути в зовущий город твой,
К дому номер пять на Засвияжье.

РЕЧКИ ТЕРЕШКИ СОЛОВЕЙ

Урал, Урал... Лесов еловых тень.
Судьбою я сюда навек заброшен.
Но спрашиваю каждый божий день:
«Куда ты запропал, мой друг Колбёшин?»

Как хочется услышать голос твой
В краях, куда нам нет с тобой возврата,
В тех камышах над Терешкой-рекой,
Да в ковылях, в лазоревых закатах.

Там ждёт простор натруженных полей,
Где были векам подсолнухом смеётся,
Поёт утрами местный соловей
На той земле, что Родиной зовётся.

Эльдар РЯЗАНОВ (1927–2015)

18 ноября. 95 лет со дня рождения сценариста, кинорежиссёра, актёра, поэта, драматурга Эльдара Александровича Рязанова (18.11.1927, г. Самара – 30.11.2015, г. Москва). Окончил режиссёрский факультет ВГИК (1950). Жил в Москве. В 1973 году приезжал в Ульяновск на съёмки эпизода для фильма «Невероятные приключения итальянцев в России». Член Союза писателей СССР (1976). Автор поэтических сборников «Уходящая натура» (1995), «Ностальгия» (1997), «Любовь – весенняя страна» (2005), «У природы нет плохой погоды» (2011); книги воспоминаний «Чем живу и жив» (2007) и др. Народный артист СССР (1984). Ещё раз побывал в Ульяновске в 2001 году накануне старого Нового года по пути в Самару.

В трамвай, что несётся в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями – толкотня,
и места там нет для меня.

В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже и тесно.
Нацелился, было, вскочить...
Да, чёрт с ним, решил пропустить.

А этот трамвай – до Ордынки...
Я впрыгну в него по старинке,
повисну опять на подножке
и в юность вернусь на немножко.

Под лязганье стрелок трамвайных
я вспомню подружек случайных,
забытые дружбы и лица...
И с этим ничто не сравнится!

Меж датами рожденья и кончины
(а перед ними наши имена)
стоит тире, черта, стоит знак «минус»,
а в этом знаке жизнь заключена.

В ту чёрточку вместились всё, что было...
А было всё! И всё сошло, как снег.
Исчезло, растворилось и погибло,
чем был похож и не похож на всех.

Погибло всё моё! И безвозвратно.
Моя любовь, и боль, и маета.
Всё это не воротится обратно,
лишь будет между датами черта.

Жизнь прожить – нехитрая наука:
отыщи любовь да сбереги...
Место жизни – ближняя округа,
далью не прельщайся, не беги.

Даже если жизнь обыкновенна,
делай всё, что можешь, от души,
понимай всему живому цену
и судить чужого не спеши.

Трать себя, живи неосторожно,
выгод не считай, не мелочись...
Пусть с людьми и сложно, и тревожно,
ты пойми их суетную жизнь.

Жизнь, коль вдуматься, простая штука.
Главное, ни разу не предать.
Жизнь – совсем не сука и не скука,
если станешь дальним сострадать.

И живи! В любую непогоду!
Сочиняй свой собственный мотив.
А любить жену, друзей, природу –
не такой уж, право, примитив.

Михаил СУСЛОВ (1902–1982)

21 ноября. 120 лет назад родился партийный и государственный деятель, публицист Михаил Андреевич Сулов (21.11.1902, с. Шаховское, ныне Павловского р-на Ульяновской обл. – 26.01.1982, г. Москва). Работал в местном комитете бедноты. Окончил Московский институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова (1928). С 1947 года был секретарём, членом Президиума и Политбюро ЦК КПСС. Автор книг «Марксизм-ленинизм и современная эпоха» (1970), «Избранное. Речи и статьи» (1972), «На путях строительства коммунизма» (1977) и др. Приезжал в Ульяновск и в родное село в 1966, 1971, 1975 и 1980 гг., передал личные вещи и книги в местный музей села Шаховское. Герой Социалистического Труда (1962, 1972).

ГОДЫ БЕЗ ЛЕНИНА (отрывок, 1948 год)

Народы нашей страны первыми в мире вырвались из тисков империализма и проложили дорогу к свободной жизни. Они добились этого потому, что пошли по пути, указанному Лениным.

Более 30 лет назад Ленин вскрыл глубочайшие противоречия и язвы империализма, доказал, что империализм есть загнивающий, умирающий капитализм. Ленинский анализ империализма вооружил рабочий класс идейным оружием величайшей силы. Ленин доказал, что империализм есть реакция по всей линии. «Империализм, – говорил Ленин, – несёт рабочему классу неслыханное обострение классовой борьбы, нужды, безработицы, дороговизны, гнёта трестов, милитаризма, политическую реакцию, которая поднимает голову во всех, даже самых свободных странах». Ленин установил, что империализм несёт обострение экономических кризисов, усиление национального гнёта, обострение империалистической борьбы между капиталистическими государствами и невиданные кровопролитные войны.

События последних десятилетий развёртывались именно так, как предсказывал Ленин. Империализм породил такую свирепую реакцию, как фашизм, с его кровавым террористическим режимом. Периодические кризисы капитализма стали всё более частыми и разрушительными. За первой мировой войной последовала вторая мировая война, а межвоенный период заполнен был почти непрерывными «малыми войнами». Империализм принёс народам неисчислимы бедствия и страдания. Ленин выдвинул и обосновал положение, что империализм есть канун социалистической революции, последняя стадия капитализма. Этот основной вывод Ленина из анализа империалистической стадии в развитии капитализма подтверждён всем последующим развитием.

30 лет тому назад от капиталистической системы откололась наша страна, которая встала на путь социалистического преобразования. Со времени Первой мировой войны и Октябрьской революции антинародная капиталистическая система переживает всё обостряющийся общий кризис. В результате Второй мировой войны устои капитализма ещё более расшатались. В ряде стран центральной и юго-восточной Европы, порвавших с империализмом, утвердился строй народной демократии и успешно закладываются основы перехода на соци-

алистический путь развития. Наиболее агрессивные империалистические державы, составлявшие в недавнем прошлом оплот империализма и реакции в Европе и в Азии, – Германия, Италия и Япония – разгромлены в войне. В колониях и зависимых странах развёртывается могучее национально-освободительное движение.

В послевоенных условиях империалисты США претендуют на роль мирового жандарма, душителя свободы и независимости народов. «Хищнический империализм американцев», как называл его Ленин, рвётся к мировому господству, к закабалению и порабощению всех стран мира. Американские империалисты явно стремятся занять место фашистской Германии и Японии и ведут подготовку к новой империалистической войне.

Чтобы подавить освободительное движение народов и пресечь нарастающее недовольство масс в собственной стране, американские империалисты насаждают режим самой оголтелой реакции по всем линиям. «Демократия» для империалистов – это значит неограниченное хозяйничанье и произвол банкиров, монополистов-промышленников, черносотенные расправы с демократическими элементами, дикая травля негров, поход против элементарных прав трудящихся. Под флагом «антикоммунизма» империалисты США организуют и проводят вооружённую интервенцию против свободолюбивых народов Греции, Китая, Индонезии, вмешиваются во внутренние дела других стран, пуская в ход шантаж, запугивания, методы экономического и политического нажима.

Авантюристическая политика американских империалистов чревата серьёзными опасностями. Казалось бы, что такие уроки истории, как крушение гитлеровской Германии и её сообщников, должны были научить кое-чему главарей американского империализма и их младших английских партнёров. Уместно напомнить ленинские слова, сказанные ещё после Первой мировой войны: «Мы видим, – говорил Ленин, – как Англия и Америка, страны, имевшие больше других возможность остаться демократическими республиками, так же дико, безумно зарвались, как Германия в своё время, и поэтому они так же быстро, а может быть и ещё быстрее, приближаются к тому концу, который так успешно проделал германский империализм...».

Иван ЗАГУДАЕВСКИЙ (1922–2021)

22 ноября. 100 лет со дня рождения пчеловода, публициста Ивана Андреевича Загудаевского (22.11.1922, с. Жедяевка, ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл. – 28.05.2021, с. Лесная Поляна Старомайнского р-на). Окончил Тюменское пехотное училище (1941). Участник Великой Отечественной войны. Работал техником в Старомайском лесхозе; мастером в Старомайском леспромхозе; занимался пчеловодством. Автор книг «Выводы к практическому руководству по содержанию пчёл на приусадебной пасеке в условиях ульяновского Заволжья» (2009), «Охотнику и гражданину всё о волке» (2012), «Продукты пчеловодства в медицине» (2012), «Жизнь и судьба Ивана Андреевича Загудаевского» (2014).

Виктор ЧАРУШИН (1932–2002)

23 ноября. 90 лет назад родился шахматист, литератор Виктор Афанасьевич Чарушин (23.11.1932, с. Курья, ныне Красногорского р-на Удмуртии – 02.05.2002, г. Нижний Новгород). В 1953–1966 гг. жил в Ульяновске; работал на строительстве Волжской дамбы, на заводе имени Володарского, главным конструктором института «Гипроэнергоремонт». Кандидат технических наук (1964), доцент (1966). Чемпион Ульяновска по шахматам (1954); мастер спорта СССР по шахматам по переписке (1987). Автор книг «Танец на краю вулкана» (1993), «Одна, но пламенная страсть» (1995), «Комбинация «Крест» (1997), «Комбинация Ласкера» (1998), «Загадочный Гардемарин» (2000) и др. Книги издавались в Германии, США, Чехии.

Александр ПОЛЯКОВ (1882–1923)

24 ноября. 140 лет со дня рождения библиографа, историка литературы и театра Александра Сергеевича Полякова, псевдоним – А. Ундорский (24.11.1882, с. Лобаски Симбирской губ., ныне Атяшевского р-на Мордовии – 04.10.1923, г. Петроград). Окончил народное училище в с. Шумовка Симбирского уезда (1892), Симбирскую классическую гимназию (1901). Был одним из руководителей Симбирского комитета партии эсеров. С 1916 года внештатный сотрудник древлехранительницы Пушкинского Дома; приобрёл в с. Чириково библиотеку П.В. Анненкова. Автор сочинений «Симбирский губернский музей» (1915), «Труды профессора С.А. Венгерова» (1916), «О смерти Пушкина» (1922), «Три письма А.Н. Островского» (1923) и др.

Владимир РЫБАЛКО (1937–1994)

24 ноября. 85 лет назад родился писатель Владимир Степанович Рыбалко (24.11.1937, с. Репьёвка Новоспасского р-на Куйбышевской, ныне Ульяновской обл. – 11.07.1994, г. Сызрань Самарской обл.). Окончил сельскохозяйственный техникум и Казанский университет. Трудился агрономом, бригадиром-агротехником; работал в Сызрани на заводе «Тяжмаш». С 1968 года был сотрудником, заведующим отделом, заместителем редактора районной газеты «Красное Приволжье». Публиковался в сборнике «Сызрань литературная». Автор сборника прозы для детей «Про Димку и Ромку» (1980), повести «Солнышко с косичками» (1993), рассказов «Вечерние песни», «Храбрец», «Немцы», «Своя песня» и др.

ПРО ДИМКУ И РОМКУ (отрывок из книги)

У Димки есть сестрёнка. Зовут Катенькой. Ходить она ещё не умеет. Отец и мать души в ней не чают. И чего нашли в ней хорошего?! Сама от горшка два вершка, а орёт громче динамика.

Да что там динамик! С ним справиться проще простого. Захотел – убавил звук, не нравится передача – совсем выключил. А ведь эту надоеду не выключишь. Горланит до тех пор, пока не устанет. Хуже старой заигранной пластинки надоела она Димке.

«Видно, все девчонки плаксы, – думает он. – Лучше бы братишка был. Тот бы не стал хныкать. С мальчишками всегда интереснее».

Сегодня Димку опять заставили сидеть с этой рёвой. Мать сказала, что отлучится на минутку, а самой всё нет и нет.

Димка вынес на крыльцо одеяло, расстелил его, усадил Катеньку, наложил ей игрушек.

День стоял солнечный, тихий. И в этой тишине

как-то особенно громко раздавалось разнобойное чириканье воробьёв. Они оравой порхали по двору, подбирали остатки куриного корма, нахально отнимая его друг у друга.

«Все мальчишки, наверное, на речке купаются или рыбу ловят, – подумал Димка. – А тут вот сиди, как прикованный».

Он уныло посмотрел на Катеньку. А она настолько увлеклась игрушками, что даже забыла на этот раз заплакать.

– Эй, Димок! Ты где? – послышался вдруг голос Ромки, и тотчас же над забором расцвела подсолнухом его рыжая голова. – Ты чего сидишь? Пошли купаться.

– Нельзя. Мамка ушла, а мне вон писклю оставила. Куда её денешь? – Димка хмуро кивнул на сестрёнку.

– Да. Ситуация, – почесал Ромка в затылке,

удобнее усаживаясь на заборе. – А знаешь что?! Возьмём её с собой. Постелем одеяло на берегу, и пусть она играет.

- Ага. Играет. А если в речку свалится?
- Ну... посидим с ней по очереди.
- Нет, так не интересно. И наперегонки не спла-

ваешь, и в салочки не поиграешь. Уж лучше мамку дождусь.

Помолчали. Ромка энергично болтал ногами, о чём-то размышляя.

– Стоп! Идея! – хлопнул он себя ладонью по лбу и спрыгнул во двор...

Григорий ЧЕРНЕЦОВ (1802–1865)

24 ноября. 220 лет со дня рождения русского художника, путешественника Григория Григорьевича Чернецова (24.11.1802, г. Лух Костромской губ., ныне Ивановской обл. – 20.06.1865, г. С.-Петербург). В 1838 году путешествовал с братьями на барке по Волге от Рыбинска до Астрахани; 6 сентября останавливался в Симбирске. В 1838–1851 гг. создал картину-панораму «Портрет Волги» из 1982 листов, длиной 746 метров (хранилась в Эрмитаже). Изобразил утопающую в садах Симбирскую гору, здания на Венце и в Подгорье, спуски к реке, симбирские храмы. В 1862 году преподнёс новому императору Александру II рукописный экземпляр своих «Записок о путешествии по Волге» с иллюстрациями в тексте.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ (отрывок из дневника)

1 сентября. После вчерашней тишины сегодня хотя было жарко, но ветрено; мы мало ушли вперёд. Ветер прибывал нас к левому берегу, где находится много карш, которые для нашего корабля очень опасны.

В следующий день мы встали ещё до восхода солнца, время было тихое; выстрел, сделанный нами из пушки, удивительно как далеко отразился в горах; птицы закричали, экипаж наш проснулся, и мы поплыли; дойдя до границы губернии Казанской с Симбирскою, остановились у правого берега, против впадения в Волгу с луговой стороны реки Утки-Майны.

3 сентября. СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ. Не хвали день поутру, а хвали вечером. Справедливость этой пословицы в путешествии водою очень часто подтверждается. После тихого утра с луговой стороны подул ветер и привалил нас к правому берегу, близ которого в воде находятся во множестве карши; между ними мы пробирались со всею осторожностью, боясь беды, отчего продвинулись вперёд очень мало. Гор на правом берегу здесь не видно, они в этом месте далеко отходят от него.

Весь следующий день простояли на одном месте по причине сильного бокового ветра, который ночью был ещё более и подвергнул лодку нашу жестокой качке. Здесь находится много лебедей, но так как мы неискусные стрелки, то до сих пор ещё не смогли застрелить ни одного.

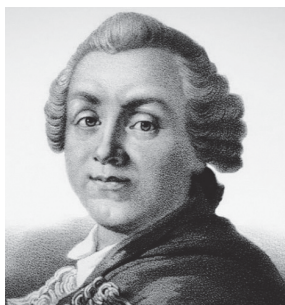
5 сентября. Ветер, переменясь несколько в попутный, обрадовал нас; чтоб не потерять благоприятного случая, мы ещё до восхода солнца снялись с якоря и подняли парус. За Ундорскими горами вёрст за семь показался нам Симбирск, с которым скоро поравнявшись, остановились у левого берега, чтобы оттуда снять вид города; но он мало виден с этой точки, потому что гора, на которой расположен Симбирск, очень высока и верхнею линией своею скрывает его. Вся гора покрыта садами, которые украшают её своею зеленью. Теплота здешнего климата позволяет нам ежедневно купаться, и вода ещё очень тепла. Волга здесь широка и непрерывно оживлена плывущими судами. Вечером от луговой стороны мы переправились к правому берегу.

6 сентября. СИМБИРСК. Гора, на которой находится Симбирск, очень высока: всходя на оную, мы не один раз должны были отдыхать. С вершины её нам открылся город, в котором мы оставались недолго, потому и видели его, так сказать, мельком. К числу примечательных зданий в нём принадлежит собор; он ещё не вполне окончен, но наружный вид уже доказывает отличный талант зодчего. Широкие, чистые улицы, прекрасные домики с садами, некоторые из них выстроены с большим вкусом; вообще внутренний вид города очень хорош.

Начало Симбирска не относится к дальней древности; он не имеет вековых остатков и не пробуждает в путешественнике воспоминаний о давних событиях, но производит в нём какое-то приятное впечатление. Отсюда, если смотреть вниз по Волге, представляется прекрасный вид, заключающий в себе огромное пространство, на котором природа живописно обставила предметы и, разнообразно их разыграв, составила превосходную и очаровательную картину. Бродя по городу, мы устали и, возвращаясь к своей лодке, наняли тарантас, которые здесь в большом употреблении. Лёгкий попутный ветерок соблазнил нас к отъезду; к тому же нам хотелось скорее быть в Жигулёвских горах, поэтому мы решили пуститься в путь далее и, отплыв версты на четыре, остановились на ночлег.

7 сентября. Сегодня мы видели огромные стада диких гусей, сидящие на песках; при выстреле нашем с лодки они поднимались с сильным криком и понеслись, как тучи, в воздухе. День был жарок, верстах в двадцати, при повороте Волги, Симбирск скрылся. Пройдя разные извилины и многие острова, вечером бросили якорь у села Шиловки.

На другой день, поравнявшись с городом Сенгилей, у левого берега остановились. Он находится между гор, как бы в какой-то долине. Течение Волги здесь очень сильно; купаясь, едва можно было держаться на ногах от быстроты воды, которая перекачивает пески на дне, и это любимые обиталища, как мы уже заметили, стерлядей. Отплыв от Сенгилея, мы остановились на ночлег у рыбацкой ватаги и заказали тут тоню; заказ был так счастлив, что в числе разной рыбы одних стерлядей попало до сотни...

Александр СУМАРОКОВ (1717–1777)

25 ноября. 305 лет назад родился поэт и драматург Александр Петрович Сумароков (25.11.1717, г. Вильманstrand, ныне г. Лаппеэнранта, Финляндия – 12.10.1777, г. Москва). Сын крестника Петра I, П.П. Сумарокова, который в 1737 году имел владения и 1670 душ крестьян в 6 уездах России, в т.ч. в Синбирском уезде Казанской губернии. Автор комедий и трагедий, в т.ч. «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Дмитрий Самозванец» (1771), «Вздорщица» (1772), «Рогоносец по воображению» (1772), «Мать – совместница дочери» (1772), «Мстислав» (1774) и др. Написал «Станс граду Синбирску на Пугачева» (1774), в котором воспел роль города в разгроме войска С.Т. Разина и в усмирении Пугачёвского бунта.

СТАНС ГРАДУ СИНБИРСКУ НА ПУГАЧЁВА (отрывки)

Прогнал ты Разина
стоявшим войском твердо,
Синбирск, и удалил ты древнего врага,
Хоть он и наступал с огнем немилосердо
На Волгины брега!

А Разин нынешний в твои падёт оковы,
И во стенах твоих окованный сидит.
Пристойные ему возмездия готовы,
Суд злобы не щадит.

Москва и град Петров
и все российски грады,
Российско воинство, и олтари, и трон
Стремятся, чтоб он был караем без пощады,
Гнушается им Дон...

...Осетил Пугачёв себе людей безумных,
Не знающих никак нимало божества.
Прибавил к ним во сеть людей,
пьянством шумных,
Извергов естества.

Такой разбойничьей толпою он воюет,
Он шайки ратников составил из зверей,
И, как поветрием, во все страны он дует
Во наглости своей.

Противен род дворян ушам его и взору.
Сей враг отечества ликует, их губив,
Дабы повергнути престола сим подпору,
Дворянство истребив.

Они мучения, стена, претерпевали,
Но он от верности возмог ли их оттерть?
Младенцев Ироду терзати предавали,
Чад видя злую смерть...

...Граф Панин никогда
пред войском не воздремлет,
И сбросил он тебя, взлетевша, с высоты.
И силой и умом мучителя он емлет.
Страдай теперь и ты!

Уже геенна вся на варвара зияет,
И тартар на тебя разверз уже уста.
А Панин на горах вод Волгиных сияет,
Очистив те места.

Ликует под венцом Российская Астрея,
Скончав несчастье чад державы своя
И злое пиршество свирепого Атрея
В местах страны тоя.

Восходит веселей из моря солнце красно
По днях жестокости на волгин оризонт.
Взыграли Дон, Яик со Волгою согласно,
И с ней Каспийский понт.

Народы тамошни гласят Екатерине:
«О мать подданных,
спасла от зол ты нас!»
Она рекла: «Всегда готова я, как ныне,
Спасати, чада, вас!»

Виктор СУРКОВ (р. 1957)

25 ноября. 65-летний юбилей отмечает поэт Виктор Владимирович Сурков (р. 25.11.1957, с. Куроедово Николаевского р-на Ульяновской обл.). Переехал с семьёй в город Сызрань, учился здесь в школе №19. Первое своё стихотворение посвятил подвигу Александра Матросова. Окончил Казанское суворовское военное училище, Ульяновское высшее командное танковое училище, Военную академию бронетанковых войск в Москве. Служил в танковых частях. В 1997 году уволился в запас, вернулся в Сызрань. Состоит в городской писательской организации; участник литературного клуба «Вектор»; соавтор гимна Сызрани.

Публиковался в журнале «Русское эхо». Автор поэтического сборника «Вдох» (2017).

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Июньское утро, двадцать второе,
 Рассветный покой и вокруг тишина...
 Не будет сегодня кровавого боя,
 Не вздрогнет от взрывов большая страна.

Слезинки в глазах, но нисколько не стыдно
 Тем, кто до утра спать сегодня не смог.
 Наверное, каждому очень обидно,
 Что он в сорок первом бойцам не помог

И не разделил их тяжёлую ношу
 В то первое утро треклятой войны...
 И хочется быть хоть немного похожим
 На них в годы мирной, живой тишины.

ОФИЦЕРЫ

Во всякий раз, как надеваю форму,
 Я с памятью по прошлому брожу.
 Тугой комок подкатывает к горлу...
 Не верится, что больше не служу.

Как хочется, чтоб снова явью стало:
 Бойцы, казармы, танки, полигон,
 Могущество летящего металла,
 Слепящий отблеск золотых погон!

И гордость за страну свою родную,
 И вера в то, что ты необходим.
 Присягой офицеры не торгуют,
 И в боевом порыве как один!

Кто с армией повенчан, точно знает
 Две истины из глубины веков:
 Что бывших офицеров не бывает,
 Что Родина дороже медяков!

КРЕСТЫ

От начала погоста
 Мне пройти с пол-версты
 До крутого откоса,
 Где святые кресты.

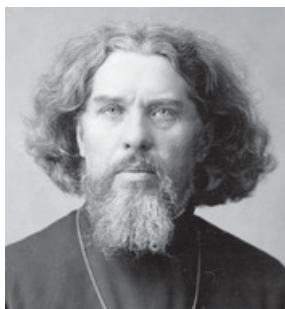
Трёх родных поколений
 Там покоится прах,
 Жаль, что лики желтеют
 На железных крестах.

Под откосом тем – Волга
 Век за веком бежит...
 Я не знаю, как долго
 С этой ношей мне жить.

Ноша вовсе не в тягу,
 Даже в радость порой,
 Ведь пока я не скряга, –
 Пью за их упокой.

Папа, бабка, прабабка –
 Не забыты вы мной...
 Чтоб поправить оградку,
 Вновь приеду весной.

Александр СМЕРНОВ (1857–1933)

28 ноября. 165 лет со дня рождения духовного писателя, богослова Александра Васильевича Смирнова (28.11.1857, Симбирская губ. – 1933, г. Самара). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1879). Был псаломщиком Казанского храма в с. Трубетчина, ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. (1879); надзирателем за учениками в Симбирском духовном училище (1880). Учился в Казанской духовной академии (1880–1884). Депутат 4-й Государственной думы (1912–1917). Автор сочинений «Книга Еноха» (1888), «Нагорная проповедь Иисуса Христа» (1888), «Современные идеалы воспитания» (1896), «Социализм в оценке Ф. Достоевского» (1907), «Курс истории религий» (1908), «Будущность христианства» (1914) и др.

Александр ЖИРКЕВИЧ (1857–1927)

29 ноября. 165 лет назад родился военный юрист, литератор Александр Владимирович Жиркевич (29.11.1857, г. Люцин, ныне г. Лудза, Латвия – 13.07.1927, г. Вильно, ныне Вильнюс, Литва). Внук симбирского губернатора И.С. Жиркевича, генерал-майора. Автор рассказа «Из воспоминаний охотника» (1881), поэмы «Картинки детства» (1890), сборника стихов «Друзьям» (1899), книги прозы «Рассказы 1892–1897» (1900) и др. С 1915 года жил в Симбирске, участвовал в работе Учёной архивной комиссии. Записал и литературно обработал воспоминания чувашского просветителя И.Я. Яковлева. После революции бедствовал. Мемуары изданы в книге «Потревоженные тени... Симбирский дневник» (2007).

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ТЕНИ (отрывок из дневника)

Приехав в Симбирск и став попечителем военных лазаретов Симбирска (это была почётная, но бесплатная должность), я, посещая один из таких лазаретов при бывшей чувашской школе, мне подведомственной, сошёлся со знаменитым просветителем чуваш, достойным Иван Яковлевичем Яковлевым, заведовавшим непосредственно этим лазаретом. Когда началась революция, я стал, со слов Яковлева, составлять его мемуары. И, в разгар этой работы, произошёл выше упомянутый арест.

Кстати! Помнишь ли, моя милая героиня Манюточка, что тебя едва не застрелили, тоже на время арестовав, когда ты, после увода меня, на извозчике поехала искать мне защиты у городского коменданта, которому я подчинялся, как бесплатный попечитель местного, военно-гарнизонного кладбища?! Мамочка предупредила Яковлева о моём аресте и о том, что мне грозит смертельная опасность. В те дни довольно было оговора шпионов, чтобы самосуд над «буржуями» был произведён в стенах или на дворе темницы. Все знали, что Яковлев был дружен с семьёй Вл. Ильича Ленина-Ульянова, которой когда-то оказал крупные услуги. Яковлев сейчас же отправился к стоявшему во главе Симбирской Чеки Левину и, с угрозой телеграфировать о моём аресте «Ильичу», добился немедленного пересмотра моего дела, что и было сделано.

Сидя два дня в подвале кухни в полном ожидании неизбежного расстрела, я вдруг, не зная о том, что делалось за стенами моей темницы, получил в хлебе мамочкину записку с загадочно-успокоительным извещением, что обо мне «хлопочут». Тут и Котя Пузыревский, узнавший о моём аресте, в качестве командированного большевиками по служебному делу, явился в Чеку и заявил, что у меня был он, а не «белый шпион». В результате меня перевели в арестный дом, где, продержав с неделю, выпустили на свободу. Ну, разве всё это не чудо Божие?!

Так смотрела на моё спасение и Мамочка. В исправдоме я нашёл в составе тюремных служащих,

ещё помнивших мою тюремную деятельность по облегчению участи заключённых в качестве попечителя местных тюрем. В одной со мной камере сидело довольно много арестантов, ранее при монархии отбывавших наказания в местных тюрьмах и не забывших тех забот, которыми я окружал узников. Несомненно, в составе Чеки находились бывшие каторжане, знавшие меня по той же тюремно-филантропической моей деятельности, а, может быть, и лично мне чем-либо обязанные (я потом только узнал, что это так и было). В общем, создалась исключительная атмосфера доброжелательно-спасительного ко мне отношения, о чём я и писал Мамочке из исправдома, успокаивая её тем, что я чувствую себя и в тюрьме прекрасно, видя вокруг себя друзей... На это Мамочка ответила, что в подобном отношении ко мне, по милосердию Божию, отзывается то тюремное доброделание, которое значилось за мной в прошлом...

Чудеса... Да разве не чудо всё, что со мною сейчас происходит в Москве?! Уехав из Ульяновска только с деньгами, достаточными на дорогу за границу и на короткое пребывание, впредь до разрешения выезда я, в виду разных обстоятельств, задержался в Москве вот уже полтора месяца... Я уже голодал бы, если бы не ряд обстоятельств, духовное сцепление которых меня выручило... Собираясь выехать из Ульяновска, я не знал, что мне делать с моим огромным литературным архивом, который я не мог вывезти ни в Москву (по безденежью), ни за границу (так как это воспрещается советскими законами). Приходилось всё бросить на произвол судьбы в Ульяновске. И я начал бумаги мои укладывать в сундуки, чтобы сдать на хранение кому-либо из знакомых.

В разгар этой спешной, кропотливой, удручающей меня работы нежданно приезжают представители Московского Толстовского музея К.С. Шохор-Троицкий и В.А. Жданов, с предложением продать музею материалы, относящиеся к Толстому. Я отка-

зываются. Тогда мне предлагается отдать весь мой архив музею на известных условиях. Я соглашаюсь всё подарить музею, если бумаги, альбомы и проч. будут вывезены средствами музея. Так как приехавшие на это согласились, то весь мой архив находится, как тебе известно, в музее, приводится в систе-

му и разбирается... Мало того, когда я приехал в Москву и меня задержали здесь разными проволочками, связанными с разрешением о выезде, музей, в благодарность за мою работу по помощи при приведении в порядок моего архива, дал мне кров и содержит меня на свой счёт.

Ирина АСТАХОВА (р. 1987)

29 ноября. 35-летний юбилей отмечает поэтесса Ирина Александровна Астахова, творческий псевдоним – Ах Астахова (р. 29.11.1987, г. Москва). Окончила музыкальную школу по классу фортепиано и художественную школу по классу живописи. Первое стихотворение написала в 9 лет. Активно гастролировала с поэтическими концертами по городам России и Европы; выступала в Париже, Мадриде, Барселоне, Милане, Праге, Тбилиси и др. Автор стихотворных сборников «Мужская лирика/Женская лирика» (2013), «Время сменить маршрут» (2015). Провела 9 апреля 2017 года в концертном зале УлГТУ «Тарелка» в Ульяновске поэтический спектакль «Карманная планета»; посетила Дом-музей В.И. Ленина.

ВСТРЕЧА СЛУЧАЙНАЯ

Встреча случайная – гром и град!
– Как ваше имя? Отчество?
Чья-то трагедия – это ад.
Моя – одиночество.

Осень застала меня врасплох.
(Ты – мой последний шанс).
Чья-то религия – это Бог.
Моя – это вера в нас.

Руку подай мне и ляг на грудь.
Все расскажи мечты.
Каждый путник свой ищет путь,
И мой, безусловно – Ты.

К тебе перестали летать самолёты,
и нет поездов к тебе день ото дня.
Как жаль, но похоже закончилось что-то
внутри у меня,
внутри у меня.

Надрывно молчит телефонная трубка,
в оконном проёме застряла душа!
Все мысли мои, все дела и поступки
не стоят гроша,
не стоят гроша.

Твой город исчез с моей карты событий,
я прячусь в квартире как мышка в норе.
На двери замок и записка: простите,
вернусь в сентябре,
вернусь в сентябре.

Мне даже не жалко прошедшие годы,
и тлеющий уголь бывшего огня –
но всё же мне жаль, что разрушилось что-то
внутри у меня,
внутри у меня.

Как измучил меня мой город.
Ты всё можешь, ты всех сильнее:
спрячь меня за зелёные горы,
от всего меня спрячь на земле!

От машин, телефонов, зданий,
от людей, что не слышат нас!
Понимаешь? И мы устанем,
если нам не сбежать сейчас!

Мы живём от квартир до станций,
как в асфальте живёт земля –
понимаешь? Мы можем сдать,ся,
но ведь этого нам нельзя!

Я смотреть не могу на лица
бестолково идущих в ряд:
спрячь меня от моей столицы,
и не смей отпускать назад!

Не хочу я ждать светофоров,
или ждать в магазине сдач:
спрячь меня за зелёные горы,
от всего на планете спрячь.

Дмитрий САПОЖНИКОВ (1857–1900)

165 лет со дня рождения архивиста, писателя, краеведа Дмитрия Ивановича Сапожникова (1857, г. Симбирск – 1900, там же). Родился в семье купца, симбирского городского головы И.Ф. Сапожникова. Окончил Московский университет. С 1891 года – секретарь Симбирской казённой палаты, коллежский ассессор. Первый правитель дел, организатор Симбирской учёной архивной комиссии (1895–1900) и музея при ней. Автор сочинений «Несколько данных к истории Балтийского края» (1890), «Письма восточных иерархов (первая половина XVIII века)» (1898), «Сожжение в Симбирске еретика Ярова» (1898), «А.Я. Шубин (историческая заметка)» (1898), «Вновь найденные рукописи Пушкина» (1899) и др.

СОЖЖЕНИЕ В СИМБИРСКЕ ЕРЕТИКА ЯРОВА (отрывок из сочинения)

5 августа 1732 года является в Симбирскую Ратушу молодая, красивая женщина, назвавшаяся женой Симбирского посадского человека Якова Ярова, Варварой Петровой. На допросе в Ратуше начала она рассказывать приказным людям про своего мужа такие небылицы, которым они не могли сразу поверить. Но когда Ярова, успокоившись, стала передавать свои показания тише, тогда у приказных явилось к ней доверие, и они велели ей рассказывать всё, что она знала за Яровым и всё, что слышала про него. По рассказу её видно, что вышла она замуж «поневоле», в 1732 году, 4 февраля. В начале своего «медового месяца» она ничего не замечала за Яровым; но тем не менее, чем дальше шло время, тем загадочнее и страннее становился молодой супруг.

Каждый день, лишь только начнёт «смеркнуть», Яров уже сидит у себя «на подволокну». Бывало, подкрадётся она тихонько к мужу, к перегородке, приложит ухо и слышит, как Яров «бормоча чинит волшебства какие-то» и читает «еретические книги и письма». Посмотрит она в щель, увидит, как горят «лучины» и как пересыпает муж «какие-то семена» и «стирает какие-то травы». Болезненно действует это на душу Яровой; не спится ей целые ночи, а если и придётся заснуть, то каждый раз грезятся ей такие странные сны, от которых и теперь у ней, Яровой, леденеют сердце и ум. И вот, под влиянием всего этого, она и обратилась сначала к своему «духовному» попу церкви Успения Пресвятыя Богородицы Никите Андрееву, а потом и к соседу его, попу Никифору Елифанову. Оба они стояли заодно и говорили, «чтоб не остаться ей приличной вместе с мужем её в таком еретичестве, нужно обо всём своевременно донести начальству».

На этом заканчиваются показания Яровой, и в Ратуше, проверяя её «извет», невольно приходят к убеждению, что здесь кроется доля истины. Вот почему, при отпуске домой, «наказывают» Яровой хранить всё в тайне.

На другой день «для сыску» наряжается особая команда, составленная из нескольких «нарочных» и земского старосты Семёна Ясырина «с товарищи». Посланные, прибыв на место назначения, накрывают Ярова «врасплох», в самый разгар его «потаённого действия». Вся команда, забравшись на верх его

дома «к его подволокну», стала сначала смотреть, что делает Яров, и пред всеми тогда в полумрачном освещении открылась интересная панорама. Видят они, «что в небольших коробочках, лежащих около Ярова» находятся «малоросные коренья», «тетрадки гадательные», «письма руки его». Кроме того, тут же «разложены ещё другие всевозможные травы, сушёные, не сушёные, тёртые и не тёртые»; около них валяется «какой-то букварь» и «неведомые письма»; а кругом самого Ярова правильно расставлены «кости человеческие».

Насмотревшись вдоволь и запомнив, где и что Яров прячет, посланные вламываются «в дверку на подволокну» в ту самую минуту, как Яров «вынимает из зарытой в муке лукошки книжку заговорную, притворную к блюду» и ею начинает «действие чинить». Связывают Ярова, забирают всё, что могут найти и всё, что по взгляду команды имело значение по такому делу. С большим коробом, нагруженным вещественными доказательствами, был доставлен Яров в Ратушу к приказным людям. Здесь, не откладывая дела в долгий ящик, при полном составе следствия, заставляют Ярова каяться в «еретичестве»; его пытаются, «бьют батогами» и всё, что говорит он, записывается прямо в «допрос».

Яров показывал, «что еретическую-де книгу он имеет тому с девять годов»; «по этой самой неведомой книжке он всегда и всё действие чинил, а как изучил он её, «так и отрёкся по ней от Всетворца Истинного Бога, но при этом от Христа он вовсе не отрекался». По этому самому учению он и диавола, и сатану чтит, и теперь владыками клянётся им «быть постоянно в их диавольской воле, призывает к себе еретиков Дионисия и Варлаамия, идёт по их учению и себя рабом их на словах признаёт». И говорил тогда он «всё, как в той книжке написано»...

Сам же Яров продолжал рассказывать: «Такую еретическую книжку» нашёл случайно; «при помощи её изучил проявлять свою силу в блюде, именно над тем, над кем бы он ни похотел». Мать и жена «про такое его волшебство» совсем ничего «не ведали»; только приходилось ему не раз «каяться» духовному своему отцу Никите Андрееву «в своём отречении от Бога»; но после указа о волшебниках он совсем прекратил «в своём доме чинить волшебство», а стал «изучать только травы и корни».

Фёдор СИНИЦЫН (1867–1922)

155 лет назад родился литератор, поэт, журналист Фёдор Сергеевич Синицын, литературный псевдоним – Фёдор Чёрный (1867 или 1868, с. Аксаково, ныне Майнского р-на Ульяновской обл. – 1922, г. Симбирск). Грамоте обучался у местного приходского священника. Печататься начал в 1903 году. Автор многих рассказов, очерков, статей, изданных в Симбирске и С.-Петербурге. Публиковался в печатных изданиях «Беседы», «Вестник знания», «Север» и др. Выпустил в Петербурге книгу «Стихийно. Из современной жизни» (1907), сборник рассказов «Тени жизни» (1910). Опубликовал произведение «Раб строптивый» в литературно-художественном сборнике «Самородок» Симбирского дома народного творчества (1919).

Николай МУХАНОВ (1882–1942)

140 лет со дня рождения поэта, писателя-фантаста, актёра, журналиста Николая Ивановича Муханова (1882, г. Сызрань Симбирской губ., ныне Самарской обл. – ? 04.1942, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Помогал актёрам театра местного купца Сидякина: суфлировал, был реквизитором и помощником режиссёра. Бывал в других местах Симбирской губернии. С 1903 года работал актёром и режиссёром в Риге и Петербурге. Автор сборника стихов «Химеры» (1918), научно-фантастического романа «Пылающие бездны» (1924), мемуаров о работе в театре «Под холщёвым небом» (1937). В архиве хранятся неопубликованные поэтические сборники «Пятый год», «Зеркало Селены», «Море», «Идеи и озарения» и др.

ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ (отрывок из романа)

Оратор умолк.

Глухой гул человеческих голосов, нарастая подобно приближающемуся грому, наполнил просторы бледно-зелёного зала. Пущенные на полный ход звукоглушители не в состоянии были справиться с грозным рокотом возмущения и негодования. Несколько минут стоял бурный рёв человеческого прибора, тотчас же подхваченный радиолуксографом и с быстротой света разнесённый до обоих полюсов Земли. Население планеты жадно следило за всеми перипетиями этого исторического заседания, в котором решалась участь целого мира.

Непосредственно вслед за этим над поверхностью земного шара, от полюсов до экватора, повис возмущённый рёв сотен миллиардов человеческих существ, позабывших в эту минуту обо всём, кроме возможности потерять свою независимость. Старушка-Земля, казалось, раскрыла миллионные недра и изрыгнула из них весь запас своего огненного негодования.

Через две секунды – колониальная база Федерации на Луне отметила возмущение своей метрополии. А через четыре минуты приёмники люксо-волн на Марсе уже фиксировали события, происшедшие в стане будущих врагов.

Давши несколько вылиться чувству негодования, охватившему Собрание, председатель поднял два пальца левой руки. Гул в зале умолк так же внезапно, как и зародился. Наступила напряжённая, зловещая тишина. Председатель гордо выпрямился и продолжал:

– Воля Высокого Собрания для меня ясна! Жребий брошен! Или Земля будет существовать в условиях своей культуры, или мы, по всей вероятности, вместе с нарушителями мира, приобщимся к Великому Молчанию Бездны.

Собрание, как один человек, ответило на слова председателя троекратным всплеском рук.

– Слово о причинах, послуживших поводом к столкновению, принадлежит заведующему междупланетным политическим равновесием Альби Аф-

регу, – провозгласил председатель, садясь на своё место.

На трибуне появился человек лет шестидесяти, с круглым, матовым лбом, с блестящими глазами, глубоко запавшими в орбиты.

– Высокое Собрание! – начал он низким, грудным голосом, исходившим как бы из-под земли. – Буду, по возможности, краток. Вы все знаете, что такое элемент «небулий» и какую роль он играет в жизни человечества. Уже за пятьсот лет до нас учёные Земли смутно догадывались о его существовании, улавливая его следы в солнечном спектре. На Земле, несмотря на самые тщательные исследования, присутствие небулия не обнаружено до сих пор. Впервые небулий найден нашими учеными на Луне, при её геологическом исследовании. С тех пор прогресс двинулся по новому пути, переполняющему гордостью человеческое сердце. С помощью небулия мы преодолели притяжение земли; его чудесные свойства помогли нам при выправлении земной оси; небулием преодолён закон инерции и побеждены колоссальные безвоздушные пространства, – и так далее, и так далее. К слову сказать, этому же чудесному элементу мы обязаны нашим коротким знакомством с Марсом, – знакомством, быть может, роковым для обеих сторон. Когда мы завязали правильные сношения с марсианами, мы убедились, что этот элемент имеется на Марсе в изобилии, однако он там не исследован и совершенно не применяется в чрезвычайно высокой технике наших соседей. Мы дали марсианам толчок к эксплуатации небулия и в короткое время едва ли не были ими превзойдены в этом направлении. Это – одно. Теперь – далее. Каждому школьнику известно о существовании в солнечной системе, между Марсом и Юпитером, до тысячи мелких планет или планетоид. Около половины из них настолько малы, что совершенно не годны для целей эксплуатации. Другая половина в большей своей части эксплуатируется нашими соседями, а в меньшей, – числом до 150 – нами. Эксплуатация, разумеется, ведётся в условиях

искусственной атмосферы. Почти все эти планетоиды в изобилии насыщены небулием. Сейчас марсиане, в силу своего наибольшего приближения к этому потоку мелких планет через известные периоды времени, требуют от нас полного их очищения и передачи в своё распоряжение. Можем ли мы согласиться на подобные условия, идущие вразрез с эле-

ментарными законами культурного сожительства народов? Нет, не можем! Нам необходим небулий, как первооснова всей нашей техники. Так как залежи его на Луне совершенно иссякли, то получить этот элемент мы можем только или из наших отдалённых колоний, или же, – если судьбе угодно, – с самого Марса. Я кончил!..

Александр МУСИН-ПУШКИН (1887-?)

135 лет назад родился литератор Александр Юрьевич Мусин-Пушкин, литературный псевдоним – Александр Частнов (1887, ? – ?). Из дворянской семьи. В 1889 году внесён вместе с отцом и братьями в 6-ю часть родословной книги Симбирской губернии. Жил в Сызрани; лето проводил в имении отца в д. Золино (Зеленовка) Сызранского у. Симбирской губернии (позже Барышского р-на Ульяновской обл., ныне не существует). Учился в Сызранском реальном училище. Окончил Николаевский лицей в Москве. Занимался литературной деятельностью. Член Московского общества драматических писателей. В 1905 году был определён в канцелярские служители Ярославского дворянского депутатского собрания.

Вера СУТУГИНА (1892–1969)

130 лет со дня рождения издателя, мемуаристки Веры Александровны Сутугиной, в замужестве Кюнер (1892, г. С.-Петербург – 1969, там же). Окончила Высшие женские курсы в С.-Петербурге (1916). Работала в издательстве «Всемирная литература» в Ленинграде. В 1941–1961 гг. находилась в ссылке в Сенгилее; работала на местной санэпидстанции. Вела переписку с Анной Ахматовой и Корнеем Чуковским. В 1956 году, благодаря хлопотам К.И. Чуковского и К.А. Федина, была реабилитирована. За отсутствием жилья ещё несколько лет жила в Сенгилее, а отпуск проводила у Чуковского в Переделкине. Статьи, обширная переписка, воспоминания, дневниковые записи хранятся в архиве Пушкинского Дома.

ПИСЬМО ЧУКОВСКОМУ (в сокращении)

Дорогой Корней Иванович, я бесконечно благодарна Вам за дружеское и тёплое письмо. Я так отвыкла от участия и забот, что Ваше письмо меня прямо потрясло – всю ночь я не могла заснуть. Как часто за эти годы я мечтала о хотя бы маленьком кусочке радости, чтобы легче было жить. Спасибо Вам за ту радость, которую Вы дали мне своим участием и заботой. Пусть даже ничего не выйдет, пусть я останусь здесь, но мне теперь легче. Потому что я знаю – теперь я не так беспредельно одинока, у меня есть друзья, которые думают обо мне. Посылаю Вам заявление, написанное ещё в 1952 году, но не отосланное. Из гордости. Я считаю себя так несправедливо обиженной, что не могу и не могла все эти годы просить о чём-то. О чём? В чём мне оправдываться? Что родители и все предки были дворянами? Но эту вину не оправдает даже смерть...

Когда в 1935 году нас выслали, нам вручили лишь «путёвку в жизнь» – небольшой листик, на котором было написано, что мы высылаемся как социально опасный элемент... Ленинград должен быть крепкой пролетарской крепостью, а дворянам и прочим бывшим людям они доверять не могут – у них может «в случае чего» быть другая психология... мы не ссылаемся, а высылаемся на 5 лет, причём можем сами выбрать город... Я выбрала Самару (Куйбышев – потом)... Паспорт у нас остался прежний, без всякой пометки... В 40-м году кончилось 5 лет. Но под Ленинградом шла финская война. А потом 41-й год – правительство стало переезжать в Куйбышев, и нас, всех оставшихся, выселили, причём по непонятной причине в паспорте поставили ст. 38... Слышала я, потом говорили, что эта массовая высылка была делом рук вредителя Ягоды...

1955

Лев ПРЕМИРОВ (1912–1978)

110 лет назад родился живописец, график, литератор Лев Михайлович Премиров (1912, г. Саратов – 1978, г. Караганда Казахской ССР). Сын прозаика М.Л. Премирова. В 1925 году переехал с семьёй в Ульяновск. Учился в Московском художественном институте имени В.И. Сурикова. Был арестован в Москве в 1934 году, около 20 лет провёл в лагерях и ссылках.

После 1956 года жил в Караганде, иллюстрировал драмы Шекспира, рисовал афиши для кинотеатра. Реабилитирован в апреле 1964-го (Книга памяти Ульяновской области). В 2019 году в Алма-Ате вышла книга «Лев Премиров: исповедь художника Карлага»; в сборнике собраны его стихи, дневники, проза, художественные зарисовки, философские рассуждения.

ИСПОВЕДЬ ХУДОЖНИКА КАРЛАГА (отрывок из книги)

Год 1934-й. Отца арестовали на месяц раньше меня в Ульяновске. При обыске отобрали письмо старого знакомого, бывшего видного эсера. Письмо было из Чехословакии, куда знакомый эмигрировал в начале двадцатых годов, где он преподавал литературу в Пражском русском университете. В письме сообщалось, что устроился он хорошо, Чехословакия – культурная, благоустроенная страна.

Письмо послужило поводом для обвинения отца и всех нас в связях с международной буржуазией. Этот пункт вместе с десятым – антисоветской агитацией – сохранился и после до следования. Москва, усомнившись в присланных материалах, назначила следствие, передав его новому уполномоченному, и большинство пунктов обвинения, кроме двух упомянутых, отпало.

Но до этого спасительного поворота, не зная ничего о грозящем расстреле, я инстинктивно почувствовал нависшую смерть и растерялся. Я очутился в состоянии, близком к состоянию археолога Боровки. Не чувствуя особой вражды к власти и следователям, я поддался на их посулы и туманные угрозы и, впад в отчаяние, по своей инициативе написал в камере нечто вроде исповеди, где свалил на старика-отца всю вину, утверждая, что причина – воспитание, которое он мне дал, воспитание в духе индивидуализма и ненависти к советской власти. Это было сделано в состоянии временного затмения, когда человек теряет моральную ориентировку.

И всё равно я считаю свой поступок самым гнусным в своей жизни, тем более, что уверен: отец читал позорные листки, следователи со злорадством ознакомили его с ними. Но зная, он ни разу даже намёком не упомянул о них, ни во время трёхмесячного сиденья в одной камере, где мы все ожидали этапа, ни на суде, ни в письмах, получавшихся мной из Долинки, карагандинского лагеря-совхоза.

Много раз я хотел поговорить с ним откровенно, я чувствовал, что отец понял всё, понял состояние, в котором я был, предавая его, понял моё молчаливое раскаяние, хотя я упорно молчал, и понял даже то, почему я молчал. Он знал меня лучше, чем я сам.

Я не собирался каяться, это было не нужно и бесполезно, я хотел рассказать ему обо всём, чтобы доказать себе, что я не трус. Но я был трусом, и мол-

чал до самой смерти отца. Есть вещи, о которых говорить нельзя, не поворачивается язык. Отец и теперь стоит передо мной как живой, когда я вспоминаю его последнее слово на суде.

Он стоит впереди меня, высокий и худой, в длинном, выдавшем виды изношенном пальто, седые пряди падают с лысеющей головы на вытертый мех воротника. Он взывает к гуманности судей, он просит пощадить эту «талантливую молодёжь», могущую принести в будущем много пользы стране, он говорит о нас и ничего не говорит о себе и своей судьбе.

Перед отцом на возвышении небольшой клубной сцены за зелёным сукном стола заседает «тройка», выездная сессия военного трибунала Приволжского округа, и молча слушает.

Председатель, голенастый, похожий на цаплю, с маленькой бритой головой, холодно поплёскивает стёклышками пенсне, сидящий справа коренастый военный, густобровый, с чёрным ёжиком волос, что-то чертит на листе бумаги, третий не мигая смотрит на отца, у него невозмутимо-спокойное лицо, похожее на маску.

Речь отца в защиту кучки шалопаев, во главе с родным сыном столкнувшей его в пучину новых страданий и бед (как будто мало было прежних!) меня потрясла, и сидя позади, я горько плакал.

Отец отбыл шестилетний срок в сельскохозяйственном лагере в Долинке Карагандинской области. Он писал мне, какие адские мучения перенёс во время этапа из тюрьмы в лагерь. Я был тогда молод и всё же навсегда запомнил невыносимую жажду, солёную воблу, изнуряющую жару и холод, злобоние, издевательство конвоя, бесконечные стоянки в станционных тупиках. Пожилой, с разрушенным здоровьем, отец перенёс всё это во много раз тяжелее.

По состоянию здоровья он не годился на физическую работу и попал в санчасть, где вёл запись больных и прочую канцелярщину. Вначале он устроился сносно, врач не притеснял, но когда его сменил злобный и невежественный фельдшер, хам, глубоко возненавидевший отца, положение стало невыносимым...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай МАРЯНИН, поэт и краевед*